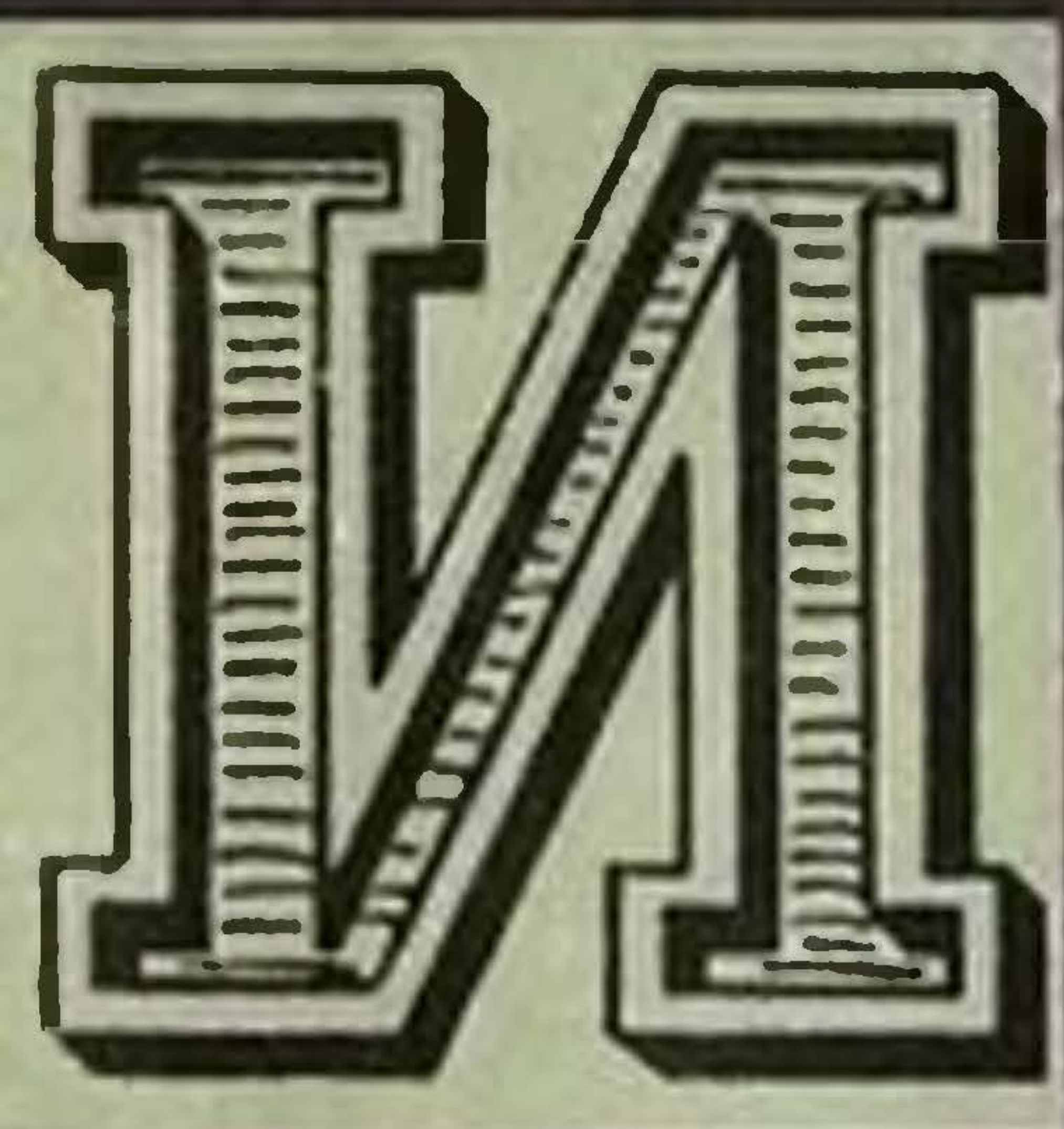

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ

ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

Искатель

1

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ 1974

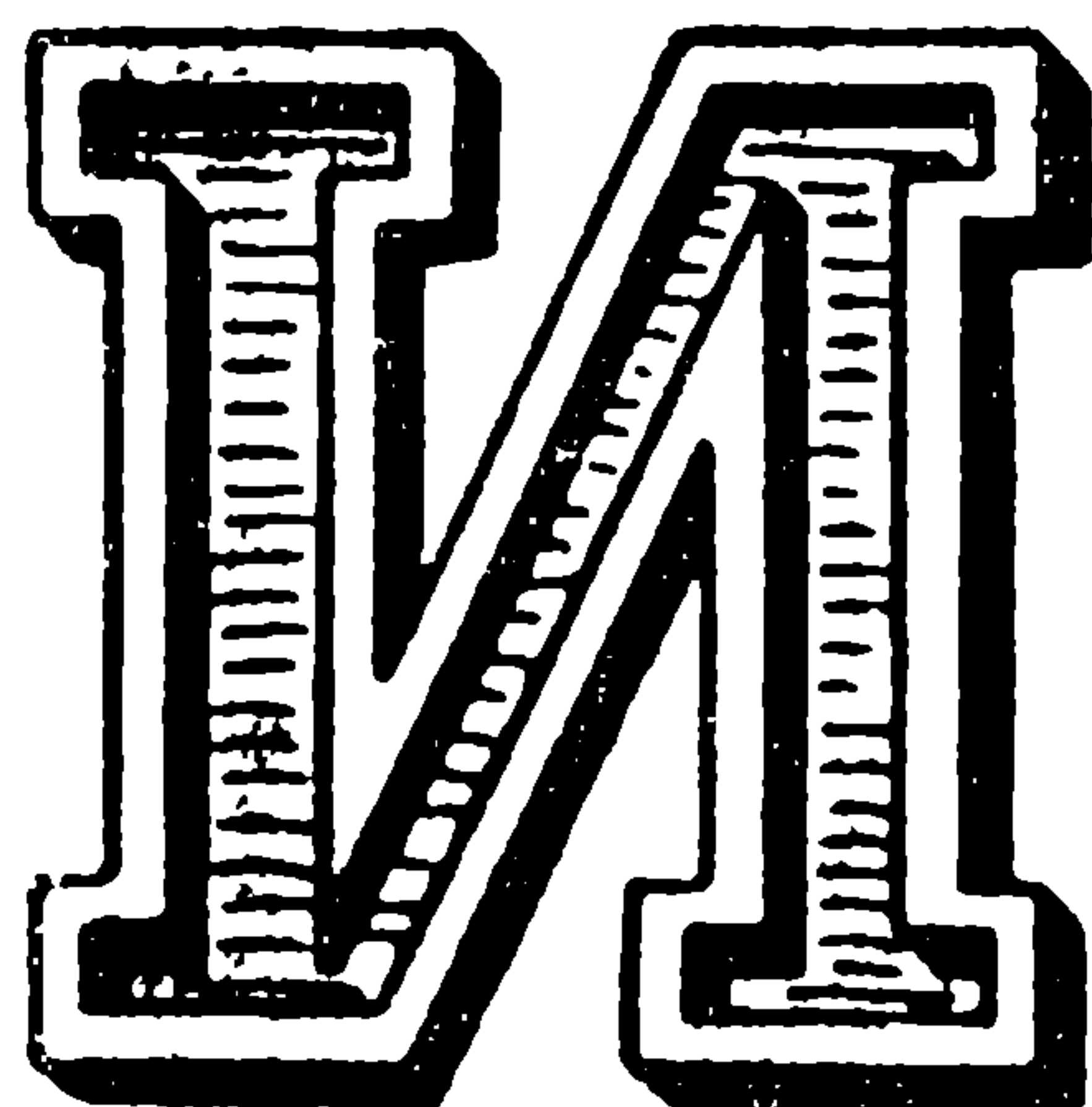

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ

ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

Искатель

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

1974

СОДЕРЖАНИЕ:

Леонид СЛОВИН — Вокзал	2
Глеб ГОЛУБЕВ — Секрет «Лолиты»	82
А. С. ТАББ — Бессменная вахта	150

79

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

© «Искатель», 1974 г.

Леонид Словин

ВОКЗАЛ

Повесть

Оттепель началась внезапно, за несколько часов до Нового года. Сначала повалил снег, влажный и рыхлый, потом зачастил дождь. Денисов поднял воротник, сунул руки глубоко в карманы.

По всем платформам шли люди, лязгали пантографы отправлявшихся электричек. Выведенное вязью «Москва» светилось высоко над головой необыкновенно чистым пламенем.

— Граждане пассажиры! С шестого пути... — конец сообщения Денисов не расслышал.

Выход к вокзалу мгновенно оказался запруженным людьми. Они быстро двигались навстречу — встревоженный муравейник, заполнивший границы платформы. Впереди бежал человек с квадратным стеклом для аквариума. Денисов взял в сторону, с полсекунды двигался вместе со всеми, пропуская женщину, листавшую на ходу расписание поездов.

Ближе к вокзалу толпа заметно редела. Денисову предстояло обогнуть высокого моряка, младшего лейтенанта, пройти метров тридцать по диагонали, затем плавно повернуть к маленькой справочной. Это уже не было трудным: впереди освобождали дорогу — отъезжающие признали его право двигаться против течения.

Внезапное чувство заставило Денисова посмотреть вслед младшему лейтенанту: фуражка, полоска кашне над шинелью... Неясный черный мазок с секунду продержался еще в зрительной памяти.

Едва войдя в зал, он понял, что такого количества отъезжающих ему еще не приходилось видеть одновременно: диваны и кресла были заняты, большая часть пассажиров пребывала в движении.

Живая модель для демонстрации молекулярной теории, подумал Денисов.

Электрическое табло на стене показывало 21.15.

По винтовой лестнице Денисов поднялся наверх, на антресоли. Ровный приглушенный гул огромного зала слышался издалека: казалось, не прекращаясь ни на минуту, шумит по деревьям светлый весенний ливень.

— Граждане пассажиры, — с опозданием сообщила дикторша, — объявляется посадка на дополнительный поезд...

«Чем меня заинтересовал этот моряк на платформе?! — неожиданно подумал Денисов. После демобилизации из флота он по привычке обращал внимание на моряков, искал «своих», потом это прошло. — Кого-то напоминает? Кого?! Лица я его не видел, фигуру тоже как следует не разглядел...»

Денисов еще несколько минут, раздумывая, постоял на антресолях, потом достал блокнот, ручку:

«31 декабря, младший лейтенант флота, 21 час. 12 мин., платформа 6».

Он взял за правило записывать все, что требовалось объяснить или запомнить. Без этого, знал Денисов, не может быть инспектора уголовного розыска.

31 ДЕКАБРЯ, 21 ЧАС 27 МИНУТ

Илья снова увидел Капитана, когда волна отъезжающих вынесла обоих из зала. Капитан оказался впереди, чуточку сбоку. Опасность миновала, и он уже крутил головой, отыскивая Илью.

В такие минуты Илья едва переносил своего напарника: на лице Капитана нельзя было прочесть ничего, кроме преданности и любопытства.

— Счастливого встретить праздник, Илья Александрович, — принимая от Ильи портфель, кротко пожелал Капитан.

— Я пошел! — Капитан сразу почувствовал: ноша Ильи набита не одними тряпками.

Небольшой, перехваченный бечевкой сверток Илья оставил себе.

— Пока. — Сунув сверток под пальто, Илья вместе со всеми побежал к платформе.

В полутемном тамбуре на полу стояли мокрые лужи. Свет полностью не зажигали. Илья откинул голову к стенке тамбура.

«Зачем я все время думаю об одном и том же?! Какой тогда прок от всего этого?! Ведь, кроме меня и Капитана, никто ни о чем не знает. Только я и он. Но Капитан не в счет — через пару дней мы расстанемся. Значит, все дело во мне. Почему же не посмотреть на это проще?! Скажем, так: «Лыжник Илья М., воспользовавшись боковой лыжней, слегка выпрямил дистанцию гонки. Конечно, это нельзя приветствовать, но...»

Теперешнее положение требовало ежечасно новых удовлетворительных объяснений. Необходимо было доказать себе, что не сошел с ума, не заболел, не сделал страшной, непоправимой ошибки, совершив этот внезапный на сто восемьдесят градусов поворот, оставшись в Москве и решившись на авантюру с Капитаном.

Внезапно заработали моторы, тамбур залил серебристый свет. Илья вздохнул свободнее.

«...Во мне ничего не изменилось. Так же я продолжаю любить жену, сына. Экономия в бюджете не распространяется на книги, музыкальные записи. Лексика, упражнения, увеличение словарного фонда — все как было раньше. Одно должно измениться: через несколько дней я куплю дачу, а через год — машину!»

31 ДЕКАБРЯ, 22 ЧАСА 40 МИНУТ

— Товарищ Денисов! — разнесли по вокзалу динамики. — Срочно подойдите к бригадиру поезда номер 5 Москва — Баку. Повторяю...

Денисов взглянул на часы: посадка на бакинский заканчивалась.

Стеклянный свод дебаркадера над платформой дальних поездов усиливал возникавшие внизу звуки — шарканье ног, голоса, таинственные звонки из операторской — казалось, включены для трансляции необычайной чувствительности микрофоны.

У последнего вагона затянутый в форменный плащ бригадир поезда внимательно слушал, что ему поочередно говорят инспектор Блохин и незнакомый пассажир.

Появление Денисова всех троих как будто подхлестнуло.

— Вот: товарищ две сумки внес в купе и пошел за женой, — Блохин, не снимая очков, пальцами протер стекла и заглянул в лицо Денисову, — пока остальные вещи принес, сумки украли.

Он нервно передернул плечами. Вечер Блохин провел на перроне и основательно промерз в своем колючем осеннем пальто и новой шляпе «дипломат» с загнутыми вверх полями.

— Да-а, — вздохнул бригадир и еще туже затянул кушак на плаще, — такой это день, дорогой! Что делать?! В четвертый вагон на одно место три билета продали, в шестом тоже два двойника... — голова его была забита своим. — Куда их посадить, ума не приложу! А ехать всем хочется!

— Сержанта я послал в метро, к эскалатору, — Блохин с надеждой смотрел в глаза Денисову, в руках он держал блокнот и авторучку, — сейчас надо хотя бы часть вещей переписать, ориентировать наряд... И поезд отходит!

Денисов бросился к вагону.

— «Зеленый» дали! — крикнул Блохин.

Тамбур был забит людьми.

— Провожжающие! — волновалась в дверях проводница. — Есть еще провожжающие?

Денисов протиснулся вперед. В первом купе ехали летчики.

— Не видели? Здесь выносили сумки из вагона...

— Разве тут уследишь?

— Товарищи, вещи пропали! Кто видел?

Во втором и третьем купе он тоже ничего не узнал.

— Здесь уже спрашивал какой-то мужчина, — сообщили в четвертом.

Неожиданно Денисов увидел две одинаковые сумки, занимавшие всю нижнюю полку.

— Чье это?

— Когда мы вошли, они уже стояли.

Послышался толчок — поезд двинулся.

— Товарищи, чьи сумки?

На голоса в купе пробились женщина.

— Господи! Как вы нашли?!

— Ваш муж поставил их в чужое купе...

Денисов устремился по забитому людьми проходу назад. На встречу, энергично работая локтями, двигался потерпевший. Как плывцы на дистанции, не видя друг друга, проследовали они каждый по своей дорожке.

Проводница закрывала тамбур.

— Нельзя, — крикнула она Денисову, — теперь только через два часа!

— Милиция, уголовный розыск.

Его тон не позволил усомниться. Денисов поднял крышку, закрывавшую подножку.

— Осторожнее!

Он спрыгнул с поезда за выходными стрелками.

Блохин ждал Денисова в конце платформы.

— Думал, в Баку уедешь, — Блохин перегнулся, подавая Денисову руку.

— Спальных мест не было...

Денисов прошел сначала в автоматическую камеру хранения. Здесь было тихо, аккуратно пронумерованные ячейки поблескивали матово-черными рукоятками своих электронных устройств. Потом на эскалаторе поднялся в центральный зал.

Огромный зал был пуст. Закрылись окошки касс и справочных бюро, исчезли дежурные. Непривычно ярко блестели скрытые всегда от глаз тысячи квадратных метров вымытого к утру торжественного карельского гранита.

«Вот он и прекратился, нескончаемый, длиной от одного праздника до другого, поток пассажиров», — подумал Денисов.

31 ДЕКАБРЯ, 23 ЧАСА 10 МИНУТ

Илья вышел из электрички, спрыгнул с платформы и пустырем зашагал к оврагу.

Ветер, который на вокзале не чувствовался, завывал здесь длинно, тоскливо. Впереди, на бугре, чернел забор мебельной фабрики. Тропа вела к мосткам, построенным для рабочих, живших по ту сторону оврага.

Пройдя метров триста по пустырю, Илья резко повернул назад, присел на корточки и замер. Позади никого не было. Ни один подозрительный звук не доносился и от домов, вплотную подходивших к пустырю сбоку.

Илья немного подождал, поднялся и стал осторожно спускаться по склону оврага.

Туман постепенно рассеивался.

На дне оврага бурлил ручей. Благодаря отходам мебельного производства он не замерзал даже в самые лютые морозы.

Илья спустился по склону. В том месте, где ручей втягивался в бетонированную трубу, он присел и снова огляделся. Ледяной наст со вмерзшим в него камышом держал еще крепко. Илья вынул из-под пальто сверток, положил на наст, потом заголил руку и окунул в холодную воду.

Банка была на месте. Илья достал ее, проверил герметически закрывающуюся крышку. В банке лежал капитал, предназначенный для покупки дачи. Илья переложил деньги из кармана в банку и снова тщательно ее закупорил.

Теперь он был совсем близок к цели: прописка — и сразу домик в Подмосковье.

Илья поднял сверток с наста: пора было уходить.

Обратный путь к домам оказался много легче. Дождь начал затихать. Прижимая сверток локтем, Илья поднялся наверх, прямиком быстро приблизился к жилому массиву. По случаю праздника на этот раз в домах не было ни одного неосвещенного окна.

Илья нашел дом, поднялся на восьмой этаж.

— Вы?! — принимая сверток, хозяйка затрепетала. — Догадываюсь, что это. Хрусталь? — она пожала руку красноватыми, крепкими, похожими на мытую морковь в пучке пальцами. — Очень тронута, спасибо. Все в сборе. Он должен сейчас

подъехать, уже звонил... — Ждали начальника ЖЭКа, который обещал помочь в прописке.

Илья снял пальто, закурил, подошел к зеркалу. Из овальной рамки на него глянуло несколько помятое лицо тридцатилетнего мужчины.

Илья поправил галстук.

«...Этот костюм, рубашка, чистое лицо, руки — разве легко было содержать себя в чистоте, когда приходилось ночевать где попало — на вокзальных скамьях, даже в подъездах?! Сейчас самое страшное позади! Есть деньги, квартира, правда, еще нет прописки...»

В передней раздался звонок — Илья вздрогнул. Проклятые нервы.

— Наконец-то! — хозяйка пошла кому-то навстречу, послышался звук поцелуя. — А мы уж совсем заждались!

— Погода-то какая! — ответил густой бас. — Еле нашел такси — вся Москва как с цепи сорвалась!

Илья прошел в гостиную.

— Это племянник Виктора, учитель труда в школе в Юрюзани и студент-заочник института иностранных языков, — начальнику ЖЭКа надо было говорить правду — все равно узнает из документов.

— Помню, — начальник ЖЭКа оказался старым, с лицом, изрытым морщинами. — Я уже зондировал почву, молодой человек, кажется, все будет в порядке. — Кивнув Илье, он снова повернулся к хозяйке. — Так что у нас на столе, так сказать, главное, мать? На что держать прицел? Грибы? Соления?

Чтобы не мозолить глаза, Илья незаметно удалился.

Одна из хозяйничавших на кухне женщин пристально посмотрела на Илью.

— Вот кого мы попросим открыть консервы! Люблю, когда мужчины накрывают стол: красиво получается...

Другие женщины его не интересуют, хотя он в браке уже восемь лет. Он любит жену. Это как страсть. Как она сказала ему перед отъездом? «Страсть» и «страдание» — слова, даже этимологически связанные друг с другом. То же и в немецком — «ляйденшафт» и «ляйден». У нее определенные способности к языку. Нет, он не ошибся, когда настоял, чтобы она бросила счетоводство и тоже пошла в иняз. Тесть был против: две специальности тесть считал на свете по-настоящему стоящими — бухгалтера и часового мастера... Да еще врача!

«Сейчас другое время, — доказывал Илья тестю, — о куске хлеба можно не заботиться, а вот о машине, о даче... — они сидели у тестя в избе и, разговаривая, смотрели на вытянувшуюся вдоль забора поленницу, — если не будете нам мешать, обещаю, она будет счастлива. Я слов на ветер не бросаю». Это был еще один вексель, по которому теперь следовало расплачиваться. Тесть молча пил чай, размачивая в стакане сушки. Будь он покрепче, лет десять назад, он бы не потерпел у себя за столом таких разговоров. «Она будет учиться заочно, уедет со мной в Юрюзань. Но и там мы надолго не останемся, переедем в большой город». — «Каким же это таким путем?» — «Посмотрим...» — «Не пойму, — тесть помолчал, — будто вся жизнь в этом — машина, дача...»

Облезлый хозяйский дог вошел в кухню, прижался мордой к колену Ильи.

— К столу! К столу! — закричали из комнат.

«Откуда же такое чувство, будто что-то обязательно должно случиться? Будто взялся обучить грамоте этого старого дога, прозаложил голову: или он научится читать, или моя голова с плеч долой! И с кем-то из нас неминуемо что-то произойдет...»

Илья тихо отстранил собаку: «Может, милиционер на вокзале о чем-то заподозрил — он как-то странно посмотрел? Или мне показалось?! Конечно, все завертится, когда объявятся потерпевшие. Скорее бы он проходил, Новый год!»

1 ЯНВАРЯ, 4 ЧАСА 50 МИНУТ

Предутренние часы тянулись особенно долго. Возбуждение после бессонной ночи давало о себе знать.

Происшествий не было. В ожидании первой электрички Денисов вошел в дежурку. За стеклянной перегородкой Антон Сабодаш — гигант, в прошлом известный динамовский штангист — читал журнал. Обтекаемые формы аппаратов, стекло, пластик придавали дежурной комнате вид ультрасовременный. Перед дежурным на пульте связи лежали накопившиеся за ночь бумаги.

Сабодаш не поднимал головы.

— Зима какая-то чудная в этом году, — провести молча оставшиеся до поезда минуты Денисову казалось неудобным, — вот и Новый год тоже: дождь и мороз...

— Есть неопределенность, — не отрываясь от журнала, подтвердил Сабодаш.

— Может, весна будет дружной?

— Не исключено.

Теперь можно было уходить, оставив дежурного наедине с его журналом.

— О чем там все-таки? — Денисова разобрало любопытство. — Детектив?

Здоровяк наконец поднял взгляд на Денисова. У него были рыжие усики и глаза человека, обеспокоенного своей физической исключительностью.

— Интересная вещь, — он заглянул в мудреное название. — Кто-то забыл в электричке, мне его утром сдавать.

— Убийство?

— Квартирная кража. В общем, скрипку Страдивари украли... Меня другое заинтересовало. Мысль такая, что у каждого человека есть какое-то событие, от которого все зависит. Вот! — у Сабодаша получилось мягкое «vот». — Как бы звучат колокола судьбы. Один их слышит, а другой проходит мимо.

1 ЯНВАРЯ, 5 ЧАСОВ 10 МИНУТ

— До чего же невыносливый пошел пассажир! Особенно мужчины! Дашь им нести одну-единственную вещь, скажем магнитофон, и уже стоны! А рядом слабая жена несет две

сумки, и ничего! — Женщина держала в руках авоськи со всякой всячиной. — Мы сейчас уедем, — объявила она дежурному по автоматической камере хранения, — можете предложить нашу ячейку желающим.

Мужчина подошел к ячейке, набрал шифр и дернул дверцу — дверца не открылась.

— Ох уж этот мне сильный пол!

Он поставил магнитофон. Теперь они держались за ручку вдвоем.

Ячейка не поддавалась.

— Ну? Что дергать-то зря? — подошел рыжеватый человек с повязкой механика. — Шифр надо правильно набирать.

— Мы правильно набирали, — женщина хотела еще что-то добавить, но муж сказал примирительно:

— Бывает, конечно. Как же теперь быть?

— Сейчас узнаем, — механик водрузил на нос очки, что-то прочитал на клочке бумаги, который предварительно извлек из кармана. — Открытой оставили вы ячейку, я ее после вас запираю, вот — четыреста семьдесят четвертая, у меня все записано, — он протиснулся к ячейке, ловко вывинтил контрольный винт и, услышав зуммер, ключом-секреткой забрался в отверстие, поддел внутренний рычаг запора. — А дел-то, между прочим, всего: бросил монету, набери четыре цифры изнутри, чтобы никто не видел, захлопни дверцу и иди! — Пока он говорил, зуммер продолжал тревожно звенеть. — Что в ячейке?

— Сумка, чемодан, — женщина растерялась, — все перечислять? В сумке подарки тестя.

— Сверху что? — Механик поставил на место контрольный винт, и звонок прекратился.

— Два плаща «болонья», зеленый и синий, капюшон от зеленого лежит отдельно, — она успокоилась, — в кармане сумки деньги, аккредитивы, документы... Учебник английского языка Бонка и Лукьяновой, авиабилет от Южно-Сахалинска... Две бутылки воды.

Рыжеватый механик распахнул дверцу.

— Что это? — шепотом спросила женщина.

Слева, в дальнем углу ячейки, стояли две бутылки фруктового напитка «Саяны» и наполовину пустая авоська с апельсинами. Сбоку белел сверток с этикеткой ГУМа, других вещей в ячейке не было.

— Где же чемоданы? Сумка?!

Ранние пассажиры и красивый длинноволосый дежурный, прогуливавшийся вдоль отсека, словно догадались о происшедшем и на секунду замерли, глядя в их сторону.

Под мостом, на стрелках, уже виднелась первая электричка.

— Товарищ Денисов! — раздалось вдруг из громкоговорителей. — Срочно зайдите в автоматическую камеру хранения. Повторяю...

Потерпевшие ждали у раскрытой ячейки.

— Слушаю вас.

Мужчина скользнул взглядом по его небрежно откинутой назад куртке. Мокрую шапку Денисов держал в руке, он снимал ее сразу, как только предстояло работать в помещении.

— Просто не верится, — женщина закусила губу, — как будто сон вижу.

— Как же, сон! — рыжеватый механик не принимал близко к сердцу беды огромного количества растерях, именуемых пассажирами, которые, считал он, едут-едут зачем-то и зимой, и летом, и пожилые, и больные, и с детьми, не могут верно набрать шифр, а правил пользования камерой хранения и вовсе не читают, отсюда и шли все неприятности.

Коренастый милиционер с красным лицом — он словно только что покинул парилку — появился незаметно, как из-под земли.

— Ячейку, товарищ младший лейтенант, обнаружили открытой вчера вечером. Думали, кто-то забыл часть вещей, поэтому я распорядился закрыть на другой шифр.

— В какое время это случилось?

— Примерно в двадцать один тридцать.

— А мы ячейкой пользовались часов в пять вечера, — вступил в разговор потерпевший.

— Дверцу хорошо проверили? — спросил механик.

— Закрыто было — это я точно говорю.

«Ячейка не могла простоять открытой почти пять часов», — подумал Денисов.

Теперь можно было приступать к вопросам о шифре.

— Кто из вас набирал шифр?

— Я и набирал: девятнадцать — тридцать восемь, — мужчина старался держаться с достоинством.

— Хоть бы документы подбросили, — его жена хрустнула переплетенными пальцами. — Как вы думаете, на какой день могут подбросить документы?

— Одному документы, другому только бы конспекты наши, — вспылil механик, — третьему удостоверение! Преступников надо искать, обезвреживать их!

Денисов оглянулся: молчаливый дежурный по камере хранения Борис Порываев видел, что с ячейкой что-то произошло, однако не спешил подойти — разговаривал с пассажирами.

Мокрый воротник холодил шею, Денисов снова отбросил его назад.

Автоматические камеры хранения Денисов знал хорошо, пожалуй, лучше других инспекторов, потому что, когда впервые появились автоматы, он стоял на посту в этом же самом зале. Секций тогда было совсем мало, и Денисов в основном занимался тем, что объяснял их назначение пассажирам.

— Принцип работы, — говорил он, — совсем простой: четыре рукоятки шифратора снаружи, четыре внутри. Все соединены с цифрами. Поставьте в ячейку вещи, наберите четыре цифры на внутренней стороне дверцы, опустите монету, и можете закрывать. Когда нужно открыть, снова наберите те же цифры, но уже снаружи!

И здесь же показывал, как это делается, — поворачивал черные ребристые рукоятки шифраторов с внутренней и внешней сторон дверцы. В маленьких прорезях ячеек, щелкая, появлялись цифры — от нуля до девяти.

«Принцип работы прост, — сформулировал Денисов для себя еще в те дни, — автокамеры подчиняются тому, кто вла-

Рисунки Ю. МАКАРОВА

деет шифром. При этом они не делают различий между теми, кто этот шифр избрал, и теми, кто его подсмотрел, подслушал или «угадал».

— Когда вы заняли ячейку? — это был один из самых важных вопросов.

— Еще тридцатого вечером. Мы уже третий день в Москве — ходим по гостям, принимаем подарки, сами дарим.

— Вы издалека?

— Из Южно-Сахалинска. А сам я из Астрахани, — мужчина незаметно перевел дух. — За эти дни несколько раз открывали ячейку — все было в порядке. И вчера тоже.

— Шифр меняли?

— Нет, пользовались одним. Считаете, следовало менять?

— Это записано в правилах. У вас его не могли подсмотреть?

— Как только ячейка открывалась, я набирал снаружи первые попавшиеся цифры... Шифр оставался только внутри ячейки. Понимаете? Там его никто не мог увидеть.

— Сосредоточьтесь на последнем приходе в автокамеру. Преступник узнал шифр в этот раз.

— За шифр я совершенно спокоен.

— Не понял.

— Именно в этот раз здесь никого не было.

— Совсем никого? Может, кто-нибудь все же стоял?

— Вообще никого. Ни одного человека: в такую минуту попали. Открыли ячейку, положили вещи, монету бросили — и

хлоп! Дверцу опять закрыли! Всего несколько секунд прошло.

В разговор снова вмешался механик:

— Тогда их никто не взял! Все! Целы ваши вещи!

— Думаете? Где же они?

— В другой ячейке.

— Но мы в эту клали.

Механик раздраженно хмыкнул.

— Поймите раз и навсегда: нельзя открыть ячейку, если не знаешь шифр. А вы сами сказали, что рядом с вами и вообще в отсеке никого не было!

— Тогда как же попали в эту ячейку апельсины? Сверток из ГУМа? Кто их туда положил?!

— Здесь и не такие чудеса бывают! Вчера, например, у пассажира тоже один чемодан в одной, а второй в другой ячейке оказался. Да и не в том отсеке. И все дело, а человек кричит: «Вместе клал...» Пишите заявление, приметы вещей укажите — будут камеру хранения проверять, найдут вещи и вышлют. По указанному адресу. — Механику очень хотелось, чтобы дело обернулось привычной перепиской между пассажиром и вокзалом.

— Как часто бывает проверка?

— Через каждые десять дней.

Мужчина вопросительно посмотрел на жену.

Денисов вмешался:

— Соседние ячейки мы проверим сейчас. Дежурный будет чуть приоткрывать дверцы, не показывая шифр, а вы смотрите внимательно. Может, действительно, найдем.

Механик выразительно посмотрел на него.

Молчаливый дежурный по камере хранения, чернявый Борис Порываев, по кивку Денисова подошел ближе.

— Но вы же не знаете, на какие шифры заперты ячейки? — потерпевший с сомнением посмотрел на Денисова.

— В камере хранения имеется ключ ко всем ячейкам, он хранится у дежурного. Открывайте, пожалуйста, с четыреста пятидесяти пятой.

Порываев словно только и ждал этого сигнала, снова тревожно зазвенел зуммер.

— А дежурный, между прочим, тот же самый. При нем мы вещи клали, — как-то со середины продолжил мысль вслух потерпевший, отойдя с Денисовым в сторону. Его жена в это время как замороженная следила за хорошо отрепетированными действиями дежурного, — вот вы спросили, кто был, когда мы в последний раз открывали ячейку, я ведь о нем и не подумал. А он был. Несколько раз мимо меня прошел...

— Любопытно!

«...что это за история с чемоданами, которые клали вместе, а нашли в разных ячейках?! Выдумка механика, чтобы легче отделаться от потерпевших? А если нет? Выходит, кто-то специально перенес чемоданы из одной ячейки в другую. Зачем? Почему все вещи целы?»

Порываев проверил все ячейки до угла отсека и теперь приближался к Денисову и потерпевшему по другой стороне ряда, ловко орудуя ключом-секреткой, лицо его казалось невозмутимым.

— Теперь это кажется подозрительным! Не так ли?

Денисов не ответил.

— Стойте! — неожиданно крикнула женщина. — Вот наши вещи! Сумка и чемодан!

Мужчина метнулся к ячейке.

— Видите. — дежурный покраснел, — вы и ячейку-то не запомнили!

— Именно, — подал голос механик, — и все едут!

— И шифр другой! Четыре пятерки! А из-за этого невинных людей подозревают!

Потерпевший смущенно улыбался, пока его жена быстро проверила чемодан и принялась за сумку.

— Что это?! Я «молнию» застегнула до конца! Кинокамеры нет. Еще каких-то вещей... Хрусталя нет, баккара в серебре!

— Апельсинов почти полсумки...

При упоминании об апельсинах механик нервно хрустнул нераспечатанной пачкой «Столичных».

— Вы лучше ищите! Если бы уж взяли, то все — вместе с сумкой! Станет вор тут с вещами располагаться... Ждать, когда его поймают! Он взял — и ходу!

— Я помню, как клала вещи!

«Надо вызывать следователя, давать ориентировки, — подумал Денисов. — Как пишется «баккара»? С двумя «к»?»

1 ЯНВАРЯ, 5 ЧАСОВ 15 МИНУТ

Илья вернулся к себе под утро. Квартира оказалась пустой — хозяйка встречала Новый год в гостях у сына. На столе Илья обнаружил ее поздравительную открытку.

Он не любил этот дом. Рядом, на лестничной клетке, жил заместитель начальника отделения милиции, в соседнем здании размещалась контора ЖЭКа, паспортистка, штаб пародной дружины — тревожное соседство. Впрочем, жить здесь Илья не собирался.

Илья прошелся по комнате, осмотрел свои вещи. Их было немного — все ценное он хранил на Рижском вокзале, в автоматической камере хранения, — фотоаппарат, две кинокамеры, потрепанный чемоданчик с барахлом — вот и все. Илья поднял крышку, мелькнули наклеенные изнутри фотографии военных кораблей. Илья взял этот чемоданчик у Капитана. Все содержимое находилось на месте, хозяйка была женщиной нелюбопытной.

...С Капитаном они познакомились на вокзале.

Илья привез в камеру хранения портфель с учебниками. Второй зачет он тоже завалил, значит, не будет допущен к экзаменам. Настроение было испорчено. Илья же видел тягостное возвращение в Юрюзань, лицо жены, ее по-детски оттопыренную, перед тем как заплакать, нижнюю губу.

Дежурный по камере хранения листал толстую книгу «Оценка доказательств в уголовном процессе» — ее передавали по смене уже недели две; сержант — молодая женщина «в интересном положении», как говорили раньше, — разговаривала за столом с приезжей. Свободных ячеек не было.

Илья нашел одну — в самом конце отсека. Здесь уже находился пассажир. Мельком взглянув на Илью, он продолжал заниматься своим чемоданом. Илья тоже не обращал на него внимания.

Похожее на металлическое корыто, дно ячейки оказалось сплошь покрытым царапинами. Илья поставил портфель и потянулся к шифратору.

С внутренней стороны дверцы стояли четыре нуля, словно кто-то специально стер остающийся обычно чужой шифр.

Илья мельком взглянул на человека, возившегося у чемодана: поворот головы, спина показались Илье подозрительными — в них чувствовалась литая неподвижная тяжесть.

Щелк! — Илья повернул ручку шифратора на одно деление — незнакомец замер, весь обратившись в слух.

Продолжая наблюдать, Илья набрал шифр.

Щелк! Щелк! — отбивал старенький шифратор с поворотом дисков.

Илья не стал запутывать незнакомца — каждый диск щелкнул ровно пять раз. «5555» — выскочили цифры с внутренней стороны дверцы. Потом Илья опустил в приемник монету, захлопнул ячейку и пошел к выходу.

Женщина-сержант продолжала тихо разговаривать с приезжей, дежурный ни разу не оторвался от книги.

«Пока не узнает, уехал я или нет, все равно не возьмет», — подумал Илья, идя к выходу, и в ту же секунду услышал позади тихое пошаркивание — незнакомец взял его под наблюдение.

Неожиданное событие на время отвлекло от неприятных мыслей. Минут пятнадцать Илья и незнакомец ходили по вокзалу вместе, словно связанные невидимой, но крепкой нитью. Илья купил в киоске свежий номер «Москоу ньюс» и в это время еще раз мельком оглядел незнакомца. Тот оказался уже в годах, костлявый, одетый небрежно, с темными кругами под глазами. Он купил себе программу телепередач и пачку мыла — его продавали в киоске вместе с газетами.

«Спокоен, видимо, уверен в себе, а может, пьян!» — Илье захотелось поговорить с этим человеком, который рискует свободой ради несвежей сорочки, англо-русского словаря и нескольких учебников. — Впрочем, ускорить развитие событий в наших силах!»

Направляясь к такси, он потерял старого вора из виду и больше уже не оглядывался, пока не попал на стоянку. Здесь оказалось немного людей.

— Прямо! — сказал Илья, садясь рядом с шофером.

Едва машина вырвалась на простор Садового кольца, Илья добавил:

— А теперь снова на стоянку.

«Оперативник», — сообразил таксист.

Назад Илья продвигался осторожно, чтобы раньше времени не напороться на незнакомца. Поднявшись в вестибюль, он остановился у медкомнаты: Илья знал вокзал хорошо — вор не мог миновать это место.

Ждать пришлось недолго. Из дверей, быстро глядя по сто-

ронам, вышел новый владелец его портфеля. Прячась за прохожими, Илья поспешил следом. Вор тоже тоннелем вышел к стоянке такси. Ближайший водитель показал ему место рядом с собой.

— Держитесь вон за той машиной! — скомандовал Илья, вскочив в первое свободное такси. — Не потеряйте его из виду!

— Ну и денек у вас сегодня! — рядом оказался тот же шофер, который делал с ним круг по площади.

— Случается.

«Рыжий» — незнакомец выглядел блеклым, выцветшим — привез его на Павелецкий вокзал. Здесь Рыжий оставил такси и некоторое время прятался позади павильона передвижной камеры хранения.

Когда в одной из электричек раздался звонок к отправлению, Рыжий оглянулся и рысцой побежал на посадку. Илья оказался на высоте — он ждал нечто подобное: прежде чем Рыжий вбежал в крайний тамбур и оглянулся, Илья обогнал его и вскочил в тот же вагон в другую дверь. Электропоезд тут же отправился.

Ехать пришлось недолго. Выйдя вслед за Рыжим в Коломенском, Илья спрыгнул с высокой платформы и перебежал через пути. Вор не пренебрег обязанностями пешехода и воспользовался для той же цели переходным мостом. Убедившись, что опасность больше не угрожает, он зашагал спокойнее — обошел постового у табачного киоска, срезал угол маленького скверика и вошел в подъезд серого, невыразительного дома. Илья ускорил шаги, а как только Рыжий скрылся в подъезде, побежал бегом.

На площадке четвертого этажа Илья догнал незнакомца и, не дав опомниться, шагнул вместе в неосвещенную прихожую. Автоматический замок глухо щелкнул за спиной.

В небольшой однокомнатной квартире оказалось не убрано и пыльно. Не обращая внимания на хозяина, Илья заглянул в кухню. Там никого не было. В умывальнике лежала груда немытой посуды. Сбоку, на холодильнике, — форменная морская фуражка.

Вор оказался человеком опытным и ничего не сказал, ожидая, пока прояснится ситуация. Краденый портфель он держал в руке.

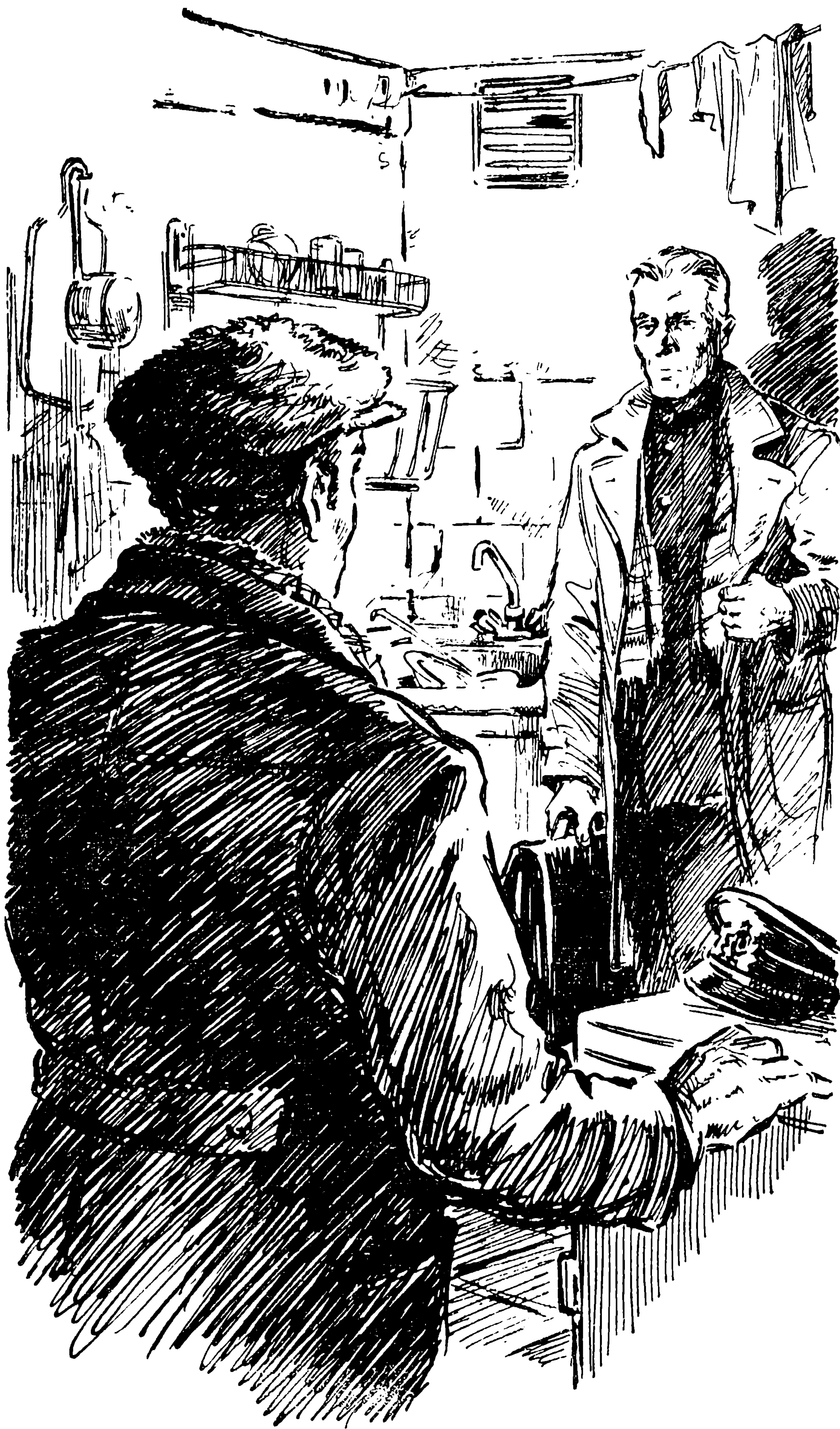
— Там тоже никого нет? — Илья заглянул в комнату.

Она казалась темной, сплошь заставленной мебелью. На спинках стульев, диванов, на дверях встроенных шкафов висели кофты и куртки, почти все старые и поношенные. По углам валялись мужские и женские туфли. Такой же развал царил во всей квартире, словно все многочисленные шкафы, шкафчики, ящики, серванты и подсерванты выдвигались лишь в одном направлении — наружу, а не внутрь.

— Вот так вы живете? — спросил Илья.

Хозяин квартиры будто ждал этих слов, он сразу успокоился, поставил портфель на стол, неожиданно угодливо, по-кошачьи выгнув спину.

— Здесь моя сестра живет. Сейчас она в больнице. Хотите выпить?

— Не пью, спасибо.

— Тогда я сам, извините. Я ведь подумал, что вы из милиции.

— Не служу. Дружинником, впрочем, был.

— Уважаю дружину, — вставил Рыжий.

— Здесь можно снять пальто?

— Разрешите, я повешу. Такой беспорядок. У сестры все руки не доходили. Должен сказать, вы меня здорово выследили. Гениально, — он несколько раз подходил к серванту, прикладывался. — По этому случаю не мешает и увеличить дозу. Талантливо. Садитесь на диван, там чисто.

Илья присел на край дивана, потянулся в карман за сигаретами.

— Курите, — Рыжий зажег спичку и поднес Илье. Выпив, он стал разговорчивым и внимательным, несколько раз Илья замечал на себе его сосредоточенный взгляд. — Как вас отец с матерью ругали? Извините, если не так выразился...

— Ильею. По деду. Илья Александрович.

— Ну а я Капитан, — он улыбнулся, — в детстве, говорят, носил матроску, ну и пошло с тех пор. На всю жизнь море, Одесса.

— Плавали?

— Всякое бывало, — Капитан встал, нашел в углу за сервантом непечатую бутылку «Старки», ловко раскупорил зубами и налил себе больше половины стакана, — теперь вот на мели... То, что вы сегодня видели, так, случайность. На рюмку водки, пачку сигарет.

— А если поймают? Потерпевшие, например...

— Извинюсь! Принимаю, мол, товарищи, ваше негодование как заслуженное. Но поймите и вы меня: родных у меня никого нет, кроме больной сестры. Всю жизнь скитаюсь под влиянием многих обстоятельств, так что пенсию не заработал, — Капитан не спускал с Ильи внимательных глаз, — а заработал одни пороки. Веду краховый образ жизни, хотя в свое время, говорят, подавал надежды, — он снова выпил, — самостоятельно теперь уже ни на что не способен. Даже на воровство. Я и про щелчки эти узнал от других: примитивно, но довольно тонко.

— Тонко?! — Илья засмеялся. — Это тонко?! А если вас научить открывать ячейки, не подслушивая и не подсматривая?!

— Это невозможно.

— Определенные ячейки.

— Не понимаю.

Илья встал, прошелся по комнате, заглянул в окно. В чахлом скверике у магазина о чем-то спорили грузчики, ниже, на путях, вытянулись в нитку белоснежные вагоны-рефрижераторы. В доме было тихо.

Илья иногда думал о единственном шансе, оказавшемся в его распоряжении. Этот шанс представлял возможность отыграть в жизни все: большой хозяйский дом, машину, комфорт, даже диплом. Все, что обещал тестю, когда уговаривал не мешать их счастью; чем бредил сам и смог увлечь жену.

— Есть способ. Простой, как все гениальное. Я даже хотел письмом написать. Главному конструктору.

— И написали?!

Илья пожал плечами.

Капитан приблизился. В одной руке он держал бутылку «Старки», в другой — стакан.

— Я сам был таким: благородный порыв, инициатива и прочее. Слушайте, Илья! — он хотел что-то сказать, но вдруг понял, что Илью не придется уговаривать.

— Какая минута! — Капитан неожиданно прослезился, побежал на кухню, вымыл Илье стакан. — Думаете, мне нравится эта жизнь, Илья? «Есть у моря свои законы, есть у моря свои повадки». Читали? Прекрасные стихи поэта Григория Поженяна. «Море может быть то зеленым, то с белым гребнем на резкой складке...» Мечтаю накопить денег и уехать в Одессу. Пейте, за это вы обязаны выпить!

— Копить деньги?! Красть, извините, старье?! — Илья залпом выпил и отстранил руку Капитана, подававшего ему кусок огурца. — Кота в мешке?! Нет! Если уж брать, то крупно!

— «Волгу», Илья Александрович, в ячейку никто не поставит! То есть я имею в виду в первую попавшуюся ячейку...

— Тогда надо поискать в другой, в десятой!

— Преклоняюсь перед масштабами! Это совершенно искренне! Но как открыть другую, третью?!

Илья чувствовал, что перед ним проходимец значительно порочнее, чем кажется с первого взгляда, проходимец крупный, предприимчивый, бесстрашный, такой, какой теперь требовался Илье.

— Только я зря с вами разговорился! Вы же пьете!

— Пил! Заметьте: пил! Эта стопка последняя. Командуйте! Вы капитан. Что я обязан делать?

— У вас есть знакомства на вокзалах? В камерах хранения?

— Найдутся. Вообще-то масса полезных знакомств, особенно на площади трех вокзалов.

Илья почувствовал вдруг странный прилив энергии.

— Сначала надо все обдумать. Переночевать мне, наверное, придется здесь.

— Что за вопрос? «Море может быть в час заката...» Пожалуйста. «...просто светлым и просто синим, чуть колышимым легким бризом...»

Хмелея, Капитан становился все сердечнее, болтливее, жаловался на сестру, читал стихи, его тянуло ко сну, но он крепился.

Илья хорошо рассмотрел его хрящеватый нос, порозовевшие щеки, небольшие, но довольно красивые темные брови. У Ильи было такое чувство, будто он близко к глазам поднес стрекозу или кузнечика и неожиданно обнаружил перед собой сложное живое существо.

— Вы не представляете, Илья Александрович, каким я был одиноким...

Он положил голову на край заставленного немытой посудой стола, вздохнул и перед тем, как заснуть, вдруг посмотрел на Илью так отчетливо-трезво, что Илья даже усомнился: не разыгрывают ли его. Но Капитан уже спал, жуя и причмокивая во сне.

«И такой вот человек решается плыть против течения, уста-

навливает для себя законы существования. А я не решался! Грош была мне цена!»

Из кухонного окна открывается вид на старый кирпичный заводик. Он был пуст, хотя во всех его разбросанных по двору помещениях что-то парило. Белые дымы рассеивались по крышам подсобных помещений. На высокой заснеженной насыпи беззвучно — из-за плотно проконопаченной рамы — работал экскаватор. Комки песка скатывались с насыпи к скучному, растянувшемуся на целый квартал забору, обсаженному осенними саженцами. Голодный бродячий пес обнюхивал чахлые деревца. Он не спешил, строил маршрут дня в зависимости от обстоятельств.

«Деньги, какие у меня остались, надо отослать домой. Оставить только в обрез. Сжечь мосты, чтобы некуда было отступать. Жене можно написать, что заработал на переводах и аннотациях. И еще: начать надо в другом городе — в Баку или Киеве. Москву оставить напоследок».

1 ЯНВАРЯ, 5 ЧАСОВ 20 МИНУТ

ВСЕМ, ВСЕМ. 31 ДЕКАБРЯ ПРИМЕРНО В 21 ЧАС СОВЕРШЕНА КРАЖА ВЕЩЕЙ ИЗ ЯЧЕЙКИ АВТОМАТИЧЕСКОЙ КАМЕРЫ ХРАНЕНИЯ. В ЧИСЛЕ ПОХИЩЕННОГО — ХРУСТАЛЬНАЯ ВАЗА, БАККАРА В СЕРЕБРЕ В ВИДЕ ЧАШИ, ЗАКУСОЧНЫЙ ПРИБОР СЕРЕБРЯНЫЙ НА ВОСЕМЬ ПРЕДМЕТОВ, КИНОКАМЕРА «КВАРЦ», НОМЕР УТОЧНЯЕТСЯ, ФЛАКОН ФРАНЦУЗСКИХ ДУХОВ «ЛЕ ГАЛОН» С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ПАРУСНОГО СУДНА НА ЭТИКЕТКЕ, ДЕНЬГИ В СУММЕ...

ПРОШУ ПРИНЯТЬ МЕРЫ РОЗЫСКА ПРЕСТУПНИКОВ И ПОХИЩЕННОГО.

1 ЯНВАРЯ, 5 ЧАСОВ 45 МИНУТ

Следователь и эксперт уже заканчивали составлять протокол осмотра, когда в отсеке камеры хранения появился старший инспектор Блохин. Он был не один: позади держались двое высоких мужчин, похожих друг на друга, — отец с сыном.

— Кажется, еще кража, — не поздоровавшись, объявил Денисову Блохин. — Ну и подежурили мы. Наверное, по благодарности отхватим! — Он снял очки, протер стекло и пристально посмотрел на Денисова. — Тоже набрали шифр, а ячейка не открывается.

Денисов отвел взгляд: Блохин любил смотреть в глаза и мог «пересмотреть» кого угодно.

— Может, спутали шифр?

— Вряд ли.

В подтверждение его слов потерпевший-сын кивнул.

Следователь и эксперт подошли ближе, прислушиваясь к разговору.

— Может, нам и уходить не надо? — спросил эксперт. — Еще ячейку осматривать? — Ему явно не хотелось снова потом приезжать на вокзал.

— Сейчас узнаем. Молодой человек! — крикнул Блохин Порываеву, показавшемуся в конце отсека. — Подойдите на минутку! — Блохин нервно передернул плечами, ночь он провел на линии, в поездах, и основательно промерз в своем колючем осеннем пальто и новой шляпе «дипломат»; полные, обросшие за ночь щеки старшего инспектора и особенно шея отливали с мороза лиловато-красным цветом.

Порываев подошел к ячейке. Под тревожный аккомпанемент зуммера дверца открылась: внутри оказался чемодан из свиной кожи, перетянутый толстыми ремнями.

— Это не наш, — сказал молодой, сильный акцент выдавал в нем уроженца Прибалтики. — Наш небольшой, новый. Мы его неделю назад купили в Каунасе.

— Когда вы клали вещи? — заученно спросил Блохин.

Потерпевшие перекинулись несколькими фразами.

— Отец говорит, что он клал чемодан утром тридцать первого декабря. Он говорит еще, что здесь было много людей, но он надеется, что все будет в порядке, поскольку он аккуратно выполнил все предписания.

— Спросите, кого он подозревает из тех, кто находился тогда недалеко от него? — разговаривая, Блохин снимал и снова надевал шляпу. — Никто не мог подсмотреть шифр?

— Он говорит, что не знает.

— Извините, — Денисов почувствовал неловкость, вмешавшись в разговор, — на какой шифр была закрыта ячейка?

— Год своего рождения...

— А именно?

— Одна тысяча восемьсот девяносто два.

Все оглянулись на сурового седого человека, который не подозревал, что речь идет о нем, и все время, пока находился в отсеке, оставался одинаково спокойным и невозмутимым.

Блохин нашел Порываева, успевшего скрыться в лабиринте отсеков.

— Измените шифр ячейки, только так, чтобы новый шифр никто не знал. Когда придут за чемоданом, пошлите ко мне или к Денисову.

Старик литовец что-то негромко сказал, показав на дежурного.

Порываев просунул руку в ячейку, демонстративно, на ощупь перекрыл шифр и закрыл дверцу.

— Что же находилось в чемодане? — спросил Блохин и глубже натянул шляпу, словно для того, чтобы смягчить удар.

— Он говорит, — начал сын с излюбленной формулы, — вещи и чемодан для него большой ценности не представляют. Только кожаная папка. В ней были деньги. Он говорит, что приехал покупать «Жигули».

1 ЯНВАРЯ, 6 ЧАСОВ 05 МИНУТ

— ...И сразу заявили о второй краже! — кричал в трубку дежурный. Увидев Денисова, Сабодаш на секунду зажал своею огромной ладонью мембрану. — Ничего нового нет? Звонки, брат, одолевают. Сейчас с дежурным по управлению разгова-

риваю... Алло! Слушаю, конечно, слушаю! Куда мне пропадать?!

Дежурка за то время, пока Денисов в ней не был, сильно изменилась, со стола исчезло все лишнее, пол подметен, журнал, который читал дежурный всю ночь, лежал на подоконнике, прикрытый суточной ведомостью нарядов. Дежурка походила на крохотное суденышко, замершее в ожидании надвигающегося шторма.

Пока здоровяк, ежесекундно замирая, разговаривал по телефону с начальством, Денисов сумбурно, как человек, проводивший бессонную ночь, анализировал обстоятельства краж.

Обычно преступники забирали вещи сразу, после того как узнавали шифр, поэтому время последнего пользования ячейкой и время кражи практически совпадали. С сегодняшними кражами было по-другому: одну ячейку закрыли утром, другую поздно вечером. Может, преступник подсмотрел шифр литовца утром, а за вещами приехал вечером и одновременно узнал шифр ячейки с хрусталем?!

Подумав, Денисов отверг эту возможность: вор не мог быть уверенным, что старик литовец не возьмет до вечера свой чемодан, рисковать не имело смысла.

Резкий звонок обрвал его рассуждения, на коммутаторе оперативной связи вспыхнула красная точка.

— Телефон звонит, — сказал дежурный, помедлив.

Это была крайняя степень неуверенности, которую Денисов не мог понять.

— Говори же!

— Дежурный слушает! — В тяжелой руке штангиста трубка выглядела игрушкой. — Здравия желаю, товарищ полковник!

«Новое, пожалуй, и то, что в одном случае преступник не взял все вещи полностью, а только самые ценные — хрусталь, кинокамеру, деньги... И почему-то перенес остальные в свободную ячейку, перепрятал. Может, он еще вернется за остальными?!»

Совсем скоро за окном мелькнули черные крылья разворачивающейся «Волги». Вторая — серая, неприметная, с работниками уголовного розыска — приткнулась поодаль, между контейнерами почтовой перевозки.

В коридоре слышались стук дверей, шаги, громкие голоса.

Первым вошел полковник Холодилин, высокий, сухой, в надетой почти на глаза папаше. За ним — работники опергруппы, все, кто в этот час оказался под рукой. Холодилин не стал дожидаться рапорта, кивнул Денисову, который, держа руки по швам, стоял у дверей, и сразу прошел к столу дежурного.

— Ничего не изменилось?

— Все по-прежнему, товарищ полковник, как я докладывал...

На коммутаторе зажегся огонек — трубку снял Холодилин.

— Нет, вы не ошиблись, товарищ подполковник. Это дежурная комната. Холодилин у телефона. — Звонивший от неожиданности, должно быть, потерял дар речи, потому что Холодилин еще немного помолчал, давая ему время прийти в се-

бя. — На вокзале совершены два преступления. Когда вы думаете прибыть? Через полчаса? А успеете? Договоримся — быть через час и лично возглавить.

Разговаривая, заместитель начальника управления цепким взглядом прошел по дежурке, обнаружил на подоконнике высунувшийся из-под ведомости журнал.

— Истории Амати и Страдивари, — положив трубку, он пробежал глазами оглавление. — Всю прочитали?

— Всю, — на дежурного было жалко смотреть.

— Гёте писал, чтобы научиться читать, он потратил восемьдесят лет и потом еще не мог утверждать, что достиг цели... Докладывайте, товарищ капитан.

— Разрешите! — на пороге показался старший инспектор Блохин, он привычно, не снимая очков, протер пальцами стекла. — Есть новые данные.

Холодилилин не любил, когда кто-то вмешивался в его распоряжения, но на этот раз изменил своему правилу.

— Прошу, — как многие, прошедшие по служебной лестнице с самой нижней ступени, Холодилилин любил обращаться к подчиненным по званиям и произносил их подчеркнуто уважительно, — докладывайте, товарищ майор!

— Чемодан со второй кражи нашелся. В нем все цело...

— Странно. Кроме денег?

— Да, кроме денег. Нам кажется, преступник в обоих случаях был особенный — он не интересовался шифром.

— Что вы имеете в виду?

— Товарищ полковник! — Блохин снял шляпу, расправил края и снова надел ее. — Когда потерпевшие клали вчера вещи, в отсеке не было ни одного человека. Ни души! Другая важная деталь: чемоданы и сумки преступник с собою не забирает... Наша точка зрения, — он кивнул на дежурного и Денисова, — в совершении краж участвовал кто-то из персонала камеры хранения. Без своих здесь не обошлось. Их все знают, им нельзя вынести сумку или чемодан целиком, поэтому они берут то, что занимает мало места, что можно положить в портфель, в карман.

— Любопытно. Значит, вы уже успели кое-что проанализировать?..

— Засада у ячеек не имеет смысла: вор за оставшимися вещами не явится, товарищ полковник.

Денисов выдержал испытующий взгляд Холодилилина, хотя ему не понравилось, что Блохин включил его в число авторов версии. Зачем это?!

— Пока рано делать такой вывод. Розыск начнет оперативная группа управления, — Холодилилин взглянул на часы, — скоро здесь будет начальник розыска, он организует дальнейший поиск. Вы, товарищ майор, — Блохин сделал шаг вперед, — вместе с инспектором идите отдыхать. Утром продолжите розыск. Дежурный будет работать с вами. Новый год слегка передвинем. Нет возражений?

— Нет, товарищ полковник, — ответил за всех Сабодаш, — все ясно. Разрешите исполнять?

1 ЯНВАРЯ, 7 ЧАСОВ 15 МИНУТ

НАЧАЛЬНИКАМ ОРГАНОВ МИЛИЦИИ МОСКОВСКОГО ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО УЗЛА. СВЯЗИ ПОЯВЛЕНИЕМ ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШИВШЕГО ДВЕ КРАЖИ ТРИДЦАТЬ ПЕРВОГО ДЕКАБРЯ, ПРОШУ ПРИНЯТЬ МЕРЫ ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ. УСИЛЬТЕ НАРЯДЫ МИЛИЦИИ ОХРАНЕ АВТОМАТИЧЕСКИХ КАМЕР ХРАНЕНИЯ. ПРИМЕТАМИ ПРЕСТУПНИКА НЕ РАСПОЛАГАЕМ. ХОЛОДИЛИН.

НАЧАЛЬНИКУ ГОСУДАРСТВЕННОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА ИНФОРМАЦИИ И УПРАВЛЕНИЯ МВД СССР.

ПРОШУ СООБЩИТЬ НАЛИЧИЕ АНАЛОГИЧНЫХ КРАЖ, ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ В КАМЕРАХ ХРАНЕНИЯ, ПРИЕМЫ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ — ОТСУТСТВИЕ ЧЕТКИХ УКАЗАНИЙ НА СПОСОБ ОЗНАКОМЛЕНИЯ С ШИФРОМ, ИЗБИРАЕМОСТЬ ПОХИЩЕННЫХ ВЕЩЕЙ, ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ИЗЫМАЕМОГО В ДРУГИЕ ЯЧЕЙКИ. ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА МОСКОВСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ТРАНСПОРТНОЙ МИЛИЦИИ ХОЛОДИЛИН.

1 ЯНВАРЯ, 9 ЧАСОВ 50 МИНУТ

— Ну и спать ты! — с завистью сказал Блохин, дергая Денисова за одеяло. — Я уже и кофе пил, и в отделе побывал, — он смотрел на Денисова, пытаясь поймать его «на взгляд», — а ты все спишь!

Денисов поднялся. Комната отдыха локомотивных бригад, в которой он спал, была необыкновенно сухой, уютной, с геранью на окнах и ситцевыми занавесками.

— Ты пятьсот вторую ячейку ночью открывал? — спросил Блохин.

— Когда искали хрусталь.

— Вещи в ней были, не помнишь?

— Я не заглядывал. Мы проверили все ячейки до конца отсека. — Одеваясь, Денисов подошел к окну и отдернул занавески.

С высоты открывался вид на тихий, непроснувшийся город. В прозрачном воздухе дали казались тонко прорисованными, даже высветленными. Денисов давно не видел такого ясного утра.

Блохин не разрешил долго любоваться видом новогодней столицы.

— Так вот: пятьсот вторая ячейка обворована.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Вещи лежали с двадцать шестого числа. Сегодня ночью Порываев ее открывал. Теперь она обворована. Ясно?

Денисов накинул куртку, взял шапку в руки и вслед за Блохиным пошел по узкому проходу к винтовой лестнице.

— Известно еще кое-что, — на ходу объяснял Блохин, — иногда Порываев появляется на вокзале и в час, и в два часа ночи.

Старший инспектор все время чуточку спешил и в своих рассуждениях был тоже на ступеньку впереди Денисова. Едва Денисов оказывался рядом и пытался в чем-то самостоятельно разобраться, Блохин делал шаг вперед.

Денисову наконец, хотя бы временно, удалось перехватить инициативу.

— Но ведь Порываев почти всю ночь провел с нами. Когда ему успеть совершить кражу? — спросил он, уже входя в зал.

— Мы с тобой за Порываевым не следили, а потом и вовсе ушли из зала. Первое. А во-вторых, дежурному можно самому не красть, достаточно только передать шифр сообщнику.

— Но в этом случае не обязательно брать только то, что уместится в карманах?!

— И все же: если не знаешь шифр, ячейку не откроешь. Согласен?

Чтобы никому не мешать и в то же время почувствовать обстановку, они пристроились к очереди у суточной кассы. Людей в зале было не очень много, но пассажиры все прибывали. Тяжелые входные двери из литого стекла ни на секунду не оставались в покое.

— Начальник розыска оставил нас на положении блуждающих форвардов, — сообщил Блохин, — личный сыск и прочее.

Денисову еще ни разу не приходилось быть «блуждающим форвардом». Он припомнил все, что связано со свободным поиском, — раскрепощенность версий, работа в относительной изоляции, без непосредственной локтевой связи с товарищами; наблюдать, замечать, делать выводы.

— Но я думаю заняться Порываевым, — старший инспектор нахмурился.

— Разве он еще на работе?

— У них какая-то история с отгулами. Сегодня он будет до шестнадцати и снова выйдет в ночь.

— А механик?

— Механик тоже... Между прочим, хочешь пари?

Денисов тайно считал себя неплохим психологом, но порой он становился в тупик, пытаясь понять Блохина: границы его характера были слишком расплывчаты и неточно очерчены, а строй мышления незнаком вовсе. Вот и сейчас старший инспектор сказал то, чего Денисов от него не ожидал:

— Сегодня или завтра будет еще кража. Чтобы снять подозрение со вчерашней смены дежурных. — Блохин покосился на очередь, но никто ничего не слышал. — Вспомнишь потом! — Он поправил шляпу и громко простился. — Давай, старик, пиши чаще!

Денисов еще немного постоял, обдумывая слова Блохина.

1 ЯНВАРЯ, 9 ЧАСОВ 25 МИНУТ

Полковник Холодилин не колебался: несмотря на праздничный день, следовало развертывать розыскные мероприятия в полном объеме. Следующее преступление могло произойти в любую минуту на любом вокзале.

Свое главное внимание управление милиции сосредоточило на Курском и Казанском вокзалах, где было размещено несколько тысяч автоматических ячеек. Сюда стянули резервы со всего железнодорожного узла, брошен оперативный дивизион, курсанты школы милиции.

Перфокартотека начала выборку наиболее квалифицированных преступников — специалистов по кражам из автоматических камер хранения, не приобщившихся к труду и общественно полезному образу жизни. Во все концы полетели запросы с просьбами о срочных проверках.

Сигнал тревоги прозвучал в аэропортах, аэровокзалах, где тоже имелись автокамеры и свой учет лиц, задержанных при попытке самочинно ознакомиться с содержимым чужих ячеек.

Штаб Московского управления транспортной милиции получил приказ на двадцать один час тридцать минут представить руководству комплексный анализ оперативной обстановки с указанием необходимых упреждающих мероприятий милиции.

НАЧАЛЬНИКАМ ДОРОЖНЫХ ОТДЕЛОВ МИЛИЦИИ (согласно перечню)

СРОЧНО ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ НАЛИЧИЕ НЕРАСКРЫТЫХ КРАЖ АВТОМАТИЧЕСКИХ КАМЕР ХРАНЕНИЯ, АНАЛОГИЧНЫХ СОВЕРШЕННЫМ МОСКВЕ. СВЕДЕНИЯ ЛИЦАХ, ВЫКАЗЫВАВШИХ НАМЕРЕНИЕ СОВЕРШАТЬ КРАЖИ, ВЫЕХАВШИХ МОСКВУ. ХОЛОДИЛИН.

1 ЯНВАРЯ, 10 ЧАСОВ 25 МИНУТ

— Кто это приходил к тебе тридцать первого декабря вечером на работу? — спросил Блохин у дежурного по автоматической камере хранения, полушутя и как бы не придавая вопросу большого значения. — Давно его знаешь?

Блохин пригласил Порываева в кабинет на третьем этаже, который занимал вместе с Денисовым и еще одним инспектором — капитаном Кирой Колыхаловой — ККК, значившейся в краткосрочном отпуске по случаю Нового года.

— Да нет, — Порываев огляделся. Кабинет был необычный — со стрельчатым ромбовидным окном, ступеньками у входа и колонной, поддерживавшей арочный свод, — наш один, белостолбовский.

Длинноволосый Борис Порываев сидел на стуле перед столом Блохина, далеко вперед, выставив тонкие, в огромных ботинках ноги. Вопрос застал его врасплох.

— Сосед, что ли?

— Да нет, он в Москве живет.

Блохин спрашивал наугад.

— Будем считать: товарищ, — он оживился. — Что его на вокзал-то принесло? В такой день?!

— Я же говорю: просто так зашел.

— Ну уж просто так! Как его фамилия?

— Я и имени не знаю. Поздоровается только: «Как дела?» — «Ничего». Ну и все, — Порываев разговаривал нехотя, но Блохина это не смущало, у него была своя линия поведения во время таких бесед.

— Бывает. У меня тоже, бывало, друзей-знакомых! Полгорода здороваются. Где ни появишься, в любое время суток. Этот-то к тебе в какое время заявился?

— После мариупольского.

— Примерно в двадцать один час. Выпивали? По глазам вижу! А закуска? — Блохин тихо засмеялся, снял с головы шляпу, подумал и снова надел. — Или под водичку?

Порываев колебался.

— Старый год провожали? А?

Независимо от ответа Блохин теперь знал правду — выпивали. Во время кражи дежурный по камере хранения был выпивши. К нему приходил человек, которого он либо не знает, либо хочет скрыть.

— Ну ладно. Можешь этого парня не называть, если не хочешь. Я не настаиваю. Вот мне что скажи: когда ты открываешь ячейку и видишь, что в ней нет вещей, как ты обязан поступить?

— Пустую ячейку я оставляю открытой — пусть пассажиры пользуются.

— Правильно. Следующий вопрос: когда ты по указанию инспектора Денисова ночью вскрывал ячейки, ты какую-нибудь из них оставил открытой?

— Я... — Порываев с секунду смотрел Блохину в глаза, потом не выдержал и отвел взгляд.

— Да или нет?

— Нет.

— Значит, во всех ячейках лежали вещи?!

Порываев еще не догадывался, куда клонит Блохин, но чувствовал подвох.

— Повторяю: поскольку ты ни одной ячейки не оставил открытой, значит, среди них не было ни одной пустой. Так?

— Ну, не было.

— Значит, в пятьсот второй ячейке — слушай внимательно! — еще лежали вещи? Их украли уже после этого? Так?

— Погодите... Про них я ничего не знаю! — сказал Порываев. — Я же ячейки только приоткрывал для пассажиров, чтобы они свои вещи искали! А сам в них не заглядывал.

— Так и не заглядывал?

— Зачем мне?! — Порываев переступил по полу тяжелыми нелепыми ботинками. — Да еще при милиции!

Контакт с допрашиваемым на некоторое время был утерян, и Денисов, случайно войдя, увидел безрадостную картину: Порываев сидел, демонстративно рассматривая задники своих огромных бахил, а Блохин ходил по кабинету.

— Вы расскажите, Порываев, почему дома не ночуете?! И откуда ночью приезжаете на вокзал?!

Денисову хотелось вмешаться в разговор, но в сложившейся обстановке было трудно уже что-либо изменить. Он знал этих ребят — валеевских, белостолбовских, с их правилами хорошего тона, предписывавшими внешнее спокойствие, даже развязность во всех случаях жизни, особенно во взаимоотношениях с милицией и любимыми девушками.

1 ЯНВАРЯ, 11 ЧАСОВ 10 МИНУТ

МОСКВА, НАЧАЛЬНИКУ МОСКОВСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
ТРАНСПОРТНОЙ МИЛИЦИИ

НА ВАШ № 01/1 ОТ 1 ЯНВАРЯ

В ПЕРИОД С 26 ПО 30 ДЕКАБРЯ НА БАКИНСКОМ ВОКЗАЛЕ ЗАРЕГИСТРИРОВАН РЯД КРАЖ ИЗ АВТОМАТИЧЕСКИХ КАМЕР ХРАНЕНИЯ. НАПРАВЛЯЮ СЛОВЕСНЫЕ ОПИСАНИЯ ЛИЦ, ВЫЗВАВШИХ ПОДОЗРЕНИЯ АДМИНИСТРАЦИИ КАМЕРЫ ХРАНЕНИЯ И ДЕЖУРНЫХ СОТРУДНИКОВ МИЛИЦИИ.

НАЧАЛЬНИК ЛИНЕЙНОГО ОТДЕЛА МИЛИЦИИ
СТ. БАКУ.

Далее шли описания, всего одиннадцать портретов.

1 ЯНВАРЯ, 11 ЧАСОВ 30 МИНУТ

НАЧАЛЬНИКАМ ОТДЕЛОВ МИЛИЦИИ НА МОСКОВСКОЙ Ж. Д.

СРОЧНО ПРЕДЪЯВИТЕ ОПИСАНИЯ ЛИЦ, ЗАПОДОЗРЕННЫХ В СОВЕРШЕНИИ КРАЖ ИЗ АВТОМАТИЧЕСКИХ КАМЕР ХРАНЕНИЯ НА СТ. БАКУ, РАБОТНИКАМ МИЛИЦИИ И ОБЩЕСТВЕННОСТИ ТРАНСПОРТА.

ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА МОСКОВСКОГО УТМ ХОЛОДИЛИН.

1 ЯНВАРЯ, 12 ЧАСОВ 50 МИНУТ

— Ну, теперь краж не будет, честное слово! — обрадованно встретил Денисова механик камеры хранения. — Кончились кражи — при вас не посмеют! Отрезано, товарищ начальник! — казалось, он издевается над инспектором. — Это вы хорошо

придумали! — Механик показал на баул, который Денисов нес в руке. — Полная конспирация!

В лабиринтах камеры хранения было много людей, щелкали шифраторы, хлопали дверцы. Уборщицы едва успевали отбрасывать в сторону оберточную бумагу, стружки, отходы бумажной, картонной и деревянной тары.

— «Две зимы, три лета», Федор Абрамов! Биография разведчика Георгия Суханова-Ставрова! — Ловкий киоскер у входа залавливал покупателей, модулируя глухим, приятно поставленным баритоном. — Предупреждаю, товарищи, всем не хватит! Очень интересная книга!

Вокруг него быстро образовалась очередь.

Открывая ячейки, занятые заранее, большинство пассажиров, заметил Денисов, шифр внутри не меняли — как только электронное устройство срабатывало и щелкал замок, они быстро изменяли цифры на наружном шифраторе. Уложив вещи, просто опускали монету и гулко хлопали дверцами. Шифр внутри оставался тем же.

Денисов прошел по всем отсекам: хотелось оценить обстановку в целом. Для совершения преступления ее трудно было назвать благоприятной. Наступал очередной прилив пассажиров.

Он продолжался обычно два часа, пока были закрыты на обеденный перерыв магазины. Свободные ячейки в это время отсутствовали. Пассажиры, вернувшись из магазинов, сортировали, перекладывали покупки. У входа толпилось не меньше двух-трех десятков ожидающих. О том, чтобы в таких условиях подбирать шифр, переходить от одной ячейки к другой, не могло быть и речи.

— Пока ничего насчет вчерашних краж? — рыжеватый механик положил Денисову руку на плечо. — Так, с концами?

— Пока да.

— Хитро делают! А я к врачу иду, — механик держал в руке портфель. Сколько помнил Денисов, механик всегда лечился — это очень вязалось с его обликом крикуна и одновременно лодыря, — он лечил зубы, уши, какие-то белые пятнышки на руках. — Значит, среди тех тоже есть головы будь здоров! Артисты! А эти... — он показал на очередь, — едут-едут, и шифр-то по-настоящему набрать ни один не умеет! — он махнул портфелем, на Денисова пахнуло апельсинами.

— Дома еще не был? — спросил инспектор.

— Пока нет. Ну счастливо! Я приду к семнадцати!

Денисов проводил его глазами.

По радио объявили посадку на саратовский и сразу же о прибытии опоздавшего волгоградского.

— «...К услугам пассажиров, — зачитала дикторша, — имеются комнаты отдыха, парикмахерские, автоматические камеры хранения ручной клади...»

1 ЯНВАРЯ, 15 ЧАСОВ 10 МИНУТ

Илья прошел мимо витрин мясного отдела. В них аппетитно располагались окорока, колбасы. Толстые стекла прилавка и термометр изнутри наводили на мысль о барокамере. Покупателей в магазине почти не было.

— А на третье я подала Коленке мусс, — говорила кассиру крохотная старушка с палочкой, когда Илья проходил рядом с ними. — Мусс он любит!

«Кто считает, что в Москве все бегут, не замечая друг друга, сильно ошибается, — думал Илья, косясь в окно, — здесь больше улочек тихих, с маленькими сквериками, с посыпанными песком тротуарами. В магазинах, как этот, постоянная клиентура, ровные отношения».

Илья снова обогнул беседовавшую с кассиром старушку и пошел к выходу: находиться в пустом магазине и наблюдать за переулком было решительно невозможно.

Он приехал намного раньше обусловленного срока. Когда Капитан уезжал продавать вещи, Илья нервничал, психовал, не находил себе места.

Больше всего Илья боялся, что Капитана задержат за продажу вещей и он расколется. Поскольку адреса Ильи Капитан не знал, то есть знал лишь район, он мог привести милицию только на место встречи. Поэтому Илья и приезжал за два-три часа до срока и внимательно все осматривал. Так было и в Киеве и в Баку, теперь здесь, в Москве.

Выйдя из магазина, Илья быстро перебежал дорогу и юркнул в подъезд.

Он простоял минут десять. Вверху неожиданно хлопнула дверь.

«А вдруг они пришли еще раньше! И уже здесь! — Илья вздрогнул. Мысли, мысли, мысли, тревожное ожидание, страх — все мгновенно перемешалось в голове. — Как они собираются меня брать? Скорее всего их будет двое. Один притворится пьяным, попросит прикурить, потом убежит второй. Завяжут между собой ссору, загородят дорогу вниз... Где я читал об этом?! Откуда-то, как из-под земли, случайно появится участковый... «Прошу быть свидетелем, разрешите ваш паспорт!», «Где вы живете?», «Мы вынуждены проехать к вам домой, удостовериться», «Чей это фотоаппарат? Кинокамера тоже ваша?» И все завертится. И никакого намека на Капитана — случайный инцидент в подъезде, получивший неожиданное продолжение».

Станный бородатый старик с палкой и ученическим портфелем спускался с лестницы.

— Молодой человек! Позвольте прикурить?

Илья с трудом вытащил зажигалку, ему легче было пронести наверх самый тяжелый, наполненный кирпичами чемодан.

— Спасибо. Красивая вещица, — старик показал на зажигалку, — нездешняя... Вы тоже? Значит, не знаете, как раньше назывался этот переулок? А зря! В ваши годы я прекрасно знал и Москву и Питер. Я вот припомнил, как в двадцать девятом году шел с читательской конференции из Дома печати — бывший дворец княгини Елены Павловны. Помню выступавших... А вот где живет мой редактор — я у него был вчера, — не помню, и, кроме того, не помню, как теперь называется переулок! Простите, какая-то неприятность? У вас дрожат руки!

Илья сразу понял, что этого чудака бояться не следует: он

никак не может участвовать в спектакле, сценарий которого родился у Ильи в голове минуту назад.

— Неприятность, говорите? И не одна!

Нервы, сжатые в комок, как-то сами разжались. Вдвоем они спустились вниз, Илья уже не думал о Капитане. Впереди, между домами, мелькнула надпись «Вино — воды».

— Давайте зайдем! — неожиданно предложил он.

Старик вынул из бокового кармана круглые кондукторские часы на ремешке.

— Пожалуй, только совсем ненадолго.

— Вот говорят: «Все мы отвечаем друг за друга», — неожиданно для себя вдруг заговорил Илья, — но ведь вы за меня отвечать не собираетесь? Это только слова! Кто я вам? Да и перед кем отвечать?!

— Так-то так...

— Я думал об этом. Пока человек один, нельзя ничего сказать о том, есть у него совесть или ее нет. Ведь сам-то человек — не хороший и не плохой. Только по отношению к другим людям он бывает с совестью или без нее!

— Так-так.

— Я ни за кого не отвечаю. Разве только за жену и сына. И других не прошу отвечать за меня, — Илья только пригубил стакан и поставил на стойку.

— Молодой человек, — спросил старик, — вы что-нибудь слышали о битве при Каннах?

— Канны? Только когда учил латынь, на первом курсе.

— ...Пятьдесят тысяч погибло, пять тысяч попало в плен. Тогда Ганнибал сказал пленным, чтобы они выбрали десять человек, которые вернутся в Рим и убедят соотечественников выкупить всех римлян из рабства. Но дело не в этом. Уходя, посланцы поклялись Ганнибалу, что обязательно возвратятся, — вот к чему я веду речь. Когда посланцы покинули лагерь, один из десяти с дороги вернулся: притворился, что забыл какую-то вещь, а потом снова догнал товарищей. Так он освободил себя от клятвы, данной Ганнибалу...

Какие-то незнакомые мужчины притихли, слушая старика.

— Что говорить? Мнения в римском сенате разделились. И тогда сказал Тит Манлий Торкват, человек честный, воспитанный в строгих правилах: «Сдавшихся без боя на милость победителей спасать нелепо...» Я обращаю внимание на другое. Когда сенат отказал посланцам в выкупе, девять из десяти пошли назад к Ганнибалу, рыдая и обливаясь слезами. А десятый, — у которого не было совести, — как ни в чем не бывало остался дома... Так вот, сенат так не оставил дело: хитреца взяли под стражу и под конвоем отправили к Ганнибалу, — странный старик улыбнулся и отпил из стакана. — К чему, спросите вы, такая щепетильность? Совесть представляется вам чем-то абстрактным. На самом деле она так же реальна, как наши руки, цвет глаз. Древние это понимали. Совесть не может исчезнуть на время и появиться снова.

— Совесть личное дело каждого.

— Убежден в обратном. Вы задумывались, почему человечество так болезненно упорно наставляет потомство на путь совести? Что заставляет веками твердить — «бедный, но чест-

ный», «честь смолоду», «суд совести», в то время когда вокруг предостаточно других примеров? Попробуйте противопоставить что-нибудь. Не найдете.

— Вы латинист? — Илья пожалел, что затронул больной для себя вопрос.

— Был когда-то. Теперь я графоман, — он кивнул на потрепанный ученический портфель, который прислонил к столу, — знаете, что это такое? Нет? То же, что и писатель. Те же муки и радости творчества, может, их даже больше, чем у писателя, потому что вся жизнь в этом... Только, кроме редакторов, никто не читает. Вы извините. Я, кажется, погорячился — вино. Вино и годы! — и уже совсем спокойно, даже скучно, он добавил: — Из лжи ничего, кроме лжи, не получается. В жизни только ложь и правда. Терциум нон датум. Третьего не дано.

...Капитан появился со стороны трамвайной остановки, откуда его ждал Илья. Он шел быстрыми аккуратными шажками и выглядел как человек, проживший на этой улице всю жизнь. Илью всегда поражало это умение Капитана применяться к окружающему. Каждый день он выглядел по-другому. Сейчас на нем было скромное пальто-деми, ондатровая шапка. Он тоже сначала заскочил в продовольственный магазин, но не выдержал его тишины и безлюдья, купил баночку гусиного паштета и вышел на улицу.

— Как дела? — спросил Илья, внезапно появляясь за спиной.

— Все в порядке, Илья Александрович, — при виде Ильи Капитан сразу же становился похожим на не особо далекого забитого школяра. — А сегодня я слышал, как милиция про нас говорила...

Илья нахмурился.

— ...На Казанском вокзале, в автокамере. Один, в гражданском, подходит к другому и спрашивает: «Ты до двадцати трех, Дощечкин?» Тот отвечает: «Да». — «Смотри, — говорит, — Дощечкин, в оба, не упусти преступника...» Потом о чем-то еще поговорили, я не расслышал. Дощечкин стал шифратор крутить, будто шифр набирает.

— Мало ли о ком шла речь?! Почему вы думаете, что обязательно о нас?

1 ЯНВАРЯ, 17 ЧАСОВ 15 МИНУТ

— Набрали номер, а ячейка не открывается, — сказала женщина, и Денисов весь напрягся, почувствовав еле уловимую разницу в поведении этой и других пассажиров, обращавшихся с такими же просьбами. — Кто здесь старший?

Женщина выглядела нестарой, на ней был черный плюшевый жакет и вязаный платок.

— Пишите заявление, давайте паспорт, — подошел Порываев.

— Нет у нас паспорта.

— Без паспорта не имею права.

— Да у меня все вещи переписаны!

— Не могу.

— Давайте проверим, — сказал Денисов.

Порываев пожал плечами.

— Под вашу ответственность.

— Наша сто сороковая, — женщина пошла впереди.

Денисов остался у входа. Он видел, как из бокового отсека появился Блохин и пошел вслед за Порываевым и пассажиркой в плюшевом жакете.

Отсутствовали они недолго. Первым появился Блохин. Денисов все понял, едва увидел его хмурое, заросшее за сутки лицо и взгляд из-за очков.

— Опять? — спросил Денисов, и все у него внутри зануло. Блохин кивнул.

Потерпевших оказалось двое: рядом с женщиной, которую уже видел Денисов, стояла ее младшая сестра в таком же платке и жакете.

— Вы должны вспомнить, — обернулся Блохин к старшей, — кто мог видеть, как вы клали вещи? Сейчас это крайне важно.

— Мамочка, да что же это приключилось! — У нее были сухие глаза плакальщицы и тонкий визгливый голос, Блохина она не слышала. — Ведь на свадьбу сироте — от, насобирали-и-и...

Невеста молча теребила платок, привыкнув, видимо, с детских лет во всем полагаться на сестру.

— Прошу вас: что находилось в чемодане?

Из-под плюшевого жакета появилась на свет перегнутая учебная в линейку тетрадь с записями: «Фата — 11 руб. Туфли белые — 31 руб. Гипюр — 5 метров. Два зол. кольца...»

— ...Платье белое из салона новобрачных. В первый день брали. Пододеяльники, подзоры... У нас уж так заведено, чтобы все невестино! Подарок жениху, подарок родителям!

— Может, вы в другую ячейку положили?

— Мы вчера открывали — все на месте лежало... И сегодня с утра проверяли!

— Какой вы набирали шифр? — спросил Денисов.

— Один-девять-пять и четыре.

— Снаружи он не оставался?

— Я его весь перешерудила. Снаружи у меня стояло 0987. Это я точно помню... Ну, что теперь делать?!

В голосе старшей сестры слышалось такое отчаяние, что невеста сказала:

— Не судьба. Не пойду замуж.

У Денисова запершило в горле. Не ожидая, пока Порываев проверит соседние ячейки, он пошел вдоль отсека.

У выхода его догнал Блохин.

— Старшая запомнила одного, который стоял у соседней ячейки. Память у нее отличная — заметил? Вот приметы. Он один мог подсмотреть шифр... И еще дежурный.

«Значит, подсмотрели... — без особой, впрочем, уверенности подумал Денисов. Это была уже третья версия преступления. — Не воюем ли мы с невидимкой? У нас пока ни одного свидетеля, который хоть что-нибудь видел!»

Он вышел на перрон.

Горловина станции не пустовала ни минуты. Впереди под мост медленно втягивалась электричка. Стекла ее задней нера-

бочей кабины мерцали, как странный неживой глаз огромной гусеницы.

Денисов спустился в тоннель и вышел на платформу дальних поездов. Днем отходившие поезда выглядели иначе, совсем не торжественно. Провожавших почти не было. Впереди виднелся огромный, опутанный рельсами парк прибытия. Краски на станции никогда не повторялись. Денисов видел ее графитно-серой, туманной и прозрачно-розовой. Сегодня она казалась синей под синевой отполированных рельсов, завтра могла легко стать аспидно-черной.

На междупутье уборщики в оранжевого цвета робах жгли мусор.

— Привет, начальник! — среди уборщиков работало немало его сверстников, но и те, кто был постарше, выглядели тоже молодыми и беззаботными, как подрабатывающие к стипендии студенты.

Денисов хотел подойти к ним, предупредить о кражах, но в это время впереди, на другой платформе, снова увидел обеих потерпевших. Они шли в отдел милиции в сопровождении Блохина и милиционера. Из-за спин пассажиров Денисов не заметил, несут ли они чемодан, но уже знал твердо: вещи найдутся в одной из ячеек, не будет только денег, подарков и обручальных колец.

1 ЯНВАРЯ, 17 ЧАСОВ 30 МИНУТ

ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ. 1 ЯНВАРЯ МЕЖДУ 9 И 17 ЧАСАМИ СОВЕРШЕНА КРАЖА ВЕЩЕЙ ИЗ ЯЧЕЕК АВТОМАТИЧЕСКОЙ КАМЕРЫ ХРАНЕНИЯ У СЕСТЕР МАЛАХОВЫХ. ПОСЛЕ СОВЕРШЕНИЯ КРАЖИ ЧЕМОДАН, ПРИНАДЛЕЖАЩИЙ МАЛАХОВЫМ, БЫЛ ОБНАРУЖЕН В ДРУГОЙ ЯЧЕЙКЕ, НАХОДЯЩЕЙСЯ В СЕМИ МЕТРАХ ОТ МЕСТА КРАЖИ. ПОХИЩЕНЫ ДЕНЬГИ В СУММЕ 800 РУБЛЕЙ, ДВА ОБРУЧАЛЬНЫХ КОЛЬЦА, ОТРЕЗ ТКАНИ ФИОЛЕТОВОГО ЦВЕТА. В КРАЖЕ ПОДОЗРЕВАЕТСЯ НЕИЗВЕСТНЫЙ МУЖЧИНА, НАХОДИВШИЙСЯ 1 ЯНВАРЯ В 9 ЧАСОВ ВБЛИЗИ ПОТЕРПЕВШИХ У ОТКРЫТОЙ ЯЧЕЙКИ. ПРИМЕТЫ: НА ВИД 35—40 ЛЕТ, СРЕДНЕГО РОСТА, НОРМАЛЬНОГО ТЕЛОСЛОЖЕНИЯ, ОДЕТ В ПОЛУПАЛЬТО СИНЕГО ЦВЕТА, ЧЕРНУЮ МЕХОВУЮ КЕПКУ, ЧЕРНЫЕ ПОЛУБОТИНКИ...

ВСЕ КРАЖИ СОВЕРШЕНЫ ИЗ ЯЧЕЕК, В КОТОРЫХ В КАЧЕСТВЕ ШИФРА ПОТЕРПЕВШИМИ БЫЛ НАБРАН ГОД РОЖДЕНИЯ... ПРИМИТЕ ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ...

Телетайп застучал, как всегда, внезапно, словно разбуженный среди ночи. Ориентировка о краже, переданная с вокзала дежурному по управлению милиции, рикошетом возвращалась назад. Штаб управления ее переработал, внес свои дополнения, и теперь передача шла одновременно на весь железнодорожный узел.

Вскоре последовал приказ: перейти на усиленный вариант несения службы, всему инспекторскому составу занять посты со-

гласно разработанной штабом схеме. Такие же меры приняты были и на других вокзалах. В поединок, начавшийся в стальном отсеке в ночь под Новый год, постепенно втягивались все большие силы транспортной милиции.

— Аврал! — объяснял всем предпенсионного вида старшина, стоявший у входа в отдел. — Получить инструктаж у дежурного. Приказ — всем в залы.

Пользуясь своим правом «блуждающего форварда», Денисов на время перешел в центральный зал, где у него было заветное место — у телеграфа, под вывеской «Прием заказной и международной корреспонденции». Отсюда был хорошо виден эскалатор, соединявший зал с автоматической камерой хранения, и здесь Денисова никто не толкал. Люди, бродившие по залу, могли легко сойти за пассажиров корабля: мраморные плиты под ногами напоминали о пирсе. Огромная многопалубная махина не спешила отвалить от причала, и Денисов вглядывался в людей, бродивших на пирсе, отыскивая по приметам нужного человека. Инспектор тщательно наблюдал за людьми, пока не почувствовал, что стал сам объектом пристального внимания. За ним определенно наблюдали, и он даже мог примерно указать, с какой стороны — с одной из скамей, стоявших справа, метрах в двадцати.

Сделав это открытие, Денисов чуть переместился в сторону, чтобы скамьи оказались перед ним. Теперь он мог незаметно оглядеть каждого, чтобы разобраться, кто за ним следит и с какой целью: скучающий человек, которому просто нечего делать, или лицо заинтересованное.

Денисов быстро провел взглядом по скамье, но ни с кем не встретился глазами. Это насторожило. Наблюдавший принял меры предосторожности: выбрал второй объект и переводил взгляд, когда инспектор смотрел в его сторону.

Денисов снова огляделся. Вторым объектом могли быть и электрическое табло, и голуби, перелетавшие с карниза на карниз, и другие пассажиры...

Подозрение вызвал человек, внимательно рассматривавший светильник у входа в ресторан.

Денисов подождал. Когда неизвестный со вниманием стал изучать геральдического петушка, ничем не отличавшегося от своих собратьев на другой стене, он уже точно знал: им интересуется именно этот ничем не примечательный человек, сидящий в первом ряду с краю.

«Сейчас проверим...» — Денисов поправил куртку и, словно кого-то увидев, резко повернул за угол телеграфа.

Они встретились нос к носу. Незнакомец оказался строен, на вид лет двадцати семи — двадцати восьми, с аккуратно подстриженными висками.

— Московская транспортная милиция! — Денисов дотронулся до верхнего кармана, где у него лежало удостоверение. — Денисов, инспектор розыска.

Незнакомец вздрогнул от неожиданности.

— К вам в помощь, — Денисов увидел у него в руке размноженную на ротаторе «ориентировку» о кражах. Сверху было размашисто написано: «Регистрационно-учетное отделение, ст. лейтенанту», фамилия выведена неразборчиво.

— Я ведь не в полупальто, товарищ старший лейтенант, и меховой кепки на мне тоже нет!

— Вы стояли в таком месте, — ему нельзя было отказать в наблюдательности. — Пока все тихо. Не перед бурей ли затишье?

— Кто знает.

— Почерк, я слышал, по всем кражам один и тот же?

Денисов поморщился: «затишье перед бурей» и «почерк преступника» — люди, раскрывавшие преступления, не разговаривали таким языком. Он еще немного подождал, но старший лейтенант, видимо, исчерпал запас профессионализмов.

— Давайте не наступать друг другу на пятки, — предложил он перед тем, как разойтись.

Денисов не возражал.

— Меня, собственно, интересует автокамера, в зале я временно.

— Я тоже, представьте, послан в камеру хранения.

Спор получил неожиданное разрешение.

«Товарищ Денисов! — объявило радио. — Зайдите к дежурному по милиции. Повторяю...»

Старший лейтенант, прощаясь, шутливо откозырял.

В отделении милиции Денисова ждал Сабодаш. Он протянул для пожатия обе руки, как на ринге.

— Зачем вызвал? — после такого рукопожатия хотелось инстинктивно прикрыть челюсть.

— Ячейка литовца была пуста уже в начале двадцать второго часа. Я разговаривал с пассажиром, который ее потом занял. Он сейчас приходил.

Значит, одновременно с кражей баккара, подумал Денисов, преступник очистил еще две ячейки.

Дежурный на секунду замолчал и продолжил просто, как будто речь шла о чем-то само собою разумеющемся:

— Тут у меня парнишка один. Отобрал у второго парня голубей, — он кивнул в сторону коридора. — Не знаком? Голубей я отдал потерпевшему, а его оставил: держится чересчур бедово...

— Ну и зря отдали! — слышалось из коридора.

— Поговори с ним! У тебя получается.

1 ЯНВАРЯ, 17 ЧАСОВ 45 МИНУТ

На самом дне чемодана лежал паспорт и несколько аккредитивов. Илья выразительно посмотрел на Капитана и переложил паспорт и аккредитивы в карман.

— На предъявителя, — сказал Капитан.

Другого ценного в чемодане не оказалось, но Илья не спешил закрывать ячейку.

— В общежитии я обычно никогда вещи не держал, с первого дня в автокамере. Зачем?! Общежитие далеко, вокзал рядом. В день несколько раз приедешь: то рубашку сменить, то учебник нужен, то деньги. Вот и ломаешь голову, как ее перехитрить?! Иначе монет не напасешься, — Илья похлопал ла-

донью по дверце. — Неужели, думаю, ничего нельзя предпринять?!

— Пойдемте, Илья Александрович! Надо получить по аккредитивам деньги, пока потерпевший не объявился.

— Почему вы думаете, что потерпевший появится именно сегодня? А не через неделю, когда нас не будет в Москве?!

— Все равно. Закрывайте ячейку, — сказал Капитан, — поговорим на улице, — отнюдь не трусливый, он почувствовал беспокойство, — закрывайте, вон их сколько, в гражданском!

— Что они о нас знают, Капитан?!

— Механик идет! Дождались!

— Знаете, я вдруг апельсинов захотел. Марроканских. Не желаете? Где-то поблизости они должны лежать.

— Вы с ума сошли!

На Илью, обычно осторожного, словно что-то нашло. Как истерика, подумал Капитан.

— Сейчас почти в каждой ячейке апельсины. Видели ларьки перед вокзалом?! Сплошь с апельсинами!

— Ставлю от себя ящик апельсинов, если вы закроете ячейку!

— Потерпите еще несколько минут. Я проверю всего две ячейки — эту и ту. Если в них нет, мы сейчас же уходим.

— Черт! — Капитан тихо выругался.

— Но в них апельсины. Чувствуете аромат?

— Товарищи, — подходя, строго сказал механик, — положили вещи — идите! Не создавайте тесноты для других!

— Мы не все взяли, отец, — сказал Илья примирительно, — дайте вспомнить, где у нас апельсины! В этой ячейке или в той?!

— Номер надо записывать! — заворчал механик. — Едут-едут, а набрать шифр никто правильно не умеет...

— Ячейку забыл, а шифр помню: тысяча... Сказать?

— Мне ваш шифр не нужен! Держите в тайне, — разговаривая с пассажирами побойчее, механик сдерживался. — Берите апельсины и идите.

Капитана так и подмывало, бросив все, последовать совету механика: Илья держался как хитрый мышонок, который задумал поиграть с грозной, но весьма недалекой кошкой. С секунды на секунду Капитан ждал, что кошка вот-вот бросится на мышонка и сцапает его.

Механик не хотел уходить посрамленный, искал мало-мальски достойный предлог для отступления. Илье пришлось подбирать шифр в его присутствии.

Щелк, щелк — застучал шифратор.

Капитан отвернулся.

В конце отсека он увидел знакомую фигуру с погонами, прикрепленными, правда, не на синей шинели, как тогда, когда его в последний раз арестовали, а на сером весьма современного покроя пальто.

— Ну вот, — сказал Илья, достал из кармана платок и вытер лицо, — все на месте, а вы беспокоились.

В ячейке лежала большая хозяйственная сумка с апельсинами. Илья выбрал три покрупнее, один протянул механику.

— Угощайся, отец! Остальные пусть лежат.

— Спасибо, — буркнул «отец», принимая апельсин, — а то есть и такие: едут-едут, а сами и шифр-то не могут набрать как следует! — Всю неделю эту его угощали апельсинами.

1 ЯНВАРЯ, 18 ЧАСОВ 05 МИНУТ

Денисов еще сидел с голубятником, когда в коридоре раздались звуки шагов, голоса.

— Кончай работу! — дежурный вошел в кабинет, радостно потирая руки. — Задержал его! Уот! Учетчик задержал, — в дверях, позади Сабодаша, показался давешний старший лейтенант из зала.

— Не может быть?! — Денисов вскочил.

— Холодилин приехал, сейчас с ним беседует. Прямо у ячейки его взял.

Денисов все еще не верил — Сабодаш мог и разыграть, но почему здесь старший лейтенант? Отбой тревоги?!

— ...Так будто и оборвалось все во мне! — Старший лейтенант продолжал прерванный разговор с дежурным. — Сначала вижу черную меховую кепку, на пальто пока не смотрю. Потом смотрю пальто. Есть! Синее! Не вижу ботинок. Иду как привязанный, будто, кроме нас, никого на вокзале. Полуботинки черные! Все сходится! Он к ячейкам. Тут я, конечно, вежливо, за руку. Удостоверение.

— Бывает, — кивнул дежурный, — со мной так часто было.

— Главное, быстро получилось. Считанные секунды! А казалось, целый час за ним хожу и все на нас смотрят!

— Бывает, я и говорю.

— Не сопротивлялся? — спросил голубятник.

Денисов вспомнил о своих обязанностях.

— Домой, и чтоб никаких драк и самоуправства, — он проводил паренька до входных дверей.

В коридоре было шумно. Заступающая на посты смена получала оружие, перекидывались шуточками:

— Завтра за грибами поспеем!

— Обязательно. К утру градусов двадцать обещали...

— За волнушками.

Безалаберное настроение не покидало всех до той минуты, пока из кабинета не вышел Холодилин вместе с незнакомым человеком, одетым в синее полупальто и черные полуботинки. Меховую кепку человек держал в руке.

— Еще раз прошу извинить, — почему-то строго сказал Холодилин, — от своего имени и от имени сотрудников.

— Понимаю, — мужчина подал Холодилину руку, надел шапку и направился к дверям, — что поделаешь? Кроме меня и этих женщин, у ячейки действительно никого не было.

Когда он проходил мимо, старослужащий у входа взял под козырек. Следом, немного поотстав, не прощаясь, ушел старший лейтенант регистрационно-учетного отделения.

После всех перипетий, смены надежд и разочарований Денисов впервые по-настоящему почувствовал усталость.

«Поехать домой? — он заколебался. — Передохнуть, отвлечься?»

Но в такие минуты дома он бывал неудачным собеседником. Подумав, Денисов вернулся в камеру хранения. Здесь был полный штиль. Примерно третья часть ячеек пустовала.

Одинокая пассажирка — дама в шубе и меховой шапке, похожей на тиару, — закрывала ячейку у самого входа. Денисов обратил внимание на ее нехитрые манипуляции: быстро повернув каждую из рукояток шифратора, она захлопнула ячейку, не записав шифр.

Денисов подошел ближе.

— Правила, между прочим, не рекомендуют набирать вместо шифра год рождения, извините. Рискованно.

— Почему? Разве вы знаете, сколько мне лет? — Дама еще раз дернула за рукоятку и насмешливо улыбнулась.

— Это узнается просто, — он подошел к ячейке, отбросил мешавший ему воротник куртки назад и обеими руками стал быстро перекручивать шифратор.

— Ну, — насмешливо торопила женщина.

Денисов в последний раз повернул диск: раздался характерный щелчок — дверца открылась.

— Вы весьма наблюдательны: между прочим, мне никто не дает моих лет, — она открыла сумочку и быстро подкрасила губы.

Из бокового отсека показался Порываев. Он один казался непричастным к автокамерам, несмотря на символ власти — ключи от ячеек, с которыми не расставался.

«Эта отрешенность, эти ночные приезды на вокзал — появилась девушка! Каждый раз он провожает ее и опаздывает на электричку!» — Денисов удивился, отчего эта простая мысль не приходила раньше ему в голову.

Порываев не замечал инспектора. Только подойдя ближе, он словно что-то почувствовал, подозрительно посмотрел в его сторону.

— Слыхал, скоро на свадьбу пригласишь, — сказал Денисов, — правда, что ли?

Дежурный не ответил.

— Я ее знаю? Она на семь одна ездит? — Все они, жившие по линии, были расписаны по времени отправления утренних и вечерних электричек.

Порываев поколебался. Денисов понял, что ответ на его вопрос будет дан в наиболее независимой форме.

— На семь одна она сроду не ездила, — Порываев сплюнул. — На семь шестнадцать, а по пятницам — на семь двадцать две.

Порываев хотел еще что-то добавить, но его позвали:

— Товарищ дежурный, монета не проходит!

Денисов прошел в дальний отсек.

В углу стояло несколько деревянных тумбочек-подставок для пользования ячейками верхнего яруса. Денисов присел на одну из них, сбоку положил шапку. Здесь, вблизи стальных сейфов с их ячейками и шифраторами, мыслилось значительно яснее и четче, чем в кабинете.

В том, чтобы открыть ячейку, где вместо шифра набран год рождения, ничего трудного нет. Не надо даже примерно знать возраст пассажира: число возможных цифровых перемещений в этом случае измеряется не десятую тысячами, как обычно, а сорока-пятьюдесятью. Но как преступник определяет, в каких ячейках набран год рождения и в каких нет?! Ведь он не крутит все шифраторы подряд?!

Денисов достал блокнот.

Кроме новогодней записи о младшем лейтенанте флота, здесь была еще одна, сделанная наспех, ночью. Денисов с трудом ее разобрал.

«Работник камеры хранения не станет совершать кражи подобным образом, — Денисов записывал слова полностью, не любил и не умел сокращать, за что получил на юрфаке прозвище «Медлитель», — перемещая вещи из одной ячейки в другую, он вдвое увеличивает вероятность быть замеченным сотрудником милиции или администрацией».

Денисов хотел сказать об этом Блохину, но с самого утра они почти не виделись: старший инспектор проверял показания Порываева.

Теперь Денисов внес в блокнот дополнительные записи:

«Он переносит вещи, чтобы как можно меньше времени находиться у обворованной ячейки. Вывод: он не знает в лицо хозяина вещей».

И еще:

«Преступник берет только деньги и ценные вещи. Чтобы украсть из трех ячеек, он, наверное, открыл десять. Отсюда странные бессмысленные перемещения чемоданов. Всех потерпевших и настоящие масштабы кражи мы узнаем через десять дней — после окончания срока хранения вещей».

1 ЯНВАРЯ, 20 ЧАСОВ 10 МИНУТ

На дверях всех ближайших столовых висели стандартные объявления: «Санитарный день».

Сначала Денисов шел куда глаза глядят, лишь бы идти. Потом ехал на троллейбусе, смотрел в окно, подыскивая что-нибудь подходящее.

В незнакомом переулке Денисов увидел подъезд, к которому небольшими группами шли люди. Подъезд был неярко освещен, но в боковом окне мелькнула витрина буфета и белый фартук.

Несколько человек поднялись к выходу, Денисов вышел с ними.

— На собрание? — спросил в дверях инвалид-дружинник.

Уже внутри Денисов узнал, что здание арендовано клубом служебного собаководства для проведения отчетной конференции. Регистрация делегатов заканчивалась, с началом работы собрания должен был закрыться буфет. Тем не менее Денисов успел плотно подкрепиться стаканом сметаны, холодными сардельками, пирожками с мясом, выпить чаю и бутылку лимонада. У него сразу поднялось настроение.

Уходя, Денисов подошел к боковой кулисе и посмотрел в зал. Все места были заняты, на сцене стоял стол для президиума, собрание начиналось. Прямо против двери крайнее место было свободно. Удивительное чувство успокоенности поднялось в Денисове при виде этого единственного незанятого кресла с подлокотниками, уютно задрапированными пальто. Раздевалка клуба не работала.

— Проходите, — шепнул кто-то, — место не занято.

Он колебался не более секунды. С трудом протиснув колени между рядов, Денисов буквально упал в кресло. Никакая сила, казалось, теперь уже не могла поднять его и послать на вокзал.

«Может быть, этим и хороши собаки?!» — подумал Денисов и закрыл глаза.

Засыпая, он слышал перебранку по поводу регламента: докладчик просил час, собрание соглашалось на сорок пять минут, после чего докладчик произнес первую фразу:

— Мы изжили серьезные пороки породы эрдельтерьеров: выпрямленность задних конечностей и растянутость корпуса...

Денисов не знал, сколько он спал. Открыв глаза, он увидел на трибуне седую женщину в жокейской шапочке. Женщина рассказывала о чем-то сугубо личном, видимо, не очень интересном, потому что многие ее не слушали. Стройный пожилой мужчина в спортивном костюме, стоявший в проходе, что-то крикнул, приложив руку ко рту и странно прогнувшись в спине.

Денисов прислушался.

— ...Это был на редкость веселый и общительный щенок. Мы его полюбили, и он ко всем привязался. Однажды нам пришлось подклеить ему лейкопластырем уши, как рекомендовал клуб, и щенок заплакал. Он плакал такими слезами, что их можно было собирать в ладонь. Вчера этого щенка украли...

— Ре-гла-мент! — выгибаясь сабельным клинком, снова крикнул мужчина в спортивном костюме.

Женщина в жокейской шапочке обвела глазами зал, словно отыскивая кого-то, кто соперничал с ней сильнее других. Им неожиданно оказался Денисов. История вызвала у него чисто профессиональный интерес.

— ...Потом мы узнали, что вор готовился к краже заранее. Мы нашли место недалеко от площадки — вор приготовил его, чтобы спрятать щенка...

— Ко-ро-че!

На обладателя спортивного костюма зашикали, но женщина в шапочке уже спустилась с трибуны.

«На какой шифр была закрыта ячейка, в которой Блохин нашел фату и другие вещи невесты?» — подумал вдруг Денисов.

Он еще не знал, что произошло, не знал, как применит то, что сейчас пришло ему в голову, но уже вставал со своего уютного места и протискивал ноги в узкий проход между креслами.

1 ЯНВАРЯ, 21 ЧАС 30 МИНУТ

ШИФРОТЕЛЕГРАММА СРОЧНАЯ
В ТЕЧЕНИЕ ПОСЛЕДНИХ СУТОК СОВЕРШЕН РЯД КРАЖ ИЗ АВТОМАТИЧЕСКИХ КАМЕР ХРАНЕНИЯ, СПОСОБ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ХАРАКТЕРИЗУЕТСЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМ ПЕРЕМЕЩЕНИЕМ ПОХИЩАЕМЫХ ВЕЩЕЙ В ДРУГИЕ ЯЧЕЙКИ.

СЛЕДУЕТ ПОЛАГАТЬ, ЧТО ПРЕСТУПНИК, ГОТОВЯСЬ К СОВЕРШЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ЗАНИМАЕТ В АВТОМАТИЧЕСКОЙ КАМЕРЕ ХРАНЕНИЯ ОПРЕДЕЛЕННОЕ ЧИСЛО ЯЧЕЕК, КОТОРЫЕ ИСПОЛЬЗУЕТ ВО ВРЕМЯ КРАЖИ КАК БАЗОВЫЕ ДЛЯ ОСМОТРА ПОХИЩЕННОГО И ЕГО СОРТИРОВКИ.

В РЕЗУЛЬТАТЕ РОЗЫСКА РЯД МЕНЕЕ ЦЕННЫХ ВЕЩЕЙ ПОТЕРПЕВШИХ БЫЛ ОБНАРУЖЕН В ЯЧЕЙКАХ, ЗАКРЫТЫХ НА ШИФРЫ — 1881, 2727, 5555, ЯВЛЯЮЩИЕСЯ, ВОЗМОЖНО, ЛИЧНЫМИ ПОСТОЯННЫМИ ИЛИ ВРЕМЕННЫМИ ШИФРАМИ ПРЕСТУПНИКА.

НЕ ИСКЛЮЧЕНО, ЧТО В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ НА ВОКЗАЛАХ ИМЕЕТСЯ ОПРЕДЕЛЕННОЕ ЧИСЛО БАЗОВЫХ ЯЧЕЕК, ЗАКРЫТЫХ С ПОМОЩЬЮ УКАЗАННЫХ ВЫШЕ ШИФРОВ, КОТОРЫМИ ПРЕСТУПНИК ПОКА НЕ ВОСПОЛЬЗОВАЛСЯ.

СРОЧНО УСТАНОВИТЕ НА ОБСЛУЖИВАЕМЫХ ОБЪЕКТАХ НАЛИЧИЕ ЯЧЕЕК С ШИФРАМИ 1881, 2727 и 5555, ОБЕСПЕЧЬТЕ ЗА НИМИ ЭФФЕКТИВНОЕ НАБЛЮДЕНИЕ.

В НЕОБХОДИМЫХ СЛУЧАЯХ С САНКЦИИ ПРОКУРАТУРЫ ПРОИЗВОДИТЕ ТЩАТЕЛЬНЫЙ ОСМОТР СОДЕРЖИМОГО НА ПРЕДМЕТ ОБНАРУЖЕНИЯ ПОХИЩЕННЫХ ВЕЩЕЙ И УСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕСТУПНИКА.

ОДНОВРЕМЕННО РАССЛЕДУЙТЕ ИМЕВШИЕ МЕСТО СЛУЧАИ ПРОТИВОПРАВНОГО ПЕРЕМЕЩЕНИЯ ВЕЩЕЙ В АВТОМАТИЧЕСКИХ КАМЕРАХ ХРАНЕНИЯ. ШИФРЫ НОВЫХ ЯЧЕЕК, В КОТОРЫХ ОКАЗАЛИСЬ ПЕРЕМЕЩЕННЫЕ ВЕЩИ, СРОЧНО СООБЩИТЕ.

ШТАБ МОСКОВСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ТРАНСПОРТНОЙ МИЛИЦИИ.

1 ЯНВАРЯ, 20 ЧАСОВ 50 МИНУТ

Капитан ждал Илью у платформы, за переездом. Он ждал долго и чуть не потерял из виду, когда Илья, по-заячьи заметая следы и ежеминутно перепроверяясь, потопал к ручью.

Капитан следил за ним сверху, вниз не спускался. Илье вскоре надоело петлять: из оврага он напрямик направился к домам. Капитан заметил дом, подъезд и даже угловое окно, которое сразу же осветилось, как только Илья поднялся наверх.

«Теперь мы квиты, — подумал Капитан, — я ведь тоже тогда с вокзала не приглашал тебя к себе в гости!»

Капитан знал и раньше, что вещи и деньги Илья увозит к себе на квартиру, — не знал только адрес. Потом Илья наверняка переправлял их в автоматическую камеру хранения на ти-

хий московский вокзал, например на Савеловский — они не бывали там ни разу.

У Ильи должны быть записи с номерами ячеек и шифрами. Вокзал вряд ли будет назван в записях — вокзал Илья помнит. Но что из этого? Тихих вокзалов в Москве не так много.

Записи Илья наверняка хранит на квартире — носить их с собою рискованно. Следующим этапом должно быть посещение квартиры.

Капитан готовил кражу у Ильи с изобретательностью рецидивиста, даже не столько из материальной корысти, сколько ради самого преступления.

«Главное — не суетиться, — думал Капитан, — продолжать работать под простака, заглядывать своему наставнику в рот: «Гениально!», «Блестяще!», «Мне бы и в голову не пришло!», под спившегося интеллигента, романтика морской стихии: «...глянешь за борт, а под тобою то ли небо, а то ли море!», «Паруса, Одесса!..»

«Какая, к черту, Одесса и какой, собственно, спившийся интеллигент?! Костыка Филин — четыре класса образования, пять судимостей».

Все значительно облегчалось оттого, что воровать у вора всегда безопаснее. Не побежит же Илья в милицию заявлять, что подло обманут своим сообщником. Впрочем, какой он, Илья, вор?! Фраер! Случайно наткнулся на золотую жилу и теперь гребет лопатой. Встретился бы ему этот Илья на Колыме лет пятнадцать-двадцать назад.

У пивной палатки, напротив магазина, горел свет, расторопная продавщица, используя новогоднюю конъюнктуру, бойко торговала пивом. Капитан встал в очередь.

Две неопределенного возраста цыганки кого-то ждали сбоку, у ларька. Они не обратили на моряка никакого внимания.

«Чем хороша форма?! Никто не смотрит в лицо — на фуражку да на погоны: моряк — вот и все приметы! Зато уж, если ищут, тут уж искать — одно удовольствие: из любой толпы сразу выделяешься!»

— Э! — окликнул от нечего делать одну из цыганок. — Зума-вэсса? Гадаешь?

Стоявшая ближе лениво посмотрела в его сторону.

— Шутишь, дядя?

Капитан нашел в кармане металлический рубль. Цыганка быстро заговорила:

— Много у тебя денег было, все ты раздал. Простая у тебя душа и деньги легкие. Мечтаешь ты о пиковом короле, ждешь с ним встречи, через него все расстраиваешься. Правду говорю, нет? Никуда он от тебя не денется. Бойся только стрелы летящей да черного глаза...

— Напустила туману...

Вторая цыганка дернула подругу за платок:

— Идти надо, дядя! Дай еще папиросочку!

Капитан выпил пива, подумал, в соседнем магазине купил бутылку «Солнцедара», прошел в подъезд углового дома.

Алкоголь подействовал на него привычным образом. Как большинство рецидивистов, кроме тщательно запланированных,

он совершал еще кражи с ходу, связанные с пьянством или внезапно возникшим порывом.

Поставив пустую бутылку под лестницу, Капитан пошел наверх. Поднимаясь, он нажимал на аккуратные, отделанные под дуб двери и прислушивался.

Одна из дверей на пятом этаже оказалась незапертой. Тихо ступая, Капитан вошел в прихожую. В запасе, на случай, если заметят, была готовая фраза, однако из комнат никто не появился. В прихожей висело много одежды — синтетическая шуба, пальто, куртка и фуражка летчика. Из комнаты доносилась музыка.

1 ЯНВАРЯ, 22 ЧАСА 40 МИНУТ

Система была строго продумана. Несмотря на то, что в базовых ячейках находились расставленные Капитаном старые портфели или чемоданчики — с непременной электробритвой, сорочкой либо пуловером, Илья привозил с собою на вокзал еще баул или сумку.

Осмотревшись, он открывал обычно базовую ячейку, вынимал находившийся в ней чемодан или портфель и ставил рядом. Любой, кто в эту минуту заглянул бы в отсек, мог увидеть пассажира «с двумя местами», занимающегося перекладкой вещей из портфеля в сумку или наоборот.

И в этот вечер, собираясь на вокзал, Илья не изменил правилу. Смущало одно — очередной баул выглядел довольно приметно, с пестрым рисунком «в шашечку» и «молнией» по диагонали. Подумав, Илья вытащил из-под кровати чемодан Капитана, вытряхнул содержимое в спальный мешок: зачетку, ключи, записную книжку с номерами ячеек, где лежали оставленные для себя наиболее ценные вещи, золотые запонки в коробке и много-много мелких и больших, нужных и ненужных предметов. В чемодан Илья положил электробритву «Эра», две нейлоновые сорочки и туфли.

Вокзал встретил мощным звуковым фоном. Основу его составляло непрекращающееся гудение ламп и разноголосый гул тысяч людей.

Ко всему этому Илья успел привыкнуть.

Пройдя несколько раз по центральному залу и не почувствовав ничего тревожного, он на эскалаторе спустился вниз, в автокамеру. Здесь тоже было все спокойно, и Илья не спеша прошел внутрь, к своим ячейкам, подготовленным Капитаном еще с утра.

Он чувствовал свою неуязвимость — с чемоданом, оклеенным фотографиями, с поношенными сорочками, туфлями, электробритвой, купленной женой еще в Юрюзани, — ни одна из этих вещей не была краденой. Илья шел и смотрел по сторонам, присматриваясь к ячейкам, словно каждая из них имела для него свое лицо.

...Старая, часто неисправная, двести семьдесят девятая — Илья как-то нацарапал на ней крест. Ее вечно чинили, потому что монеты, пролетая в монетоприемник, на какое-то мгновение размыкали запирающее устройство. Илья часто пользовался ею, еще будучи студентом. Триста одиннадцатая показывала «заня-

то» вместо «свободно»: закрывая ее, надо было обязательно убедиться в том, что она действительно заперта, и подергать за ручку.

Продвигаясь по отсеку, Илья привычно приглядывался к наружным шифраторам, отыскивая необходимые сочетания цифр. Обычно, подходя к базовой ячейке, он уже держал в голове несколько возможных вариантов.

На этот раз ничего похожего не было. Вначале Илья не придал этому особого значения: «Нет здесь, найдем дальше».

До базовой ячейки оставалось всего несколько шагов. На шифраторах сплошь стояли цифры одного порядка: единицы, двойки или восьмерки с девятками.

Илья вдруг занервничал, даже лоб у него покрылся холодной испариной.

«...Все рукоятки снаружи перекручены! С какой целью? Кем? — И вдруг его словно осенило: — Ищут! Базовые ячейки ищут!»

Он замедлил шаг. Много раз он думал, что нельзя пользоваться одним и тем же шифром дважды, для каждой базовой ячейки надо выбирать свой, новый. Вот и дождался! Оттого что все ячейки, которые занимал одновременно, закрывал на один шифр!

«Какой же из шифров провалился? Четыре пятерки — безусловно, а как другие?!» — Илья считал, что милиция не нашла ни одной из вещей, оставленных им в базовых ячейках, что впереди у него десять суток форы — до следующей плановой проверки ячеек администрацией. Это была грубая ошибка, все шифры, которыми он пользовался, теперь следовало считать проваленными.

Илья поравнялся с бывшей базовой ячейкой и прошел мимо.

Первая мысль, которая пришла на ум, когда он удалялся от поставленного милицией капкана, была: «К черту все! Как можно скорее сматывать удочки!»

Но бросить все? Когда сделано главное?! Когда почти решен вопрос о прописке и уже выбрана дача?! Что, собственно, узнала милиция? Его базовые ячейки? Его прежние шифры? Ну так он сменит их! Возьмет другие шифры, займет новые базовые ячейки.

Только позже Илья сделал еще одно неприятное открытие: один из обворованных чемоданов он оставил в ячейке с шифром 2727. Нашла ли ее милиция? Если да, пропала его личная ячейка с вещами в Киеве и одна на Рижском вокзале — горжетка из трех куниц, он оставил ее в подарок жене, японский транзистор «Хитачи», авторучки — необычные, с паспортами, словно это были бог весть какие сложные машины, с номерами пишущих устройств и объемистыми инструкциями на трех языках, и много, много других вещей.

1 ЯНВАРЯ, 23 ЧАСА 30 МИНУТ

Неожиданное бездумно-веселое настроение овладело Денисовым, после того как он, выбравшись из зала, где происходило собрание владельцев эрдельтерьеров, нашел телефон и позвонил начальнику розыска.

Он не стал рассказывать о том, что на мысль о базовых ячейках навело его выступление седой маленькой женщины, посившей жокейскую шапочку, об украденном у этой женщины удивительном щенке, плакавшем святыми человеческими слезами.

— Преступник заранее занимает ячейки и закрывает на определенные шифры. Надо поискать его ячейки.

— Ты опоздал, дорогой блуждающий форвард, — ответил Денисову подполковник, начальник розыска, — но ненамного. Действительно, идеи носятся в воздухе. Несколько минут назад получена рекомендация штаба — проверить ячейки с этими шифрами. Так что немного опоздал...

— Больше пока ничего нового?

— Новое будет часа через два-три, когда закончится проверка ячеек. Поспать удалось?

— Немного. Как на других вокзалах?

— Все тихо. Ну давай! Мне звонят по прямому.

Было уже поздно, когда он снова подъехал к вокзалу. Ночью вокзал жил той же необычной жизнью, что и днем. Люди приезжали, уезжали, сидели за никелированными стойками кафе, брились, знакомились, завтракали, давали телеграммы. Ни на минуту не умолкало радио, хлопали своими короткими, словно обрезанными, крыльями автоматические справочные установки. Подкатывали машины со знакомыми трафаретами: «Известия», «Литературная газета», «Труд».

«Не люблю вокзалы» — называлась книжка, которую Денисов как-то случайно увидел в киоске. Название удивило и запомнилось. Как можно не любить вокзалы?!

Из центрального зала навстречу Денисову толпой выходили французы, он узнал их по красным заплочным сумкам фирмы «Франс Вояж». У некоторых были флажки с надписями:

«JALTA», «OREANDA», «SIMEIS».

Французы шли к автобусам.

Еще издали на стоянке служебного автотранспорта Денисов заметил много легковых машин.

«Ого! — подумал он. — Кто-то уезжает! Холодилин определенно здесь — его машина. Надо поспешить!»

Под крытые своды перрона Денисов вышел с первыми звуками марша. Впереди маячил последний вагон только что отошедшего поезда. Денисов не сразу решил — движется состав или еще стоит: вагон, весивший десятки тонн, казалось, плыл над рельсами со скоростью парящей пылинки.

В начале платформы стояла круглая, ярко-желтого цвета тумба с кнопкой и четко выведенными надписями: «Милиция», «Кратковременно нажмите кнопку» и «Говорите».

— Денисов, — сказал он, нажимая на кнопку. Тотчас над головой замигал световой маяк, подзывая ближайшего постового. — Кто уезжает?

— Министр внутренних дел Республики Конго, — ответил в микрофон дежурный. — Ты рацию получил, Денисов?

— Я уходил ужинать, начальник розыска знает.

— Иди получай.

На световой призыв спешило сразу два милиционера. Денисов

успокаивающе махнул рукой: «Помощь не требуется, свои, деловой разговор!» — и пошел вдоль платформы.

Стараясь не попасть на глаза Холодилину, Денисов прошел в дежурку и получил рацию: за выход на службу без нее начальство строго взыскивало. Затем спустился в автоматическую камеру хранения.

В камере хранения все осталось без изменения, в том же состоянии, как и до его ухода. Только вдалеке, в самом крайнем отсеке, здоровяк Сабодаш — он так и не ушел домой — и молодой инспектор розыска продолжали поиски базовых ячеек. Инспектор набирал шифры: 1881, 2727 и 5555 и, если дверца не открывалась, переходил к следующей, а Сабодаш шел сзади и «стирал» «пятерки» — перекручивал рукоятки шифраторов в разные стороны.

— Становись, Денис, — подмигнул Сабодаш, — принимай работу!

Денисов с минуту следил за ним: когда Антон поворачивал рукоятку вправо, вместо «5» появлялось «8» либо «9», когда с той же самой силой он нажимал влево — «2». На всех шифраторах преобладали одни и те же цифры: «1», «2», «8», «9».

— Что ты делаешь?! Посмотри, у тебя все шифраторы как близнецы!

— Вот еще! А пассажиры как делают?! Думаешь, они присматриваются? — огрызнулся Сабодаш. — Крутанут рукоятку и уходят. И не обращают внимания, что там снаружи. Им главное — внутри.

— Поэтому и получается... — он не договорил.

— Ты что, Денис? — спросил дежурный. — Ты не сомневайся! Раз нужно — все переделаем. Сейчас будет в лучшем виде. Уот!

«По восьмеркам и двойкам можно узнать о том, что вначале на их местах были пятерки... Может, преступник по этому же принципу находит ячейки, в которых зашифрован год рождения?! Но как? Почему? Ведь шифр пассажиры набирают изнутри?!»

Денисов сбросил куртку, вдвоем с Антоном начали перекручивать рукоятки, а мысль его сосредоточилась на одном, еще не осознанном, с которым нужно было обращаться очень бережно, чтобы оно не ушло, не рассеялось, — колеблющаяся связь цифр внешнего и внутреннего шифраторов.

2 ЯНВАРЯ, 2 ЧАСА 40 МИНУТ

НАЧАЛЬНИКАМ ОТДЕЛОВ МИЛИЦИИ (согласно перечню)
В РЕЗУЛЬТАТЕ ПОИСКОВ БАЗОВЫХ ЯЧЕЕК ПРЕСТУПНИКА В АВТОМАТИЧЕСКИХ КАМЕРАХ ХРАНЕНИЯ НА РИЖСКОМ ВОКЗАЛЕ УСТАНОВЛЕНА № 347, В КОТОРОЙ ОКАЗАЛОСЬ БОЛЬШОЕ КОЛИЧЕСТВО ДОРОГОСТОЯЩИХ ВЕЩЕЙ И ПРЕДМЕТОВ.

В ИХ ЧИСЛЕ:

ГОРЖЕТКА ИЗ ТРЕХ КУНИЦ, ПОХИЩЕННАЯ В ДЕ-

КАБРЕ МЕСЯЦЕ ИЗ АВТОКАМЕРЫ НА СТ. КИЕВ-ГЛАВ-
НЫЙ-ПАССАЖИРСКИЙ,
ЯПОНСКИЙ ТРАНЗИСТОРНЫЙ ПРИЕМНИК «ХИТАЧИ»...
ВСЕГО СТО ДЕСЯТЬ НАИМЕНОВАНИЙ.
НА НЕКОТОРЫЕ ПРЕДМЕТЫ И ВЕЩИ ЗАЯВКИ О КРА-
ЖАХ НЕ ПОСТУПАЛИ. ВЫЯВЛЕНЫ НЕВИДИМЫЕ ОТПЕ-
ЧАТКИ ПАЛЬЦЕВ, ПРИГОДНЫЕ ДЛЯ ИДЕНТИФИКАЦИИ.
ЯЧЕЙКИ ОБЕСПЕЧЕНЫ НАБЛЮДЕНИЕМ.
ПРИМИТЕ МЕРЫ К УСТАНОВЛЕНИЮ ВЛАДЕЛЬЦЕВ
ОСТАЛЬНЫХ ВЕЩЕЙ.
ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА МОСКОВСКОГО УТМ ХОЛОДИЛИН.

2 ЯНВАРЯ, 3 ЧАСА 30 МИНУТ

Зал постепенно утих, только у автоматов с водой долго еще толпились пассажиры. Денисов подошел к стеклянной стене, отделявшей зал от перрона.

— Шестой! — неожиданно раздалось из миниатюрного микрофона, прикрепленного к внутреннему карману. — Шестой! Срочно подойдите к автоматической камере хранения!

Первым, кого Денисов увидел, вбежав в экспедицию, был старший инспектор Блохин. Он поднимал с пола чью-то куртку, подбитую мехом. Сбоку стояли перепуганный насмерть старик экспедитор, Борис Порываев и молоденький милиционер.

— В окно выскочил, — растерянно объяснил экспедитор, — как вбежал и сразу в окно! «Патрули, — говорит, — папаша!» А сам куртку с себя...

Денисов увидел, что оконная рама над столом только притворена, на полу, у батареи, валяется форменная синяя фуражка.

Милиционер вспрыгнул на подоконник, рванул раму на себя. Худощавый, он легко проскользнул в неширокое отверстие.

Пока Денисов вместе с дежурным по рации маневрировал рядом, Блохин обнаружил во внутреннем кармане куртки маленький картонный квадрат.

— «Краснодарский авиаотряд. Талон на обед», — лицо Блохина расплылось в улыбке. — Молодец, Порываев!

С этой минуты он оказывал дежурному по камере хранения все возможные знаки внимания.

— Как все произошло?

— Пассажир мне подсказал: идите, говорит, в крайний отсек. Т-там, говорит, летчик по ячейкам лазит, — Порываев волновался. Волнение в первую очередь действовало на его речевую систему. — Чуть я не п-поймал!

— Запомнил, какой он собой? — Блохин спрятал талон в специальный хлорвиниловый пакет.

— Нормальный, лет тридцати пяти, на руке вроде татуировка...

— А свидетель?

— Не особенно рассмотрел... Да, что же я?! Он же там вещи бросил.

Вслед за Порываевым Блохин и Денисов побежали к ячейкам.

Посредине отсека, метрах в пятнадцати от выхода, лежал кожаный чемодан с биркой аэропорта. Пассажиры обходили его стороной, никто не пытался поднять или оттащить в сторону.

— Ищи своего свидетеля, — Блохин показал дежурному на кресло, — а мы попробуем узнать, какая ячейка вскрыта. Может, в ней есть еще вещи.

Кто-то из пассажиров, проходя мимо, обернулся.

— Вот здесь, справа. Там чемодан

Старший инспектор подошел к секции, на которую показал пассажир. В раскрытой ячейке стоял потертый чемоданчик. Он не мог иметь ни малейшего отношения к тяжелому чемодану с биркой, лежавшему в проходе.

— Здесь что-то другое! — Блохин огляделся. — Никому руками не трогать.

Подошел огорченный Порываев.

— Не нашел.

— Куда же он мог деться? Транспорт еще не ходит...

— Может, уехал с бакинским? — Денисов размышлял вслух.

— Правильно. Он либо в поезде, либо на стоянке такси... Порываев! Голубчик! Давай вместе с постовым к стоянке. А Денисов пока свяжется с Краснодарским авиаотрядом. Может, найдем хозяина куртки? А?

2 ЯНВАРЯ, 3 ЧАСА 45 МИНУТ

НАЧАЛЬНИКУ ЛИНЕЙНОГО ОТДЕЛА МИЛИЦИИ
КОПИЯ: БРИГАДИРУ СКОРОГО ПОЕЗДА МОСКВА —
БАКУ

СРОЧНАЯ. ПРИМИТЕ МЕРЫ К УСТАНОВЛЕНИЮ НЕИЗ-
ВЕСТНОГО ПАССАЖИРА ПОЕЗДА, КОТОРЫЙ, БУДУЧИ В
АВТОМАТИЧЕСКОЙ КАМЕРЕ ХРАНЕНИЯ ВОКЗАЛА, ЗА-
МЕТИЛ ПРЕСТУПНИКА, ПЫТАВШЕГОСЯ СОВЕРШИТЬ
КРАЖУ ВЕЩЕЙ ИЗ ЯЧЕЙКИ.

РЕКОМЕНДУЕМ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ДЛЯ РОЗЫСКА
ПОЕЗДНОЕ РАДИО.

НАЧАЛЬНИК УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА ОТДЕЛА МИ-
ЛИЦИИ.

2 ЯНВАРЯ, 4 ЧАСА

Краснодар отозвался быстро. Трубку принял дежурный по аэропорту. Дежурный выслушал Денисова, потом сам быстро овладел инициативой.

— Что он там у вас натворил? Как мне доложить начальнику?

— Пока ничего не могу сказать.

— Ого! Значит, летать не сможет! Сильно! Летчик или штурман?

— Неизвестно.

— Ну ясно... Нельзя — значит нельзя. Там, в Москве, находится ростовский экипаж. У них могут быть неиспользованные талоны нашего аэропорта. Звони в Шереметьево, найди Людочку из профилактория, у нее узнаешь. А в Ростов и командиру отряда я сам позвоню. Какие у тебя приметы?

— Тридцати пяти лет, нормального телосложения. На тыльной стороне ладони небольшая татуировка.

— Среди наших, кажется, нет. Я еще позвоню...

В пять часов утра после звонка начальника отдела кадров Домодедовского аэропорта до Денисова добрался дежурный из Быкова и сразу перешел в наступление:

— Где же ваша оперативность? Почему такое отношение? Все знают, а мы не в курсе! Не считаете нужным ставить в известность?! Кто у телефона? — только узнав, что у телефона не МУР, не областное управление внутренних дел, а всего-навсего инспектор, младший лейтенант, он успокоился. — Давай приметы... Кто тебе нужен? Сейчас найдем.

Уголовный розыск устанавливает неизвестного, имевшего при себе талон на обед Краснодарского авиаотряда. Человек этот находился ночью на вокзале, на нем была надета меховая куртка и форменная фуражка. Далее шли скудные приметы.

Почти все абоненты подозревали, что Денисов знает гораздо больше.

— Товарищ! Умоляю! — попросил взволнованный женский голос, когда Денисов в следующий раз снял трубку. — Скажите, в какой он больнице? Он жив? Умоляю! Это его знакомая.

— Жив! — первым делом он решил успокоить звонившую.

Женщина заплакала:

— Не обманываете меня?!

— Нет. Кто вы?

Но в трубке раздались гудки: спрашивать об этом надо было раньше.

Едва Денисов нажал на рычаг, раздался новый звонок.

— Товарищ Денисов? Это из ростовского экипажа, — наступила пауза, потом решительный голос продолжал: — У меня с вечера человек исчез. Похож на того, какого вы описали. И в такой же куртке. Где вы находитесь?

2 ЯНВАРЯ, 3 ЧАСА 40 МИНУТ

Илья перелез через забор и оказался у бензозаправочной станции. Сбоку, на пустыре, стояли грузовики междугородных перевозок, огромные, как железнодорожные пульманы. Впереди, у церкви, виднелся мотоцикл ночной милиции. Илья хотел бежать в темень, к товарной станции, когда из-за поворота неожиданно мелькнул глазок такси.

— На Каланчевку! — Илья тяжело повалился на переднее сиденье, рядом с шофером. — Плачу вдвойне: видишь — в чем остался! Остальное должен понять, как мужчина мужчине.

Таксист промолчал, Илья незаметно оглядел его.

«Себе на уме. Это плохо. Сейчас оповестят посты, диспетчеров такси, через несколько минут все будут знать, что я без пальто, в одном костюме».

— Я закурю. Не возражаешь? — водителя ни на минуту нельзя было оставлять наедине с его мыслями: мало что может прийти в голову?!

— Мне не мешает, курите.

— Ночная работа тяжелая. Знаю.

Водитель снова промолчал.

Внезапно Илья понял причину неприязненного молчания. Работающий по ночам таксист мог скорее понять мужа, чем любовника. Объяснение Илья выбрал неудачно.

...Вся эта ночь прошла кувырком. В поисках базовых ячеек работники милиции изменили наружные шифры. Исчезли привычные комбинации цифр. Надо было ждать новых пассажиров.

Илья нервничал. Даже появление Капитана не добавило обычной порции энергии.

Помощник Ильи явился с опозданием. Он был в куртке летчика, форменная фуражка, надетая чуть набок, придавала ему молодцеватый вид.

— Все в порядке? — Илье показалось, что от Капитана пахнет алкоголем.

— Пока вы со мной, все отлично, — привычно рассыпался в комплиментах Капитан. — Просто удивительно, никогда себя так спокойно не чувствовал. — Он поглубже, как в панцирь, втянулся в свою новую куртку и поправил фуражку.

Илья не стал вводить Капитана в курс дела с базовыми ячейками: зачем раньше времени паниковать?

— Изменили морю? — Илья кивнул на эмблему.

— Эту робу я принес вам, — смущенно сказал Капитан. — Очень естественно смотрится. Переоденьтесь, подойдите к расписанию самолетов и оттуда зайдите в отсек. Недурна мысль?

— Пожалуй, — Илью озадачило это проявление участия.

— Куртка немного мала мне, но вам будет в самый раз.

Через несколько минут Илья выглядел заправским летчиком.

— Я буду стоять у киоска военторга, — мысль Капитана работала четко, — когда дежурный пойдет к отсеку, я успею его перехватить. Нам не пора еще?

Илья ждал скрещения поездов. Прибытие ночного астраханского и начало посадки на бакинский скорый приходились почти на одни и те же минуты. В это время камера хранения всегда заполнена пассажирами.

— Время есть, — Илья взглянул на часы. — От киоска видны проходы к ячейкам?

— Видны. Я проверил.

— «Внимание! Граждане, встречающие пассажиров, астраханский прибывает без опоздания, ко второй платформе...»

Работники вокзала включили эскалатор, вскоре первые вновь прибывшие рассыпались по отсекам, занимая ячейки. Посадка на бакинский почему-то задерживалась.

К наружным шифраторам постепенно возвращался их прежний вид, но для способа открывания ячеек, которым пользовался Илья, этого было недостаточно. Самое лучшее, понимал Илья, — перенести операцию на завтра.

— Что за объявление там вывешивают? — спросил Капитан.

Замечание оказалось удивительно некстати. Два носильщика под руководством старшины обновляли стенд «Их разыскивает милиция». Илье стало не по себе.

— «Начинается посадка, — наконец объявило радио, — на скорый поезд Москва — Баку...»

— Рискну, — Илья махнул рукой, — подходите к киоску...

— Уверен, что все будет хорошо

Вместе с потоком пассажиров Илья прошел в отсек, открыл новую базовую ячейку. Потертый чемодан Капитана показался на свет. Илья даже не взглянул на него. Вокруг спешили пассажиры, и Илья тоже спешил. Надо было найти знакомую комбинацию наружных цифр. Он сделал несколько шагов по отсеку — напрасно! Вернулся назад — снова ничего.

«Эх, была не была!» — Илья пошел вдоль секций.

Знакомая комбинация цифр оказалась в самом дальнем углу. Илья оглянулся — Капитан стоял у киоска военторга, лениво облокотившись на витрину.

Ячейка открылась на шифр «1931». В ней лежал кожаный чемодан с биркой аэропорта.

На какое-то мгновение Илья потерял Капитана из виду и вдруг увидел дежурного по камере хранения. Он стоял в отсеке и подозрительно смотрел в его сторону. В проходе, кроме Ильи и дежурного, никого не было.

Илья сразу понял: раскрытая базовая ячейка выдаст его с головой. Видавший виды сундучок Капитана и кожаный чемодан с биркой аэропорта не могли принадлежать одному человеку.

— Что это?! — он поставил чемодан, прижал руки к животу. — Что такое?! Пожалуйста, посмотрите за вещами! Минутку! — ссутулившись, Илья отскочил в сторону.

Чемодан с биркой мстил похитителю. Запнувшись о его крутые бока, Илья едва не упал, удержался, носком ботинка с силой отпихнул чемодан в сторону. Кожаный неприятель упал, глухо ударившись о кафельный пол. Илья при этом потерял не менее пяти секунд.

— Старшина! — крикнул дежурный.

Илья выскочил из отсека. Бежать по эскалатору было поздно. Сбоку мелькнула табличка «Посторонним вход воспрещен» — другого выхода не было.

Илья бросился в коридор.

В комнате, за плохо прикрытой дверью незнакомый старик заклеивал бандероли — он испуганно покосился на Илью.

— Патрули, папаша, — пробормотал Илья первое, что пришло в голову, вскакивая на стол к подоконнику и с треском отдирая шпингалеты. Окно открылось не полностью. Илья так и не узнал, что ему помешало. Сбросив куртку, он изо всех сил потянул раму на себя.

— Здесь он! — раздалось у дверей. В эту секунду ему удалось протиснуть голову и плечи в образовавшееся отверстие, и, ни о чем больше не думая, он камнем свалился вниз.

...Илья, как обещал, щедро расплатился с таксистом, но тот даже не взглянул на деньги, с обидной поспешностью включил зеленый глазок.

Единственное место, где Илья, не вызывая подозрений, мог явиться сейчас без пальто, была круглосуточно работавшая столовая для локомотивных бригад. От того места, где Илья отпустил машину, до столовой было совсем близко.

Обитая куском дерматина дверь легко подалась, впустив вместе с Ильей рваный клуб морозного воздуха. В столовой уже были ранние посетители, несколько человек у стойки рассматривали меню.

Стараясь не привлекать внимания, Илья подхватил в углу со стола потемневший пластмассовый поднос, бросил на него вилку с ложкой и быстро смешался с людьми, стоявшими у буфета.

2 ЯНВАРЯ, 5 ЧАСОВ 50 МИНУТ

Автомашина уверенно проскользнула под запрещающий знак на стоянке служебного автотранспорта. Денисов видел из окна, как широкоплечая фигура мелькнула у угла вокзала. На лестнице слышались шаги, и вскоре в псевдомонастырскую келью-кабинет вошел человек.

— Я знал, что этим кончится, — коренастый летчик крепко пожал Денисову руку. — Он в больнице? А? Или правду я пока не узнаю? Хороший штурман, прекрасный товарищ... И вдруг роковая любовь. А в Ростове — жена и ребенок. Пробовали с ним говорить — куда там! Вчера, как только прилетели, сразу на такси — и весь разговор. У него в куртке женской фотографии не было? Я бы сразу сказал, он или нет.

— Фотографии не было, — Денисов показал на стул, — скажите, у него есть татуировка? На тыльной стороне ладони, здесь?

— Кажется, есть. «Крылышки». Сейчас уточню. Это городской телефон? — Он так и не сел, стоя набрал номер, круто пере-
ворачивая диск. — Людочка? Ты не помнишь, у Володи... Как? Звонил?! Да я ему! — Летчик в сердцах бросил трубку на рычаг и платком вытер лоб. — Сейчас звонил. Скоро приедет. Куртку у него украли. С вешалки, из квартиры.

2 ЯНВАРЯ, 7 ЧАСОВ 15 МИНУТ

Капитан видел, как из отсека выскочил бледный перепуганный Илья, как бросился в тупик — к двери с надписью «Посторонним вход воспрещен». За ним, точно гончие, преследующие дичь, устремились милиционер и дежурный по камере хранения, потом еще двое в штатском.

Финал представился Капитану довольно четко, поэтому сразу, как только сцена освободилась для нового действия, он покинул вокзал и переулками постарался уйти от него как можно дальше.

Хитроумная сеть, которую он с первого дня знакомства расставлял на Илью, выполнила свое назначение. Теперь Капитану оставалось заехать к Илье на квартиру, найти блокнот с номерами ячеек, шифрами, взять вещи — и «прощай, столица».

На все это Капитан отводил три часа, справедливо полагая, что раньше десяти Илью на допрос не вызовут.

«Успею! Жаль только, на квартиру раньше восьми нельзя приезжать — подозрительно!»

Сонный мальчишка-таксист отвез Капитана домой и подождал, пока он собирался. Вещей оказалось немного — плоский портфель-чемодан из ячейки и хозяйственная сумка. Капитан надел шинель, пальто Ильи спрятал в сумку. Ключ от квартиры бросил в почтовый ящик.

— Вы моряк, значит? — таксист не узнал клиента в костлявом пожилом младшем лейтенанте, спустившемся с крыльца. — С какого судна?

— С крейсера «Туман».

— Разве есть такой?

— Историю надо знать!

Через всю Москву таксист повез его на Юго-Запад. Было темно. Из машины Капитан видел людей, ехавших на работу городским транспортом. У закрытых газетных киосков уже стояли завсегдатаи. Между крышами домов красной точкой висел самолет.

«Скоро и мне во Внуково!»

2 ЯНВАРЯ, 8 ЧАСОВ 06 МИНУТ

ДЕЖУРНОМУ МОСКОВСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ТРАНСПОРТНОЙ МИЛИЦИИ. СРОЧНАЯ

ПРИНЯТЫМИ МЕРАМИ УСТАНОВИТЬ ПОЕЗДЕ МОСКВА — БАКУ ИНТЕРЕСУЮЩЕГО ВАС СВИДЕТЕЛЯ КРАЖИ

АВТОМАТИЧЕСКОЙ КАМЕРЫ ХРАНЕНИЯ НЕ ПРЕДСТАВИЛОСЬ ВОЗМОЖНЫМ. ДЕЖУРНЫЙ ЛИНЕЙНОГО ОТДЕЛА МИЛИЦИИ.

НАЧАЛЬНИКУ МОСКОВСКОГО УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА ДОПОЛНЕНИЕ К ОРИЕНТИРОВКЕ О КРАЖЕ ВЕЩЕЙ ИЗ АВТОМАТИЧЕСКОЙ КАМЕРЫ ХРАНЕНИЯ

УСТАНОВЛЕНО, ЧТО ОСТАВЛЕННАЯ НА МЕСТЕ ПРОИСШЕСТВИЯ ФОРМЕННАЯ ВЕРХНЯЯ ОДЕЖДА ПРИНАДЛЕЖИТ ШТУРМАНУ РОСТОВСКОГО ЭКИПАЖА ЛАТУН Б. Г. И БЫЛА ПОХИЩЕНА ИЗ НЕЗАПЕРТОЙ КВАРТИРЫ НА УЛИЦЕ ОВРАЖНОЙ, 83/4 (ДЕГАНОВО)

ПРОШУ КОНТАКТИРОВАТЬ РОЗЫСКНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ С МОСКОВСКИМ УПРАВЛЕНИЕМ ТРАНСПОРТНОЙ МИЛИЦИИ. ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА МОСКОВСКОГО УТМ ХОЛОДИЛИН.

2 ЯНВАРЯ, 10 ЧАСОВ 10 МИНУТ

«ПРЕСТУПНИК КАКИМ-ТО ОБРАЗОМ УСТАНАВЛИВАЕТ ЯЧЕЙКИ, В КОТОРЫХ НАБРАН ГОД РОЖДЕНИЯ, ЕСЛИ ТОТ ЖЕ ШИФР РАНЕЕ НАБИРАЛИ СНАРУЖИ».

Денисов записал свою догадку в блокнот большими заглавными буквами и, каждый раз думая о ней, доставал блокнот и перечитывал запись.

«НО ВЕДЬ ПОТЕРПЕВШИЕ НАБИРАЮТ ШИФР ВНУТРИ И НИКОГДА СНАРУЖИ!» — перед ним была стена, сквозь которую никак не удавалось пробиться.

Надо же, думал Денисов, с самого начала никакой зацепки, ни одного свидетеля или доказательства, только то, что сами установили или нашли!

Положение блуждающего форварда позволяло держаться своей версии и ограждало от участия в общих мероприятиях. В его присутствии начальник розыска давал поручения другим инспекторам, связывался с экспертами — каждую фотографию из чемодана предстояло отклеить, изучить, проанализировать.

— Сколько дел, Денис! — сказал начальник розыска, поймав на себе рассеянный взгляд. — И будет еще больше, если ни ты, ни Блохин... — Он не договорил.

Денисов пожал плечами. Он не знал, куда себя деть, — садился, вставал. Начальнику розыска звонили из штаба, из перфокартотеки — расплывчатая вначале фигура «невидимки» принимала все более конкретные очертания.

На чемодане, обнаруженном в базовой ячейке, также установили отпечатки пальцев. Следы тут же направили для сравнения с отпечатками, изъятыми на Рижском вокзале.

Денисов ни в чем не участвовал. Улучив минутку, он вернулся в камеру хранения.

...ЖЕНЩИНА ПОСТАВИЛА СУМКУ, СБИЛА ТЕПЛЫЙ ПЛАТОК НА ЗАТЫЛОК. РУКА, СТАВИВШАЯ СУМКУ, БЫЛА ЗАТЕКШЕЙ, С МЕРТВЕННО-БЛЕДНЫМИ БОРОЗДАМИ ПОПЕРЕК ЛАДОНИ. ДЕНИСОВ ВИДЕЛ, КАК ЖЕН-

ЩИНА РЕШИТЕЛЬНО ПОДУЛА НА ПАЛЬЦЫ И НАБРАЛА ШИФР. ЯЧЕЙКА ОТКРЫЛАСЬ.

ЖЕНЩИНА ПОСМОТРЕЛА ПО СТОРОНАМ И, НИКОГО НЕ ЗАМЕТИВ, БЫСТРО ПЕРЕКРУТИЛА РУКОЯТКИ. ШИФР СНАРУЖИ ИСЧЕЗ. ТЕПЕРЬ ОН ОСТАВАЛСЯ ТОЛЬКО ВНУТРИ ЯЧЕЙКИ: ЖЕНЩИНА СОБИРАЛАСЬ ВОСПОЛЬЗОВАТЬСЯ ИМ ВТОРИЧНО.

ДЕНИСОВ КАК ЗАЧАРОВАННЫЙ СМОТРЕЛ НА ШИФРАТОР.

2 ЯНВАРЯ 10 ЧАСОВ 50 МИНУТ

В кабинете полковника Холодилина сидели начальники розысков всех московских вокзалов.

Холодилилин появился не один — вместе с начальником уголовного розыска управления и сутулым человеком с чумацкими усами. Начальники розысков встали одинаково дружно, и лица их приняли одинаково непроницаемое выражение.

— На совещании присутствует, — объявил Холодилилин, — конструктор существующих схем автоматических камер хранения, — усатый наклонил голову. — Предлагаю обменяться мнениями по поводу краж из ячеек. Слово инспектору уголовного розыска Денисову.

Начальники переглянулись.

— Дело такого рода, — этой фразой Денисов начинал свои немногочисленные публичные выступления, — кражи имеют две особенности: внутри ячеек набран год рождения, и все потерпевшие пользовались своим шифром дважды. Последнее означает, что все они набирали хотя бы раз свой шифр снаружи.

— ...Что категорически запрещено правилами, — заметил конструктор, кивнул и стал что-то быстро записывать в блокнот, покрывая страницу за страницей крупным размашистым почерком.

— При этом они, конечно, заменяли шифр снаружи любыми первыми попавшимися цифрами, но... Есть закономерность, на которую преступник обратил внимание. Изменяя снаружи цифры, пассажир, как правило, поворачивает рукоятку в сторону «нуля» или «девяти», в зависимости от того, что ближе. Рукоятка существующего шифратора не имеет кругового вращения и поворачивается до упора, — Денисов чувствовал, что его не все понимают.

Ему было бы много легче подойти к ячейке, набрать шифр, например «1927», как та женщина, и предложить присутствующим его изменить.

«Единицу» бы обязательно повернули влево — на «нуль», дальше рукоятка не проворачивалась, «семерка» при повороте вправо до упора стала бы «девяткой». Вместо «1927» появилось бы «0909» или «0609», «0709», «0409». Все равно комбинация цифр начиналась бы с «нуля» и кончалась «девяткой».

— Я понятно объяснил? — Денисов помолчал. — У меня все.

Холодилилин посмотрел одобрительно: он уважал краткость. Обмен мнениями тоже не занял много времени. Начальники розысков коротко отчитались о принятых ими мерах. Конструк-

тор не был готов возразить Денисову, он только рассказал о новой модели ячеек, поступавшей на московские вокзалы.

— Три обозначения цифровых и одно буквенное, — несколько раз повторил он, — никакого года рождения. Зеленый огонек, как у такси.

Потом конструктор перешел к особенностям запирающих устройств.

— Щелчки исчезли — подслушать поворот диска невозможно. Реле времени не позволяет ячейке открыться сразу, так что подбирать шифр одним поворотом рукоятки, как раньше, уже нельзя. На очереди новые конструктивные улучшения, — он постучал карандашом по блокноту с записями, — что же касается запроса товарища младшего лейтенанта, то мы должны его изучить.

— Штаб управления подготовит бумагу, — сказал Холодилин.

— Не проще закрывать ячейку на ключ? — спросил начальник розыска Белорусского. — Как на Западе.

Конструктор проговорил:

— Ключ — вчерашний день техники. Ключ можно потерять, можно изготовить новый. При соблюдении правил эксплуатации электроника дает неизмеримые преимущества.

Ответив на вопросы, конструктор уехал.

— Будем заканчивать, — Холодилин встал, — в соответствии с рекомендациями министерства мы приступаем к широкой, оперативно-штабной операции по задержанию преступника. Кодовое наименование «Магистраль». Операция проводится комплексно, одновременно на нескольких дорогах.

Холодилин говорил еще об устранении условий, способствовавших кражам. Денисов слушал невнимательно: к нему, рядовому инспектору, непосредственно это не относилось. Интерес снова вернулся к Денисову, когда Холодилин заканчивал выступление.

— ...Преступник систематически персодевается. Сегодня он был в форме летчика, а чемодан, который мы нашли в базовой ячейке, оклеен фотографиями кораблей. Это не случайно. Обратите внимание — в списках подозреваемых из Баку упоминается посещавший автокамеры морской офицер.

«Моряк! — вспомнил Денисов и достал блокнот. — «31 декабря, младший лейтенант флота, 21 час. 12 мин., платформа 6». Нужно срочно поставить в известность Холодилина!»

Заместитель начальника управления говорил, что преступник внимательно изучает наружные шифраторы, возможно, следит за работниками милиции. Пыл Денисова тем временем постепенно угас.

«О чем поставить в известность? О том, что тридцать первого декабря по шестой платформе шел моряк?! О странном чувстве, заставившем меня обернуться и посмотреть вслед?! Ну и что? Тот ли это офицер флота? А если и тот, чем это поможет сегодня?!»

— Весьма странным выглядит и исчезновение свидетеля, который послал дежурного в отсек за преступником. Проверкой установлено, что он был один, без вещей. Покинул вокзал при непонятных обстоятельствах.

Холодилилин поблагодарил за внимание.

Денисов вышел из кабинета одним из последних, однако, спускаясь по широкой парадной лестнице управления, вдруг заспешил на вокзал, заторопился на шестую платформу, как будто она могла ответить на вопрос о моряке, который его теперь интересовал.

2 ЯНВАРЯ, 11 ЧАСОВ 30 МИНУТ

ЗАМЕСТИТЕЛЮ НАЧАЛЬНИКА МОСКОВСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ТРАНСПОРТНОЙ МИЛИЦИИ ПОЛКОВНИКУ ХОЛОДИЛИНУ

ОПЕРАЦИЯ «МАГИСТРАЛЬ»

ПО УКАЗАННОМУ ВАМИ НОВОМУ ШИФРУ В АВТОМАТИЧЕСКОЙ КАМЕРЕ ХРАНЕНИЯ НА СТАНЦИИ КИЕВ-ПАССАЖИРСКИЙ-ГЛАВНЫЙ ОБНАРУЖЕНА БАЗОВАЯ ЯЧЕЙКА ПРЕСТУПНИКА, В КОТОРОЙ НАХОДЯТСЯ ВЕЩИ, ПОХИЩЕННЫЕ НА СТ. БАКУ.

ЗА ЯЧЕЙКОЙ УСТАНОВЛЕНО НАБЛЮДЕНИЕ.

НАЧАЛЬНИК ДОРОЖНОГО ОТДЕЛА МИЛИЦИИ.

ВСЕМ, ВСЕМ. ОПЕРАЦИЯ «МАГИСТРАЛЬ».

В 11 ЧАС. 20 МИН. ПОСТУПИЛО ЗАЯВЛЕНИЕ О ТОМ, ЧТО В ПЕРИОД С 8 ЧАС. 26 ДЕКАБРЯ ПО 11 ЧАС. 2 ЯНВАРЯ НА КАЗАНСКОМ ВОКЗАЛЕ СОВЕРШЕНА КРАЖА ВЕЩЕЙ ИЗ АВТОМАТИЧЕСКОЙ КАМЕРЫ ХРАНЕНИЯ.

СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ КРАЖИ ТОТ ЖЕ. ЧАСТЬ ПОХИЩЕННЫХ ВЕЩЕЙ РАНЕЕ ИЗЪЯТА В БАЗОВОЙ ЯЧЕЙКЕ НА РИЖСКОМ ВОКЗАЛЕ.

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА МИЛИЦИИ НА СТАНЦИИ МОСКВА-КАЗАНСКАЯ

2 ЯНВАРЯ, 11 ЧАСОВ 35 МИНУТ

В кирпичном домике на краю перрона было по-больничному тихо. Несколько машинистов разбирали за столом шахматную партию. Доска и фигуры, которые передвигали игроки, выглядели потемневшими, закопченными, они наводили на мысль о кочегарах, игравших здесь до ввода электрической тяги.

В другой комнате сидела дежурная по обороту электропоездов, голубоглазая, с высоким начесом белых кукольных волос.

— Слушаю, — сказала она Денисову.

Он представился.

— Хочу с вашей помощью восстановить картину станции на двадцать один пятнадцать тридцать первого декабря...

— Постараемся, — она поправила волосы и встала из-за стола.

Вдвоем они развернули рулон со схемой станции. Четыре вытянутых прямоугольника обозначали платформы.

— Значит, так, — сказала кукольная Эдит, — у всех платформ стояли поезда. С какой платформы начнем?

— С шестой.

— У шестой платформы на восьмом пути стояла электричка до Валеева-Пассажирского, отправлением в двадцать один час двадцать семь минут.

— Остановки не по всем пунктам? — оставалась еще надежда ограничить пункты розыска.

— По всем, кроме платформы Грачи.

Эдит называла номера электричек, время отправления, остановочные пункты. Денисов постигал суть с трудом, но главное все-таки уловил: моряк уехал не с первой отправлявшейся электричкой. На путях стояли поезда, уходившие в двадцать один шестнадцать и в двадцать один двадцать одна. Преступник выбрал валеевскую — двадцать один двадцать семь.

«Выходит, он не спешил?!»

— Извините, — Денисов достал блокнот и авторучку, — я лучше запишу...

Ей пришлось повторить сначала.

«Два поезда отправились в Валеево раньше того, который он выбрал. На шесть и даже, — Денисов, пробежал глазами написанное, — на одиннадцать минут. Значит, он ехал не в Валеево...» — Денисов стал рассматривать каждую строчку в отдельности.

«Какого черта?! Ведь он же спешил?! При нем были краденые вещи!»

Ответ пришел сам собой, когда он еще раз перечитал свои записи. Ничего загадочного в поведении моряка не было: только на одну станцию можно было попасть быстрее с электричкой, отправлявшейся в двадцать один двадцать семь. Денисов проверил еще раз.

«Деганово. Жилой массив, где ночью была похищена куртка штурмана».

— Спасибо, Эдит!

Наверху, в кафе, куда Денисов поднялся, знакомая официантка плеснула в стакан тепловатого кофе с коричневой пенкой.

— Сейчас принесут новый термос. Ждать будешь?

Сбоку от столика стоял музыкальный автомат. Денисов бросил пятак и наугад нажал клавиш. Автомат сработал не сразу, термос с кофе тоже задерживался.

— «...А может быть, нам этот день запо-о-омнится, — раздалось наконец из музыкального ящика, — как самый светлый день...»

Денисов посмотрел на часы: в Деганово лучше было ехать сейчас, до дневного перерыва в движении электропоездов.

2 ЯНВАРЯ, 12 ЧАСОВ 10 МИНУТ

Дача встала из-за кустов, как только Илья свернул на тропинку.

Увидев ее, Илья забыл о своих злоключениях.

Да и о чем вспоминать? Как он выпросил промасленную телогрейку у дремавшего в столовой стропальщика? Как поехал в ГУМ за пальто?! Стропальщик — чудака, наотрез отказался взять деньги. Пальто Илья купил первое попавшееся, почти без примерки, надел на себя. Упакованную продавщицей телогрей-

ку оставил там же, в ГУМе, на урне. Вспоминать было не о чем, только страх не проходил.

Между соснами мелькнула островерхая черепичная крыша. Тишина и спокойствие исходили от утонувших в снегу построек.

Хозяин — уже немолодой, в вытертых джинсах и ватнике — вышел на крыльцо. Он жил одиноко, Илья ни разу не спрашивал у него, кто катался раньше на ржавевшем у сарая трехколесном велосипеде, ухаживал за гладиолусами в парниках. Во всем доме Илья не увидел ни единой женской вещи.

— Сколько этим соснам? — Илья встречался с хозяином дачи довольно часто, и в обоюдных приветствиях не было необходимости.

— Лет сто — сто двадцать, — мужчина смотрел куда-то в сторону, такая была у него манера, — я в сарай иду. Хотите со мной?

Из сарая они прошли в дом. Не глядя на Илью, хозяин дачи снова открывал и закрывал двери, поднимал доски, показывал состояние полов и фундамента. Так же торопливо и до обидного равнодушно показал он погреб, свел с крыльца и повел к гаражу.

— Мне казалось, что у вас нет ямы.

— Почему? Все как в настоящем гараже. Лучшие годы на него ухлопал... Свет включается с террасы.

— Верстаки с собой увезете?

— Что-то все равно останется. У вас нет машины?

— Пока нет.

— Ну и не надо.

— Меня беспокоит так называемый жучок. Говорят, если заведется, в несколько недель все изведет.

— Пока не слышно.

— Там у вас тоже парники? — Илья показал в конец участка.

Хозяин дачи на секунду оживился.

— Цветы. Жена отличные гладиолусы разводила. Не интересуетесь?

— Это у меня еще впереди, — набирая полные туфли снега, Илья пошел к парникам, в дальний конец сада, под вишни.

«Так и просится сюда гамак, камышовые кресла, круглый стол...»

Много лет ему бередил душу транспарант из салона готового платья в Юрюзани. Илья мог с закрытыми глазами во всех деталях воспроизвести изображенный на нем уголок парка с современным киоском, людей, гуляющих по аллеям. Мужчины помоложе одеты в короткие пальто облегченных силуэтов, очерчивающих их изысканную мужественную красоту. На пожилых — они стояли группами позади киоска или сидели на длинных садовых скамейках — пальто было посолиднее, построжее.

На переднем плане стоял спортивного вида манекенщик в надвинутой на лоб шляпе, с газетой и тростью. Зажав трость под мышкой, манекенщик смотрел поверх развернутого газетного листа на стройную женщину в мини-юбке, катившую

навстречу элегантную детскую коляску. За ажурной оградой, сбоку, виднелась машина.

Илья был готов отдать многое за то, чтобы поменяться местами с манекенщиком, изображенным на транспаранте.

Женитьбу на женщине с приданым Илья отверг. Его тестем стал мужик-сибиряк. Тесть мог легко поставить и раскатать избу, вырубить топорище, пройти шестьдесят километров из Пызмаса в Соть за тракторными санями. Никто не мог бросить Илье упрек в том, что он женился ради денег.

Не деньги влекли его и потом, когда из райцентра он переехал с женой в Юрюзань, настоял на том, чтобы она поступила в иняз, стал готовиться к переезду в Москву. Ему хотелось того, что было изображено на транспаранте и виделось за ним.

2 ЯНВАРЯ, 14 ЧАСОВ 45 МИНУТ

Участковый инспектор — с «поплавком» гуманитарного вуза, в очках — вернул Денисова к действительности.

Участковый оперировал цифрами: площадь, население, промышленность. Но население Деганова было равно среднему областному центру — Костроме или Вологде, по промышленности давало фору отдельным зарубежным странам. По рождаемости держалось на уровне. Чувствовалось, что инспектор всем формам предупредительно-профилактической деятельности предпочитает публичные выступления.

Денисову не понравилось другое: если послушать участкового, получалось, что искать человека по приметам в Деганове — все равно что иголку в стогу сена. С этим Денисов не мог согласиться.

— Выходит, пусть преступление остается нераскрытым?!

— Я так не говорил. Я сказал, что в Деганове живет и работает более тысячи докторов и кандидатов наук, шестьдесят четыре тысячи специалистов с высшим и средним образованием, учителей, инженеров, врачей. Представляешь, сколько сотен, а то и тысяч моряков могут здесь жить и временно приезжать — на побывку, в гости... У тебя ведь нет данных, что он здесь прописан?

— Я вообще о нем ничего не знаю: младший лейтенант флота, и все!..

— Так ведь это знаешь чем отдает? Натпинкертоновщиной! — участковый обрадовался, найдя нужное слово. — Чувствуешь?

— Как, между прочим, с курткой штурмана? Преступника ищете?

— Ищем. Должен тебе, правда, сказать, что и этот преступник мог быть не из Деганова. Во-первых, у нас первая такая кража. Почерк, так сказать, новый...

Спорить, не располагая фактами, было бессмысленно, Денисов молча протянул руку.

— Поехал? — спросил участковый. — Ну давай. Я позвоню, если что будет.

Денисов вышел из кабинета.

Сразу за домами начиналось полотно железной дороги, даль-

ше — пустырь, за которым тянулись дома. Преступник мог жить в той части Деганова, что ближе прилегала к железной дороге — иначе он пользовался бы автобусом или трамваем. Таким образом, район поиска заметно ограничился.

Шлагбаум на переезде был закрыт, пропускали пассажирский состав. Денисов посмотрел на часы — донецкий шел без опоздания. Мелькнула дверь вагона-ресторана с поперечной планкой-ограждением, усатый повар, в колпаке, с оголенными по локоть руками, отдыхая, наблюдал строительный пейзаж.

«Сначала надо проверить «горячие точки» — винные отделы гастрономов, пивные палатки, потом адресоваться к сторожам, дворникам», — решил Денисов, но тут же изменил своему решению.

Проходная маленького заводика за переездом выходила окнами на дорогу. Припертая снизу дверь была приоткрыта — очевидно, для притока свежего воздуха. Денисов не стал искать ближайшую «горячую точку» и вошел в проходную.

— К кому? — пенсионного возраста вахтер сразу все понял, едва Денисов попросил разрешения позвонить. — С Петровки? Или из райотдела? Что-то я тебя не знаю.

— Из «Тридцатки».

Московское управление транспортной милиции размещалось в доме тридцать по улице Чкалова.

— Ясно. Сейчас в бюро пропусков положат трубку, и звонить у нас с ними параллельный.

Звонить Денисову было некому, он набрал номер своего кабинета, как и рассчитывал, никто не ответил.

— Не отвечает, придется подождать.

Вахтер сам начал разговор.

— Работы под самую завязку? Это знакомо. Все бежит молодёжь, все шебуршит! Потому что жизнь не понимает!

— Не так легко понять.

— А чего нелегко? Делай как все вокруг делают!

— Так-то так.

— Я вот тоже шебуршился: на работе не выдвигают, девчонка тройки носит, жена шумит. А как хирург полжелудка отхватил, так сразу все в норму пришло... Ты здесь ищешь кого или между прочим?

— Бывает здесь один моряк, младший лейтенант.

— Живет здесь или как?

— Этого не знаю.

— Так разве найдешь?! Вон здесь сколько домов.

Для приличия Денисов еще раз набрал тот же номер.

— Капитан Колыхалова слушает! — раздалось в трубке, за эти двое суток он совсем забыл о существовании ККК.

Денисов положил трубку.

— Куда бы тебя адресовать? — вахтер снял со стены висевшие на гвозде какие-то форменные бумажки. — Вот что! Сходи-ка ты сначала в общежитие техникума. Народ там — ух! Идут вечером, волосы распустят, поют — смотреть страшно. С них и начни!

«Вот уж там мне делать совершенно нечего».

Поблагодарив, Денисов снова вышел на дорогу.

У палатки, торговавшей черствыми мучными деликатесами, Денисов увидел пьяненького мужичка, он приставал к прохожим с одним и тем же вопросом:

— Ну, куда мне сейчас? К законной или к незаконной?

— Конечно, к законной!

— Да, она меня опять пилить будет!

Инспектора мужичок обошел, почувствовал обостренной интуицией пьяного возможную от этой встречи неприятность.

Денисов просунул голову в окно палатки.

— Моего дружка не видела? Привет!

Скучающая девица с припухлыми веками взглянула недоверчиво.

— Какого еще дружка?

— Ну морячка! Вспомнила? Младшего лейтенанта? Пиво у тебя пьет.

— Боишься, потеряется? — продавщица легла грудью на прилавок, Денисов чуточку посторонился.

— Приходится за ручку водить. Не видела его сегодня?

— Хоть видела. Что мне за это будет?

Вид у нее был плутоватый, но Денисов вдруг понял, что в устах этой скучающей девицы правда и должна выглядеть именно так — сильно замаскированной под ложь.

— Я серьезно говорю.

— И я серьезно.

— Не шучу!

— И я не шучу! — видя, что Денисов не собирается просить пива или кланчить взаймы, она успокоилась.

— Я ему электродрель принес, — Денисов назвал первое, что пришло в голову, — полки книжные вешать, а он ушел. Давно его видела?

— Я как раз открывала. Утром. Он к парикмахерской шел.

— Туда?

Продавщица внимательно посмотрела на Денисова.

— Ты не угорел, милый! Да вот, сзади тебя. За восьмым корпусом.

Как большинство моряков-северян, Денисов плохо плавал, бегал хорошо. Через несколько секунд он был уже в парикмахерской.

В мужском салоне никого не оказалось. В дамском — юная парикмахерша делала начес своей коллеге.

— Девочки, к вам моряк не заходил, младший лейтенант?

Никто ему не ответил.

— С утра никого, — шепнула появившаяся откуда-то сзади пожилая уборщица, — только друг друга весь день и щиплют.

Денисов бегом вернулся к палатке.

— Когда вы его перед этим видели? Давно?

— Вчера, перед закрытием, — волнение Денисова передано продавщице. — А что он сделал? — официальное «вы» отвергало мысль о книжных полках и электродрели.

— Это точно, что он прошел к парикмахерской?

— Не знаю. Шел между корпусами. Пива нет... Что еще делать?

— Вчера он был один?

— Один. Выпил две кружки.

— А раньше?

— Раньше никогда не видела.

Откуда-то из домов пропищали сигналы точного времени. Шестнадцать часов.

Денисов огляделся. Сразу за палаткой простирался пустырь, он заканчивался оврагом. По другую сторону белел жилой массив. Свободная застройка чередовалась в нем с нудной рядностью.

2 ЯНВАРЯ, 16 ЧАСОВ 15 МИНУТ

НАЧАЛЬНИКАМ ОТДЕЛОВ МИЛИЦИИ

ОПЕРАЦИЯ «МАГИСТРАЛЬ»

СООБЩИТЕ ПОСЛЕДНИЕ ДАННЫЕ НА ЛИЦ, ПРИБЕГВШИХ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ К ПЕРЕОДЕВАНИЮ В СЛУЖЕБНУЮ ФОРМУ АВИАТОРОВ И МОРЯКОВ.

ОДНОВРЕМЕННО ПРОШУ СДЕЛАТЬ ПО КАРТОТЕКЕ ВЫБОРКУ ЛИЦ, ИМЕЮЩИХ УГОЛОВНЫЕ КЛИЧКИ — «ЛЕТЧИК» («ПИЛОТ», «ПАРАШЮТИСТ» И ДР.) И «МО-РЯК» («БОЦМАН», «КАПИТАН», «ПИРАТ» И ДР.).

ШТАБ МОСКОВСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ТРАНСПОРТНОЙ МИЛИЦИИ.

2 ЯНВАРЯ, 16 ЧАСОВ 30 МИНУТ

Беседа с хозяином дачи закончилась в комнате за старым столом, испачканным белилами.

— Я вначале перееду как квартирант, потом внесу деньги, скажем в трехмесячный срок, — собственно, Илья знал, каков будет ответ.

— Меня устраивает.

— Если так...

— Переезжайте в любое время. Теперь я один. Круглые сутки, — Илье показалось, что он незаметно смахнул слезу.

— Цена немного велика.

— Продажа дач не мое хобби. Я сказал, что она стоит. Другой на моем месте запросил бы больше.

Илья не стал торговаться, о задатке договорились тоже быстро — обоим хотелось поскорее покончить с этим делом.

— Вы на электричку? — рассеянно спросил хозяин дачи, прощаясь.

— Нет, на автобус.

— Тогда идите тропинкой, здесь короче.

Автобус подошел быстро и сразу же двинулся с места, едва Илья встал на ступеньку.

На задней площадке было много людей. Илье удалось протиснуться к кассе, здесь его вплотную прижали к болезненно-го вида человеку; неподвижно согнутая рука пассажира уперлась Илье в грудь. С обеих сторон Илью подпирали люди, в том числе женщина в давно не чищенном пальто с ввевшейся в него пылью.

Дорога шла проселком. Когда автобус качнуло, болезненно-

го вида мужчина неожиданно прильнул к Илье. В этот же момент стала поворачиваться женщина, готовясь выходить.

Илья быстро оценил обстановку.

— А ну отодвинься! — он перехватил руку, успевшую отстегнуть пуговицу на пальто.

— Да вы что? — карманник громко закашлялся.

Женщина в грязном пальто накинулась на Илью.

— Что пристаёте?! Не видите, инвалид едет! — сообщница оказалась препротивной: под глазом у нее тускло просвечивал то ли синяк, то ли близко расположенный кровеносный сосуд.

— Я вам дам инвалид!

Сбоку кто-то массивный тоже стал разворачиваться — спокойно, со знанием дела, Илья почувствовал прижатый к ребру нахальный локоть третьего карманника.

— Этот, что ль, на тебя, Василий? Товарищ, а ты билет случайно не забыл взять?!

— Едет без билета да еще к людям пристаёт! — тусклый синяк маячил у Ильи перед лицом.

— Проходимцы! Работать надо, а не в автобусах по карманам шарить! — пассажиры с сочувствием смотрели в его сторону. — Скажите спасибо: в милицию идти некогда!

Илья схватился за вертикальный поручень, подтянулся к дверям и нажал кнопку над дверью. Карманники в нерешительности замолчали. Автобус остановился.

— Тесно! Тогда такси бери! — опомнилась женщина, когда Илья выходил.

— Видать, хлюст хороший! — улюлюкнул тот, что был поздравлен. — Сам-то ты и лазишь по чужим карманам! Вот кто ты такой!

Если б ему дано было знать...

«Нет, я не такой, — Илья сгоряча зашагал по шоссе вслед за отъехавшим автобусом, — если и «такой», то временно, на несколько дней. Это вам уже не быть честными. Воровство у вас в крови, въелось в плоть! Представляю, на что вы тратите свои гроши!»

Илья опомнился, когда отшагал уже километра полтора от остановки.

«Важно не то, что присваиваешь чужую вещь, а то, что собираешься делать с нею дальше — пропивать, проматывать — или употребить с толком, как все люди».

Позади настойчиво засигналила машина. Шофер грузовика показывал на свободное место рядом — Илья отказался.

Впереди снова вокзал. Капитан, бросивший его в критический момент, доска объявлений «Их разыскивает милиция», медлительный дежурный по камере хранения...

«Хватит, — решение пришло вдруг, — как это у жуликов? Бросаю? Нет, з а в я з ы в а ю!»

2 ЯНВАРЯ, 16 ЧАСОВ 30 МИНУТ

Участок поиска выделился теперь довольно четко.

Дорожкой, которая вела к парикмахерской, пользовались не все. Она укорачивала путь к станции только жителям отдален-

ных домов. Все другие предпочитали тропинку, начинавшуюся ближе к станции.

Внутри обозначенного Денисовым многоугольника оказалось десятка три кирпичных домов и пять блочных башен.

Была еще надежда на дворников, но первая же дворничиха, молоденькая, в спортивных брюках и дымчатых очках, ее отвела.

— Пока я здесь разметалась, — то, что она делала метлой, определить точнее было трудно, — моряки не проходили.

— А у парикмахерской? Там кто разматается?

— Мой муж, но сегодня я за него.

Денисов еще раз пожалел, что вовремя не рассказал никому о своей версии. Одна ошибка влекла другую, но отступать было поздно. Стараясь не думать о том, что ему предстоит, Денисов вошел в ближайший подъезд.

2 ЯНВАРЯ, 18 ЧАСОВ 50 МИНУТ

НАЧАЛЬНИКУ ОПЕРАТИВНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОТДЕЛА

ОПЕРАЦИЯ «МАГИСТРАЛЬ»

ПРОШУ УСТАНОВИТЬ, НЕ ОСТАВЛЕНЫ ЛИ СЛЕДЫ ПАЛЬЦЕВ РУК, ИЗЪЯТЫЕ В КАЧЕСТВЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ЯЧЕЙКАХ МОСКОВСКОГО ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО УЗЛА, ЛИЦАМИ, ЧЬИ ДАКТИЛОКАРТЫ ПРЕДСТАВЛЕНЫ НА ИССЛЕДОВАНИЕ. ПРИЛОЖЕНИЕ СОГЛАСНО РЕЗУЛЬТАТАМ ВЫБОРКИ УГОЛОВНЫХ КЛИЧЕК.

ИСПОЛНЕНИЕ ПРОШУ НЕ ЗАДЕРЖАТЬ.

ШТАБ МОСКОВСКОГО УТМ.

2 ЯНВАРЯ, 20 ЧАСОВ

Ничего особенного не происходило. Была работа, не требовавшая ни сообразительности, ни особых умственных усилий, в некотором смысле даже тупая, неинтересная.

Открывались и закрывались двери, менялось количество звонков, цвета обоев в прихожих, циновки, половики. Манеры. Процедуры отпираания и запираания замков.

— Хозяев дома нет. Придите завтра.

— Мы здесь недавно. Вы не могли бы спросить соседей?

— Пожалуйста в комнату.

Денисов двигался по инерции: поднимался на верхний этаж — ноги сами вели вниз. Задачу — «Во что бы то ни стало найти Моряка!» — он сформулировал более конкретно: «Опросить жителей близлежащих домов». Он уже не верил, что найдет Моряка, и хотел одного — поскорее выйти из последней двенадцатиэтажной коробки и сесть на крыльцо.

Было странно, что во время этого бесконечного спуска по ступеням он меньше всего думал о Моряке. Даже когда задавал свои стереотипные вопросы и выслушивал такие же стереотипные ответы. Думал о Блохине, о Холодилине, об обязанностях, которые человек с рождения берет на себя перед другими людьми. «Долг», «совесть» — можно было их называть как угодно.

— Здравствуйте, я на минуту. Не наслежу? Ваши окна выходят на улицу. Вы не видели в окно моряка? Я его целый день ищу. Где-то здесь рядом живет. Младший лейтенант.

— Вы обратитесь в адресный стол.

— Моряка? По-моему, нет...

— Тут кого только не увидишь! Слышь, уже моряк объявился! Ну и райончик! До остановки пешком, ям понарыли. Как на острове! Ну Сицилия! Только мафии нам не хватало!

— Мой муж редактор. Ему, извините, некогда в окна глядеть!

— Здесь как-то подрались двое, думала, поубивают друг друга, а на третий день опять у палатки. Как ни в чем не бывало!

У одного из подъездов Денисову встретились дружинники. Он объяснил им, почему находится здесь. Дружинники вызвались поговорить с продавцами гастрономов. Двое сразу же отправились дежурить на переезд.

Дома Денисов оставил себе.

Час возвращения с работы сменил час ужина. Ароматные запахи растекались по подъездам. Они не оставили Денисова равнодушным — жаркое, гороховый суп, макароны по-флотски.

Денисову казалось, будто он спускается все время по одной, растянувшейся на многие километры лестнице.

Постепенно стемнело. Из всех квартир в подъезды проникали звуки телевизоров.

— Я видел такого, как говоришь, моряка, — парень, стоявший в дверях, отступил, приглашая в квартиру, — ну и что?

Парень ужинал. Впустив Денисова, он снова сел за кухонный стол.

На парне была майка, она открывала худые плечи с синими линиями татуировок. По ним Денисов безошибочно прочитал его биографию — детская трудовая воспитательная колония, судимость, колония для взрослых. Теперь с этим, видимо, было покончено — парень пришел с работы, умылся, ужинал без спиртного.

— Зачем тебе моряк? — повторил он.

Вместо ответа Денисов молча показал синий якорек на кисти — память о службе на флоте.

Парень встал к окну.

— Кореш твой живет вон там. Видишь котельную? Теперь бери правее. Второй подъезд. Я его утром видел. Дуй туда.

2 ЯНВАРЯ, 20 ЧАСОВ 50 МИНУТ

В кабинете долго не снимали трубку. Из телефонной будки Денисов смотрел на занесенные снегом детские песочницы, покаты горки — не самодельные, устроенные кое-как, а типовые, о двух скатах — отдельно для среднего и младшего возраста. Большой благоустроенный двор не напоминал Денисову о его детстве, потому что рос он в другом — мужчины в нем играли по воскресеньям в «козла», молодежь танцевала под выставленную на подоконник радиолу.

Колыхалова наконец сняла трубку — Денисов не мог себе представить, что будет, если Киры не окажется на месте.

— Иду по коридору, слышу звонки. Что нового?

— Потом расскажу... Срочное дело. Бери машину и приезжай в Деганово. Совершенно необходимо. Я жду на Овражной три, у палатки, — не дав Кире возразить, Денисов повесил трубку.

В конторе ЖЭКа худенькая, похожая на белую мышку паспортистка с шумом задвигала ящики, мужчина с лицом, изрытым морщинами, ждал ее.

Денисов показал удостоверение, объяснил, в чем дело.

Паспортистка, вздохнув, словно отрезала:

— В этом подъезде моряков нет и никогда не было.

— Может, к кому-нибудь приходил?

— Когда, говорите, его видели? Вечером? Враки. Я часов до десяти с собакой гуляла — ни один в дом не вошел.

Денисов присел на стул, глядя, как она ловко собирает паспорта и укладывает в маленькие деревянные ящички.

— Интересная у вас работа, — сказала паспортистка, чтобы его утешить, — недавно мне такую книгу принесли... — Ее слова нашли в Денисове неожиданный отклик: в споре с участковым инспектором он проиграл — поиск оказался самой что ни на есть чистой натпинкертоновщиной.

— ...читаешь — дух захватывает!

«...Участковый инспектор прав. Сыщик-одиночка в эпоху широких оперативно-штабных мероприятий выглядит и в самом деле анахронизмом, выдумкой досужих авторов, чем-то вроде пресловутого странствующего рыцаря... Требуется новый гений, равный талантом великому Сервантесу, чтобы покончить с литературой о сыщике, как тот назад лет триста покончил навсегда с рыцарскими романами!»

— Понимаете, это очень важно, — сказал Денисов.

Мужчина, не принимавший участия в разговоре, вынул из-под стопы домовых книг тетрадь в коленкорových корках.

— Сейчас попробуем уточнить, — его начальствующий бас заполнил помещение, — подождите немного.

Денисов поднялся.

Обладатель командирского баса кому-то звонил, ежеминутно сверяясь с коленкоровой тетрадью, шутил, порой оказывался действительно строг. Наконец он сказал:

—хлопотливое дело — командовать ЖЭКом. — У него было изрытое морщинами лицо, такое же серое, как его перешитая из папахи каракулевая шапка. — Моряк действительно приходил. Но не вчера — сегодня. В сто пятьдесят восьмую квартиру.

Усилием воли Денисову удалось скрыть волнение.

— Кто там живет?

— Пенсионерка, — начальник ЖЭКа помедлил, — и квартирант. Как раз сегодня решали вопрос о его прописке.

— Как фамилия квартиранта? Откуда он?

— Маевский Илья Александрович, студент из Юрюзани. Напротив, между прочим, живет заместитель начальника милиции — Александр Иванович. Хороший мужик, но его сегодня не будет.

ККК отпустила машину в начале улицы и пешком подошла к палатке. Денисов ждал ее.

— Чем могу быть полезной? — Капитан Кира Колыхалова держала себя немного примадонной, оттого что была единственной женщиной-инспектором уголовного розыска в управлении.

— Такие дела, — рассказав суть своих злоключений, Денисов ненадолго почувствовал себя вновь легко и свободно.

— Пойдем на место, — распорядилась Кира.

В сто пятьдесят восьмой квартире благодаря ее манерам им предложили пройти в комнату и сесть за стол, покрытый торжественным красным плюшем. К неудовольствию Денисова, из серванта был извлечен кофейный сервиз, мельхиоровые ложечки, какая-то вилочка с двумя зубцами и лопатка для кекса.

Женщина с жесткими волосами и маленькими черными усами предложила им выпить кофе, перекурить.

Своего соседа — Александра Ивановича — хозяйка безгранично уважала:

— Двери моего дома открыты для его друзей, — она была рада неожиданным гостям, — я же пенсионерка. Чем прикажете заняться?

Кира нашла в сумочке распечатанную пачку сигарет «Мальборо», щелкнула зажигалкой, давая прикурить.

— Может, домашним кино? — в открытую дверь Кире была видна кинокамера, лежавшая на софе.

Сквозь наплывавшую дрему до Денисова долетали обрывки разговора:

— ...Если придет ночевать. Студент, переводчик с английского. Я вас познакомлю. Собирается фильм снимать.

— Если?! Если придет ночевать?

— Вы меня не поняли. Илья Александрович — мужчина самостоятельный. Ничего такого: ни знакомств, ни выпивок. Но у них сессия! Приходится засиживаться, а то и ночевать в общежитии! Господи, как сейчас трудно учиться!

Задремать Денисову не удалось.

— ...Мы жили в Севастополе, — необычной, понятной ему одному модуляцией голоса Кира пригласила участвовать в разговоре, — мама сдавала комнату морякам. Любопытный народ, и никаких хлопот с ними — по несколько месяцев в плавании...

— Моряки народ интересный, — промямлил Денисов.

— Как раз сегодня я разговаривала с одним таким, представьте, тоже южанином, — хозяйка поправила распадавшиеся на две строгие половины волосы, — очень мило провела время. Чего он только не знает! В каких океанах не побывал!

— Как интересно! — Кира снова вооружилась зажигалкой, пододвинула собеседнице сигареты. — Кто же он — капитан, штурман?

— Он что-то говорил: окончил мореходное училище. На погонах у него одна звездочка.

— Наверное, штурман.

Неожиданно Денисову открылась причина, по которой «Моряк» оказался в его блокноте. Офицеры флота после окончания училища получают не одну, а сразу две звездочки. Какое-то количество младших лейтенантов, может быть, и несет службу, но Денисов их никогда не встречал. Вечером тридцать первого декабря на платформе сознание это произвольно зафиксировало.

— ...Он привез Илье Александровичу его пальто, — рассказывала женщина с усиками а-ля Кольбер, — оказывается, они где-то встретились и Илья Александрович одолжил свое пальто. Понимаете, все время находиться в военной форме в отпуске...

— Добрая душа! В чем же он остался?

— Видимо, возьмет в общежитии. Моряк его ждал, хотел отблагодарить — Илья Александрович так и не приехал.

— Не думала, что южане проводят отпуска в Москве!

— Сегодня уезжает. Как это он интересно выразился на прощание? Есть, говорит, у моря свои законы. Хорошо, не правда ли?

— Извините, — с трудом выжал из себя Денисов, — я могу взглянуть на кинокамеру?

Хозяйка словно впервые заметила Денисова — полную противоположность его светской жизнерадостной спутнице.

— Пожалуйста, только осторожно.

Денисов вошел во вторую комнату. На софе, закрытой цветным спальным мешком, лежали маленькие исписанные четвертушки бумаги, запонки, пустая коробочка Ювелирторга.

У Денисова был свой прием запоминать номера похищенных вещей — не оставлять в памяти все цифры, установить лишь систему: «678», «22», «543» и т. д.

Камера оказалась краденной.

Он возвратился в комнату. Кира даже не взглянула в его сторону. В критические минуты они без слов отлично понимали друг друга.

Женщины успели обсудить достоинства газовых зажигалок, королевского мохера, растворимого кофе.

— Илья Александрович привез отрез чудесного фиолетового кримплена. В провинции все легче достать: и кримплен, и хрусталь.

«Мы эту провинцию давно знаем, там была еще фата, обручальные кольца, капроновый тюль...» — Денисов участия в разговоре не принимал, предоставив Кире вести партию до конца.

Наконец Кира решила, что пора прощаться:

— Мы приедем к Александру Ивановичу в другой раз. Ну и работа у него.

— Посидите, он, наверное, скоро придет.

— Я прекрасно провела время.

— Всегда заходите.

На улице было уже совсем пустынно. На неяркий свет фонарей слетались снежинки. За магазином, в каменном мешке, жгли какие-то ящики, там полыхало пламя.

Из автомата Кира позвонила полковнику Холодилину. Операцией «Магистраль» он руководил лично.

— Докладывает капитан Колыхалова... — Кира чуть-чуть повернула трубку, чтобы Денисов тоже мог слышать.

Холодилилин долго молчал, не прерывая и не поддакивая, и Денисову показалось, что на том конце провода никого нет. Наконец заместитель начальника управления взял разговор на себя.

— Судя по всему, ночную кражу вещей совершил Маевский. Не ясны пока обстоятельства обмена одеждой, — телефонная трубка не была предназначена для разговора втроем: голос Холодилилина то пропадал, то появлялся снова. Денисов понял только, что он вместе с Кирой останется в засаде у дома. К ним присоединится опергруппа. После задержания Маевского опергруппа произведет у него в комнате обыск.

— ...Запрос в Юрюзань сейчас отправим, к утру придет ответ, — услышал еще Денисов. — Все ясно?

— Все ясно, товарищ полковник, — Колыхалова обращалась к начальству как-то особенно звонко, и это не нравилось Денисову: говорить надо со всеми одним тоном.

2 ЯНВАРЯ, 22 ЧАСА 10 МИНУТ

Лучший момент для того, чтобы «завязать», исчезнуть, вернуться к тому, от чего ушел, было трудно придумать.

Илья понял это не сразу — лишь отшагав добрых километров пять пешком по шоссе. Мороз то усиливался, то чуть отпускал снова — видимо, менялось направление ветра.

С Капитаном покончено. Уверенный в аресте Ильи, он наверняка бежал на юг. Что же! «Была без радости любовь, разлука будет без печали». Самому Илье показываться на вокзалах теперь нельзя — ищут! Может, к лучшему?!

Все, таким образом, сходилась на одном — срочно, сейчас же переезжать на дачу, исчезнуть, залечь, никому не давая о себе знать. Тогда... Тогда через некоторое время можно будет вернуться в Юрюзань честным человеком, каким уехал в Москву на экзамены. И не только честным.

Переезд на дачу Илья решил отложить на ночь — больше такси, меньше людей. Оставалось как-то убить время — ходить по улицам было рискованно.

Вечер провел в библиотеке. Копался в журнальных подшивках, перелистывал словари. Несколько книг попросил оставить за ним — «Оксфордский учебник» Хонби, томик Бернса и одну историческую — «Война с Ганнибалом» — о битве при Каннах.

Илья ушел перед самым закрытием читального зала, пешком через Большой Каменный мост подался в сторону метро «Новокузнецкая» от центра.

Ночь поражала особенной послепраздничной тишиной, почти полным отсутствием транспорта.

На Пятницкой, рядом с магазином «Меха», Илья неожиданно натолкнулся на группу женщин.

— Что-нибудь случилось?

Одна — со свернутой в трубку школьной тетрадкой — засмеялась, махнула рукой на витрину.

— Шубы стережем! Вашей жене не требуется?

— Записывайтесь, пока желающих мало!

А ведь, пожалуй, ей и в самом деле нужна шуба. Как он мог об этом забыть?! Теперь, когда на Рижском нельзя показаться!

— Пишите: Маевский.

— Шапки мужские тоже привезли.

— У меня есть, — Илья не покупал себе ничего, кроме самого необходимого, презирал мужиков, рассказывавших о своих плащах, костюмах — «здесь разрез, там пуговица, вверху пройма».

«Успеем, — считал Илья. — Сначала добиться главного!»

«Главное!» С детских лет привык к этому: учеба — главное, питание — главное, здоровье — главное. Остальное — второстепенное: игрушки, телевизор, собака, краски. Книги тоже главное, все книги, кроме сказок.

Так и рос: «Сначала перейди в седьмой класс — тогда можешь думать о развлечениях!», «Поступишь в техникум, станешь самостоятельным — делай как знаешь!», «Вот сдашь сессию...», «Вот получишь распределение...», «Женишься...»

Собственно, жизнь с ее мелкими будничными радостями все время отодвигалась на неопределенный срок. Всегда не хватало какого-то компонента, чтобы начать жить всерьез, полной грудью, по-настоящему, — за седьмым классом грозно вставал восьмой с его четырьмя сложными экзаменами, за одним днем рождения следовал другой — казалось, еще более значимый.

Сегодняшний день не имел веса, потому что был как бы ступенькой к завтрашнему — полному, яркому, праздничному. А завтрашний никак не приходил: все чего-то не хватало.

Незаметно и Илья внушал: «Вот закончим институт... Когда купим дачу... После того как переедем в Москву...»

Постоянное ожидание праздника давалось нелегко. Илья срывался на мелочах, по несколько дней не разговаривал с женой, не мог заставить себя сесть за учебники. У него уже вошло в привычку приезжать в Москву на сессию без подготовки, на авось.

Много раз это сходило ему с рук — его предупреждали, он давал «последнее» слово — жена ни о чем не знала. И вдруг как снег на голову два несданных зачета, приказ по институту, список отчисленных...

«Если Илья Маевский слабый тростник, пусть погибает, если он сильный человек, пусть пробивается сам!» В этот день судьба свела его с Капитаном.

Он снова вспомнил жену. Эмоционально она была полнее его. Когда Илья улыбался, она уже смеялась; когда он начинал смеяться — хохотала. Она плакала, когда Илья только хмурился.

«Господи! Что с ней будет, если меня поймают?!» — впервые вдруг с какой-то странной, качнувшейся в груди пустотой подумал Илья.

Одинокий прохожий прошел мимо, держа в каждой руке по бумажному пакету с картофелем. Один из них неожиданно порвался, картофелины, как шарики для пинг-понга, запрыгали по тротуару.

3 ЯНВАРЯ, 23 ЧАСА 40 МИНУТ

НАЧАЛЬНИКУ ШТАБА МОСКОВСКОГО УТМ. ОПЕРАЦИЯ «МАГИСТРАЛЬ»

ПРОИЗВЕДЕННЫМ ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКИМ ИССЛЕДОВАНИЕМ УСТАНОВЛЕНО, ЧТО ИЗЪЯТЫЕ В АВТОМАТИЧЕСКОЙ КАМЕРЕ ХРАНЕНИЯ В КАЧЕСТВЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ СЛЕДЫ ПАЛЬЦЕВ РУК ОСТАВЛЕНЫ ФИЛИНЫМ К. Ф. УГОЛОВНАЯ КЛИЧКА «КАПИТАН».

НАЧАЛЬНИК ОПЕРАТИВНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОТДЕЛА.

ВСЕМ

ОПЕРАЦИЯ «МАГИСТРАЛЬ»

ЗА РЯД КРАЖ, СОВЕРШЕННЫХ ИЗ АВТОМАТИЧЕСКИХ КАМЕР ХРАНЕНИЯ В ГГ. МОСКВЕ, БАКУ, КИЕВЕ, РАЗЫСКИВАЮТСЯ:

— ФИЛИН К. Ф., БЕЗ ОПРЕДЕЛЕННОГО МЕСТА ЖИТЕЛЬСТВА И ЗАНЯТИЙ, НЕОДНОКРАТНО СУДИМЫЙ...

— МАЕВСКИЙ И. А., УРОЖЕНЕЦ И ЖИТЕЛЬ ГОР. ЮРЮЗАНИ...

ПРИМИТЕ МЕРЫ РОЗЫСКА ПРЕСТУПНИКОВ.

ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА МОСКОВСКОГО УТМ

ХОЛОДИЛИН.

3 ЯНВАРЯ, 0 ЧАСОВ 30 МИНУТ

«Как это называется в книге, которую читает Сабодаш? Колокола судьбы? Любопытно, гремели ли эти самые колокола, когда заводской комитет комсомола рекомендовал в милицию именно меня? Наверное, гремели, но я не слышал».

Внутренним взором Денисов видит себя постовым на платформе в Валееве-Пассажирском. Медовые дачные сосны, усыпанные хвоей тропинки. Ночью вровень с платформой проплывают кабины машинистов, залитые серебристым светом, с вертящимися креслами, электроникой, мудреными приборами на панелях. Как будто идут в Гавану или на острова Зеленого Мыса...

Вначале казалось, работы на платформе немного — в основном отвечать на вопросы.

— Белостолбовская электричка по расписанию?

— А гридинская?

— Товарищ сержант, как вызвать врача на дачу?

За переездом играли в футбол пацаны. Денисов подходил к краю поля несколько раз за смену, ждал, когда мяч отлетит в его сторону. Денисов даже не оглядывался — приехал проверяющий или нет, — так хотелось ударить по мячу. Мяч в конце концов оказывался рядом, Денисов пробивал точно по воротам. Удару его завидовали.

— Повторите! — кричали пацаны.

Денисов повторял. Мяч звенел от удара. Играть Денисов начал еще до призыва, за завод, играл на Соловках, в учебном отряде, когда приходили в Лиинахамари.

— Давайте за нас! — предлагали игроки, но он уже жалел, что не сдержался, и уходил на пост.

Через несколько недель Денисов ходил по платформе не один, в сопровождении двух-трех футболистов.

— Хорошо несет службу новенький милиционер Денисов! У него авторитет перед молодежью, и пассажиры о нем отзываются положительно, — объявил как-то на разводе старший лейтенант, проверяющий, молодой человек с закрученными вверх усами, — вот скоро на сборы его отправим, тогда и вовсе а с о м вернется.

— В университет его, — подсказывал кто-то из заднего ряда. Подсказывавший словно в воду смотрел. Через год он поступил на юрфак.

Если невидимые колокола действительно гремят, предупреждая о глубоких отдаленных последствиях наших внешне совсем обычных, порою случайных шагов, то слышнее всего они, должно быть, грохотали осенью того же года, во время учебных сборов.

...Задача опергруппы, в которой оказался Денисов, была не сложной — полдня у всех на глазах честно вкалывать под видом топографов или геофизиков, потом усталым войти в дом и задержать стоявшего у окна ни о чем не подозревавшего вооруженного пистолетом преступника.

Денисов действительно вместе со всеми носил рейку, работал с лопатой, смеялся шуткам товарищей и был внезапно сражен одной фразой, которую старший группы кинул своему коллеге инспектору:

— Нас с р и с о в а л и.

Сегодня Денисов мог легко представить себе тот тяжелый неустойчивый, короткий взгляд, которым старший группы обменялся со следившим за ними из избы человеком, словно паролем, позволяющим в любой суতোлке, в самой многолюдной толпе сыщикам и преступникам узнавать друг друга. Но тогда Денисов не знал этого. Он растерялся.

Перед обедом старший инспектор послал его в дом — поставить на огонь картошку и усыпить бдительность постояльца. Дом был пустой, захламленный, с нарушенной электропроводкой. Хозяин-пенсционер попросил Денисова покопаться в пробках.

(«Бум! Бум!» — неслышно загремели колокола.)

Еще раньше, разговаривая с хозяином и постояльцем, Денисов нашел повреждение в проводке. Привычными, ловкими движениями он зачистил конец провода и бросил вниз, на спинку кровати, где у окна сидел преступник. Тот опасливо отодвинулся от шнура, ни на минуту не оставляя свой наблюдательный пост, не вынимая руки с пистолетом из кармана. Второй конец провода тоже упал на кровать, запутался в панцирной сетке. Денисов переставил лестницу и перешел к пробкам.

— Электрический ток — штука серьезная, — сказал он, внимательно оглядывая своих слушателей, — а научно говоря, перемещение электрических зарядов в телах или в вакууме. Про электрический стул слышали?

— Слышали?! — постоялец, не отрывая взгляда от окна, зябко передернул плечами. — Сразу на смерть или мучаешься?

«Да он же совсем-совсем темный в этом деле! — подумал Денисов. — Рассказать кому-нибудь, не поверят!»

(«Бум! Бум!..»)

— Не двигайтесь, — сказал Денисов, сам изумившись звучанию своего голоса, — а то поверну сейчас пробку и будет если не стул, так электрическая кровать! Зовите работников, отец!

Преступника задержали.

Последовавшие вслед за этим часы Денисов не любил вспоминать. Вместе со старшим группы и другим инспектором они зашли в кафе. Денисов подумал, что работники розыска хотят отметить успех, и даже волновался, оттого что сам, как удачливый дебютант, не предложил первый это сделать. Однако озабоченные лица офицеров отвергали мысль о празднестве и веселье.

— Ты подумал, что могло быть, если бы он застрелил тебя и ушел с оружием?! Что он мог еще натворить?! Ведь терять ему было бы нечего.

Изрядно надоевшее за время учебных сборов серое здание, куда его подвезли на машине, Денисов встретил с радостью, ему даже захотелось поскорее вернуться на платформу в Валево-Пассажи́рское к привычным обязанностям. Он уже принял эту успокоительную мысль, когда старший группы положил руку ему на плечо.

— А инспектор из тебя должен получиться толковый. Есть и решительность и, главное, фантазия. Пока это у тебя не от знаний, а... от бога. Нужно, чтобы и от знаний и от опыта.

День этот определил его дальнейшую судьбу.

Ночь нельзя было назвать ни глухой, ни длинной — обычная ночь города. За магазином тлели остатки костра. Тонкий аромат апельсинов доносился из овощного отдела. Где-то на верхних этажах дома повизгивала собака.

Подъезд, за которым наблюдали Денисов и Колыхалова, находился против детской площадки. По другую сторону, за небольшой оградой, виднелись освещенные витрины парикмахерской. Кира и Денисов гуляли по двору, сквозь стекла витрины рассматривали интерьер.

— Что это за порода собак — эрдельтерьеры? — спросил Денисов. — Не знаешь?

— Как тебе сказать? — Кира знала решительно все. — Предположим, нужно встретить какого-то человека, а ты занят. Овчарку не пошлешь, если она этому не обучена. А эрделя... Ты берешь его морду двумя руками, смотришь в глаза и медленно говоришь: «Милый, автобус сто шестьдесят второй, у остановки, в двадцать сорок».

Денисов засмеялся.

Еще до полуночи появилась опергруппа, поставила машины наискосок у соседнего дома — одну и рядом другую. Старший группы подошел к Колыхаловой прикурить, они обо всем договорились.

Время шло — Маевского не было.

В половине второго Денисов с Кирой ушли в подъезд, к окну над батареей — излюбленному месту ночных пар: дольше оставаться во дворе становилось подозрительным.

В тепле Денисов быстро задремал, уткнувшись в воротник куртки. Его разбудили тихие шаги по лестнице. Денисов ре-

шил, что это один из работников опергруппы, которым строго запрещено входить в подъезд.

— Кажется, нас меняют...

— Может, не нас, а только тебя? — усмехнулась Колыхалова.

— Может: я третью ночь на ногах, — оглянувшись, он вдруг увидел, что человек на лестнице — вовсе не работник опергруппы — стоит у перил и смотрит на них. — Что скажете? — Денисов сразу узнал его — по описанию Порываева и женщины с усиками а-ля Кольбер.

— Пора иметь свой дом, а не стоять на лестницах! — Маевский словно тоже что-то почувствовал. — Спички, надеюсь, у вас найдутся?

Кира щелкнула зажигалкой, одновременно подала сигнал опергруппе.

— Благодарю, — Маевский поднялся на пятый этаж, открыл ключом дверь.

Денисов взглянул в окно, внизу у подъезда Маевского ждало такси. Тогда он расстегнул куртку, чтобы можно было достать висевший под мышкой пистолет.

Быстро потекли секунды.

Наконец первая оперативная машина подошла к подъезду, кто-то из инспекторов пересел в такси, и оно отъехало за угол. Оперативная машина заняла место перед крыльцом.

На пятом этаже щелкнул замок, слышались приглушенные голоса, звуки передвигаемых чемоданов.

— Он мне сказал, что друг вашей семьи, кроме того, я узнала пальто, — хозяйка квартиры старалась говорить тише, но голос ее разносился по лестнице, — кто мог предполагать, что он унесет записную книжку...

— Теперь это неважно. Значит, договорились: я уезжаю временно.

Маевский нес два больших неудобных чемодана, они то задевали перила, то ударяли его по ногам.

— Пойдем и мы, — пропустив Маевского вперед, негромко сказала Кира, — завтра с утра на работу.

Они пошли следом. С этой минуты их роль в операции менялась: в случае, если Маевскому удастся выскочить из засады, устроенной на крыльце, Денисов и Колыхалова должны будут отрезать ему путь вверх, на чердак.

Внизу хлопнула входная дверь — Денисов бегом устремился вниз. Дверь хлопнула вторично. Видимо, Маевскому удалось вырваться из рук инспекторов и броситься в подъезд.

— Руки! — услышал Денисов внизу, у дверей. Раздался негромкий лязг щелкнувших замков.

Маевский и старший опергруппы, надевший на него наручники, быстро сели в машину. Кира заняла место рядом с шофером, Денисов — по другую сторону задержанного.

Разом хлопнули дверцы, один из оставшихся для обыска инспекторов махнул рукой. Машина рванулась с места.

3 ЯНВАРЯ, 2 ЧАСА 10 МИНУТ

ВСЕМ. ОПЕРАЦИЯ «МАГИСТРАЛЬ»
РОЗЫСК МАЕВСКОГО И. А. ПРЕКРАТИТЬ В СВЯЗИ
С ЕГО ЗАДЕРЖАНИЕМ. ХОЛОДИЛИН.

3 ЯНВАРЯ, 3 ЧАСА 20 МИНУТ

Пронзительный звонок разбудил Денисова. Не поднимаясь из кресла, он попытался достать трубку, но выронил — трубка с шумом ударила в настольное стекло.

— Слушаю, Денисов, — он был уверен, что кто-то случайно набрал не тот номер.

Звонил Сабодаш.

— Ты когда домой уезжаешь? В четыре двенадцать? Понимаешь, — в голосе его слышалась неуверенность, — Маевский просится из КПЗ, говорит, что хочет сделать важное сообщение. Пожалуй, лучше тебе с ним. А? Все-таки, как говорится, сыграл первую скрипку. Уот.

Денисов пошевелился. Затекие ноги повиновались с трудом.

— Я поговорю.

— Возьми его в кабинет начальника отдела, Денис. Там все материалы. Учти еще: скоро Холодилин приедет. Хочет сам допросить.

Ожидая, пока Маевского выведут из камеры, Денисов вы-

нул из кармана маленькую книжку, из тех, какие обычно носил с собой, и стал перелистывать. Чтение не захватывало. Неожиданно он понял: что-то из прочитанного мешает сосредоточиться. Денисов перевернул страницу назад, нашел: собаке, обнаружившей кубок Жюль Ремо, ежедневно добавляют к рациону черную икру.

— Маевский! — провозгласил помощник дежурного по КПЗ, выводя задержанного.

Денисов представился:

— Младший лейтенант Денисов — инспектор уголовного розыска.

На столе начальника отдела лежали подобранные к приезду Холодилина документы — ответы на телеграммы, справки, меморандум ночного разговора с начальником уголовного розыска Юрюзани. В углу были сложены вещи задержанного. Отдельно, под сургучом, содержался пакет с деньгами. Денег оказалось совсем немного.

Маевский выглядел энергичным. Ему еще не пришлось побыть под замком: фотографировали, снимали отпечатки пальцев, заполняли многочисленные протоколы. Сержант, занимавшийся с ним, парень с юморком, каждый раз повторял: «Эх, елки пушистые!»

— И двери не открываются с жалобным стоном, и никаких темных комнат... — сказал Маевский, войдя в кабинет впереди Денисова, — и нет комиссара Мегрэ.

— Обходимся.

— Понимаю. Можно сесть?

— Прошу. Слушаю вас.

Денисов сел за приставной столик, Маевского посадил напротив. Кресло начальника отдела оставил незанятым — на случай, если приедет Холодилин.

— Мне необходимо поговорить с кем-нибудь из руководящих работников министерства: есть важное сообщение, — Маевский хотел поправить галстук, но вспомнил, что его отобрали при обыске, поэтому только провел рукой по воротничку, — вы в состоянии организовать такую встречу?

— Самостоятельно вопросы не решаю.

— Речь пойдет об автокамерах. Мое сообщение перевернет в корне все, что вы знаете об этих автоматах. Конструкторы получают новый аспект для изысканий, вы же сможете перестроить весь комплекс профилактики. Видите, я и не думаю запыраться...

— С вами будет разговаривать заместитель начальника управления.

— Очень хорошо... — Илья попытался улыбнуться. — Понимаю, что кажусь вам обычным уголовником. Но это факт — за свою жизнь я ни у кого не взял и копейки без спроса до того, как стал открывать ячейки, — он избегал слова «воровать».

Слушая, Денисов просматривал прибывшие из Юрюзани материалы.

«Маевский И. А. жил неподалеку и в любой момент дня и ночи был готов помочь школе. Нравственно устойчив, хороший семьянин, общественник. Когда его просили, вставлял разбитые стекла в окнах, ремонтировал забор, помогал в зооуголке...»

Встречалось и другое:

«Средняя школа № 93. Отстранен от преподавания черчения в связи с грубым нарушением трудовой дисциплины...»

«Дорогой радиослушатель! Благодарим Вас за Ваше письмо, которое Вы передали жюри конкурса. Как только будут известны результаты конкурса, мы сообщим о них в наших передачах. С совершенным почтением Русский отдел «Би-Би-Си».

— ...Я не собирался постоянно воровать, — наконец он произнес слово, которое ему никак не давалось, — я разрешил себе стать нечестным на время. Как-то на вокзале в Риге я увидел слепую девушку — ее никто не встретил. У нее был тяжелый чемодан. Я взял такси и отвез ее домой. Как это в вашем представлении о преступнике?

Во всех этих противоречивых данных было трудно сразу разобраться. Конечно, думал Денисов, преступника легче распознать, если он кровожаден, подл, обладает одними лишь патологическими извращениями, звериными инстинктами. Труднее представить себе преступником человека, который любит животных, помогает слабым, не представляет себе близости с женщиной без любви...

Денисов решил прибегнуть к приему, который называл для себя «испытание потерпевшим». Человек с совестью, опустившийся случайно, страдает, когда ему напоминают о его жертвах.

— Как по-вашему? Если бы потерпевшие действовали согласно инструкции по эксплуатации камер хранения...

Маевский не дал ему договорить.

— Ничего бы не было! — он снова поправил воротничок, будто его давило. — Если бы не эти раззявы! — потерпевших он считал ответственными за совершенные преступления в еще большей степени, чем себя самого. — Не можешь пользоваться автоматами, сдавай вещи в обычную камеру хранения ручной клади...

Денисов задал еще несколько вопросов: «испытание соучастником», «испытание корыстью...» Только о семье решил не спрашивать — чего уж тут спрашивать?! И так ясно.

Капитана Илья выгораживать не собирался. За деньги был намерен бороться.

— Я и сам не знаю, куда потратил: часть прокутил, часть у меня на вокзале украли. Но я внесу всю сумму, не беспокойтесь, займу и внесу... — Денисов почувствовал фальшь, но промолчал. — Во мне ничего не изменилось — я такой же, каким был до этих проклятых краж...

Встретясь они в других условиях, Денисов, пожалуй, мог и вправду принять его за случайно сбившегося с пути бессребреника. Недаром в одной из бумаг на столе цитировались слова молодой учительницы из Юрюзани: «Мне кажется, люди, подобные Илье Александровичу, редкие. Нам, прибывшим на работу, он оказывал чисто товарищеское бескорыстное внимание...»

Появился сержант из конвойного взвода. Денисову осталось задать последний чисто профессиональный вопрос:

— Вы воровали в основном на этом вокзале. Почему?

— Здесь много ячеек первого выпуска... Я, в свою очередь, тоже хочу вас спросить. Разрешите?

Денисов понял, о чем пойдет речь, и опыт ему подсказал, что ответ на свой вопрос Маевский пока получить не должен.

— ...Вы ведь и сейчас не можете догадаться, как я открывал ячейки?! — Маевский вышел из-за стола. — Пассажир набрал шифр, рядом никого не было — и вдруг?! Удивительно? Так вот, если начальство гарантирует мне свободу, я открою секрет...

Денисов не ответил.

— Ну, елки пушистые, ладно, — подождав, грубовато сказал конвоир, — мы с вами не курить остановились. Показывайте карманы, идти надо!

3 ЯНВАРЯ, 6 ЧАСОВ 40 МИНУТ

За все это время Денисов ни разу не вспомнил о доме, и вот он возвращается домой. На станции Булатниково он оставляет полупустой вагон электрички, здороваётся со знакомым милиционером на платформе и длинной улицей идет к дому.

Дом появляется издалека, и, если все время смотреть на окна верхнего этажа, кажется, что он не приближается, а вырастает на твоих глазах.

На улицах много людей, хотя еще темно. Прохожие идут навстречу Денисову, к станции, и только он один идет домой.

Он не спешит, все пережитое живо в нем. Протокол допроса Маевского подошьют в дело вместе с другими документами, лист к листу, в хронологическом порядке.

По материалам уголовного дела всегда трудно представить, как раскрыто преступление, кем. Так будет и в этом деле — за протоколом допроса Порываева неожиданно появится постановление о задержании Маевского. Имя Денисова нигде не будет упомянуто, не останется ни строчки о том, как разгадана тайна шифра. И Денисов сам забудет об этом.

Останется главное: преступления раскрыты. Они раскрыты по закону. Зло обнаружено, справедливости не нанесен ущерб.

ВСЕМ. ОПЕРАЦИЯ «МАГИСТРАЛЬ»

ПРИ ПОПЫТКЕ ВСКРЫТЬ ЯЧЕЙКУ-ЛОВУШКУ В АВТОМАТИЧЕСКОЙ КАМЕРЕ ХРАНЕНИЯ НА СТАНЦИИ КИЕВ-ПАССАЖИРСКИЙ-ГЛАВНЫЙ БЫЛ ОБНАРУЖЕН И ВЗЯТ ПОД НАБЛЮДЕНИЕ РАЗЫСКИВАЕМЫЙ ФИЛИН К. Ф. («КАПИТАН»).

БУДУЧИ В СОСТОЯНИИ АЛКОГОЛЬНОГО ОПЬЯНЕНИЯ; ФИЛИН ПОПЫТАЛСЯ СКРЫТЬСЯ НА ТЕРРИТОРИИ СТАНЦИИ И БЫЛ СМЕРТЕЛЬНО ТРАВМИРОВАН МАНЕВРОВЫМ ТЕПЛОВОЗОМ...

НАЧАЛЬНИКУ МОСКОВСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ТРАНСПОРТНОЙ МИЛИЦИИ

ЗА БДИТЕЛЬНОСТЬ, ПРОЯВЛЕННУЮ ВО ВРЕМЯ НЕСЕНИЯ ДЕЖУРСТВА, ПРОШУ ПРЕДСТАВИТЬ К НАГРАЖДЕ-

НИЮ ЦЕННЫМ ПОДАРКОМ ДЕЖУРНОГО ПО АВТОМАТИЧЕСКОЙ КАМЕРЕ ХРАНЕНИЯ ПОРЫВАЕВА БОРИСА ИВАНОВИЧА.

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА МИЛИЦИИ.

НАЧАЛЬНИКУ УПРАВЛЕНИЯ ТРАНСПОРТНОЙ МИЛИЦИИ
МВД СССР

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ, НАПРАВЛЕННОЕ В ПОРЯДКЕ
СТ. 140 УПК РСФСР ОБ УСТРАНЕНИИ УСЛОВИЙ, СПОСОБСТВОВАВШИХ СОВЕРШЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ОБСУЖДЕНО НА ТЕХНИЧЕСКОМ СОВЕЩАНИИ ЗАВОДА С ШИРОКИМ ПРИВЛЕЧЕНИЕМ ЗАВОДСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ И ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ТРАНСПОРТНОЙ МИЛИЦИИ.

В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ НАМИ ВНЕДРЕНЫ В ПРОИЗВОДСТВО РАЗРАБОТАННЫЕ РАНЕЕ КОНСТРУКТИВНЫЕ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ, ПОЛНОСТЬЮ ИСКЛЮЧАЮЩИЕ ВОЗМОЖНОСТЬ ПОДБОРА ШИФРА В АВТОМАТИЧЕСКИХ КАМЕРАХ ХРАНЕНИЯ. ЗАКАНЧИВАЮТСЯ РАБОТЫ ПО ПЕРЕВОДУ ОСТАВШИХСЯ СЕКЦИЙ ПЕРВОГО ВЫПУСКА НА НОВЫЙ ВИД ШИФРАТОРОВ.

С УВАЖЕНИЕМ.

ДИРЕКТОР ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКОГО ЗАВОДА.

08/1385

ВСЕМ. ОПЕРАЦИЯ «МАГИСТРАЛЬ»

В СВЯЗИ С ВЫПОЛНЕНИЕМ КОМПЛЕКСА ЗАДАЧ, СВЯЗАННЫХ С РАСКРЫТИЕМ КРАЖ ИЗ АВТОМАТИЧЕСКИХ КАМЕР ХРАНЕНИЯ, ОПЕРАЦИЮ СЧИТАТЬ ЗАВЕРШЕННОЙ.

УПРАВЛЕНИЕ ТРАНСПОРТНОЙ МИЛИЦИИ МВД СССР.

СЕКРЕТ

«ЛОЛИТЫ»

Приключенческая повесть

Давненько мы что-то не испытывали никаких приключений, — сказал мне Волошин. — Вы не находите, Николаевич? Жизнь становится пресной и скучной.

Я не хочу показаться суеверным, но, честное слово, иногда мне кажется, будто Сергей Сергеевич наделен чудесным даром накликать удивительные события... Так произошло и теперь, хотя в тот момент, когда Волошин произносил эти слова, решительно ничего вокруг не предвещало никаких приключений.

Мы с ним стояли на полубаке и любовались, как острый форштевень нашего «Богатыря» вспарывает голубовато-зеленую воду, и она оживает, вскипает, вздымается белоснежной пеной.

Этим можно любоваться часами. Так же как стоять на корме и провожать взглядом убегающие вдаль, к горизонту, пенистые, постепенно успокаивающиеся валы, наконец растворявшиеся в безбрежном океанском просторе. За таким занятием нередко я заставлял даже капитана Аркадия Платоновича. Поставив одну ногу на перекладину леерной стойки, облокотившись на колено и подперев подбородок рукой, он мог стоять долго, погруженный в какие-то думы, известные лишь ему.

Где-то за краем неба остались остров Пасхи, Маркизские острова, воспетые Мелвиллом, остров Питкэрн, где основали знаменитую колонию мятежники с «Баунти». Так же останутся за горизонтом острова Общества с их прославленной жемчужиной — Таити. А мы идем мимо, деловым и строго размеренным курсом.

Наш «Богатырь» — настоящий плавучий институт с двадцатью шестью лабораториями. У нас есть собственный вычислительный центр с новейшей ЭВМ, три вертолета и даже маленький дирижабль, в сложенном виде хранящийся в трюме. Есть мезоскаф, способный погружаться на глубину до кило-

метра и брать со дна пробы грунта стальными клешнями. Есть великое множество всяких хитроумных приборов. Они позволяют ученым сорока с лишним специальностей изучать одновременно и глубины океана, и волны на его поверхности, и течения, и все, что творится в атмосфере на высоте до нескольких десятков километров, куда, если надо, взлетят ракеты, запущенные со специальной площадки.

Мы заняты наукой и потому плывем в пустыне, в стороне от проторенных морских путей. Плывем, делая остановки на так называемых океанографических станциях — здесь «Богатырь» ложится в дрейф или встает на плавучие якоря, и ученые отправляют в глубины океана приборы, или запускают в небо метеорологические ракеты, или со шлюпок, отплывающих от судна на различные расстояния, бросают в воду особые глубинные бомбы, чтобы по распространению звука от их взрывов, как бы с помощью искусственного землетрясения в миниатюре, больше узнать о строении океанского дна.

Потом вновь длинные дни размеренного плавания в пустынном океане.

Ученым, конечно, скучать не приходилось. Каждая станция приносила столько материалов, что обработка их занимала все время до позднего вечера. К обеду и ужину в кают-компанию, похожую на зал ресторана, ученые выходили с отрешенными лицами, настолько погруженные в свои мысли, что подавальщицам Настеньке и Люде приходилось по несколько раз переспрашивать:

— Вам котлеты или шашлык, Иван Андреевич?

— Куда же вы, Геннадий Петрович? А второе не кушали.

Только вечером, когда поднималась над океаном огромная, какая-то первозданная луна и звезды усыпали небо, повеявшая прохлада выманивала всех на палубу, и ученые мужи снова становились обычными людьми. Смотрели в десятый раз одни и те же фильмы. А часто просто бренчали на гитарах, тихонько напевали всякие романтические баллады собственного сочинения. Или заводили бесконечные разговоры, торжественно именовавшиеся «Клубом рассказчиков».

Конечно же, и Сергею Сергеевичу Волошину было вовсе не скучно колдовать целыми днями в своей лаборатории новой техники. Да и вечера у него все заняты, поскольку именно Волошин являлся почетным председателем и главным повествователем «Клуба рассказчиков». Однако такой уж характер у Сергея Сергеевича, что всего этого ему было мало и душа его ненасытно жаждала приключений.

Так что его фраза о том, что «давненько мы не испытывали никаких приключений», вполне могла послужить призывным сигналом...

Засмеявшись, я повернулся к Волошину, чтобы сказать ему об этом, но не успел, с удивлением вдруг увидев, что Сергей Сергеевич, забыв обо всем, так и впился глазами в окуляры своего превосходного бинокля, которым весьма гордился.

В том, что человек, плывущий по Тихому океану, смотрит в бинокль, не было, разумеется, ничего удивительного. Удивило меня, куда именно направил бинокль Сергей Сергеевич: на

ходовую рубку. Правда, на «Богатыре» это сооружение довольно величественное, высотой с девятиэтажный дом, а то и побольше. Но все-таки не Монблан, на вершину которого стоило бы наводить сильный морской бинокль, чтобы рассмотреть, что там происходит.

Между тем Сергей Сергеевич озадаченно хмыкнул и быстро перевел взгляд туда, где океан незаметно переходил в небесный свод. Не отрывая глаз от бинокля, он недоуменно пожал плечами и опять начал рассматривать ходовую рубку.

— Странно, почему они засуетились? — пробормотал он.

— Кто? — спросил я.

— Да там, на мостике. Что-то увидели на горизонте со своей верхотуры, а мне отсюда не видно.

Я взял у него бинокль и посмотрел, что происходит на мостике. Капитан и вахтенный секонд, как зовут на морском жаргоне второго штурмана, мой хороший приятель Володя Кушнеренко, были чем-то встревожены. Капитан смотрел в бинокль куда-то правее нашего курса. У Володи тоже в руках был бинокль. Секонд что-то объяснял капитану, беззвучно шевеля губами в окулярах моего бинокля, как на экране немого кино.

Я посмотрел в бинокль туда же, куда глядел с таким вниманием капитан, — и тоже ничего не увидел, как и Волошин.

Он зашагал по палубе. Я поспешил за ним.

В общем-то «посторонним» — а таким Аркадий Платонович считал всех, кроме вахтенных, — на мостике появляться запрещалось. Наш капитан, проплававший по всем морям и океанам почти полвека, был человеком прекрасной души, деликатным, отзывчивым, добрым, а на вид даже весьма добродушным — полный, круглолицый, лысый, с ленивой походочкой вразвалку. Но ни малейших отступлений от морской дисциплины он не терпел и порядочек на «Богатыре» держал крепко — «как на крейсере», по лаконичному, но выразительному определению Володи Кушнеренко, в недавнем прошлом военного моряка.

Правда, нам с Волошиным постепенно удалось Аркадия Платоновича «приручить» и добиться для себя некоторого послабления, чтобы иногда заглядывать на мостик: Волошину — как начальнику одной из важнейших лабораторий, мне — как представителю прессы. Ее наш бесстрашный капитан все-таки в глубине души, видимо, побаивается (подозреваю, что какой-то журналист доставил ему однажды хлопот, так что он зарекся связываться с нашим братом...).

Вошли мы в ходовую рубку тихонечко, стараясь держаться совсем незаметно. Но нас поначалу и так никто не заметил. Рулевой, окаменев в присутствии капитана, не отрывал глаз от компаса. А капитан и вахтенный штурман наблюдали за чем-то, что нам не удалось рассмотреть с палубы.

— Или они все перепились там и спят, или черт его знает что, — с непривычной неуверенностью в голосе проговорил капитан, не отрываясь от бинокля.

— Да, идут пунктиром, словно пьяные, — озабоченно подтвердил штурман. — И ведь не в дрейфе лежат, Аркадий Платонович, идут под парусом.

— Непонятно, — пробурчал капитан.

— Там вроде второе судно, Аркадий Платонович, — добавил Секонд. — Видите, чуть подальше и правее градуса на три.

— Где? Это в глазах у тебя двоится. Хотя верно. Нет, но оно подальше мили на три и уходит, идет курсом сто двадцать. На вызов все не отвечают? — спросил капитан, опуская на миг бинокль и мельком скользнув по нашим лицам озабоченным и сразу еще больше помрачневшим взглядом.

Секонд взял телефонную трубку, спросил:

— Рация? Не удалось связаться? — послушал и, положив трубку, доложил: — Нет, Аркадий Платонович, не отвечают. Да у них вряд ли и рация есть на борту. Я эти суденышки знаю. Вроде шхуна, только что у них с парусами творится, вы посмотрите, Аркадий Платонович. Поставлен лишь один грот, даже грот-топсель не поднят, а передняя мачта вовсе голая.

Капитан ничего не ответил.

— Что случилось, Володя? — тихонько спросил я штурмана.

— Суденышко какое-то болтается. Идет под парусом, словно пьяное, такие вензеля выписывает, — так же тихо ответил он.

— Пятнадцать градусов право, — негромко и властно скомандовал капитан.

— Есть пятнадцать градусов право! — повторил рулевой, нажимая кнопки на пульте управления.

На таких больших современных судах, как «Богатырь», традиционных штурвалов давно нет и в помине. Их заменяют рулевые колонки с рычажками и кнопками.

Секонд тут же, глянув на большие часы, висевшие на переборке, сделал пометку в судовом журнале об изменении курса. Володя у нас аккуратист, сказывается военная выучка.

— Подойдем, Аркадий Платонович? — спросил штурман.

— Придется.

Я осторожно потянул Волошина за рукав и, когда Сергей Сергеевич оторвался от бинокля и вопросительно посмотрел на меня, кивком показал ему на дверь рубки, а потом глазами на озабоченного капитана. Волошин понимающе кивнул, и мы с ним покинули рубку, не дожидаясь, пока нас выставят.

— Что там такое, Сергей Сергеевич? — спросил я, когда мы вышли на палубу. — Дайте глянуть.

Он дал мне бинокль, и я увидел небольшое двухмачтовое суденышко. На корме его крупными белыми буквами было выведено название: «Лолита». Парус был поднят только на задней мачте. Ветер надувал его, и суденышко плыло довольно быстро, судя по белым усам вспененной воды у форштевня. И в то же время двигалось оно как-то неуверенно. Порой слишком глубоко зарывалось носом в набегавшие волны и тревожно дергалось из стороны в сторону.

На палубе загадочного суденышка я не обнаружил ни одного человека, хотя осмотрел ее в бинокль внимательно, метр за метром, от носа до кормы.

Что-то пробормотав, Волошин направился обратно к рубке.

— Замолвите и за меня словечко, Сергей Сергеевич! — крикнул я, догадавшись, куда и зачем он пошел.

И вот мы, замедлив ход, плывем неподалеку от странного судна. Ближе подходить опасно, оно ведь не управляется и, не ровен час, еще врежется в наш борт.

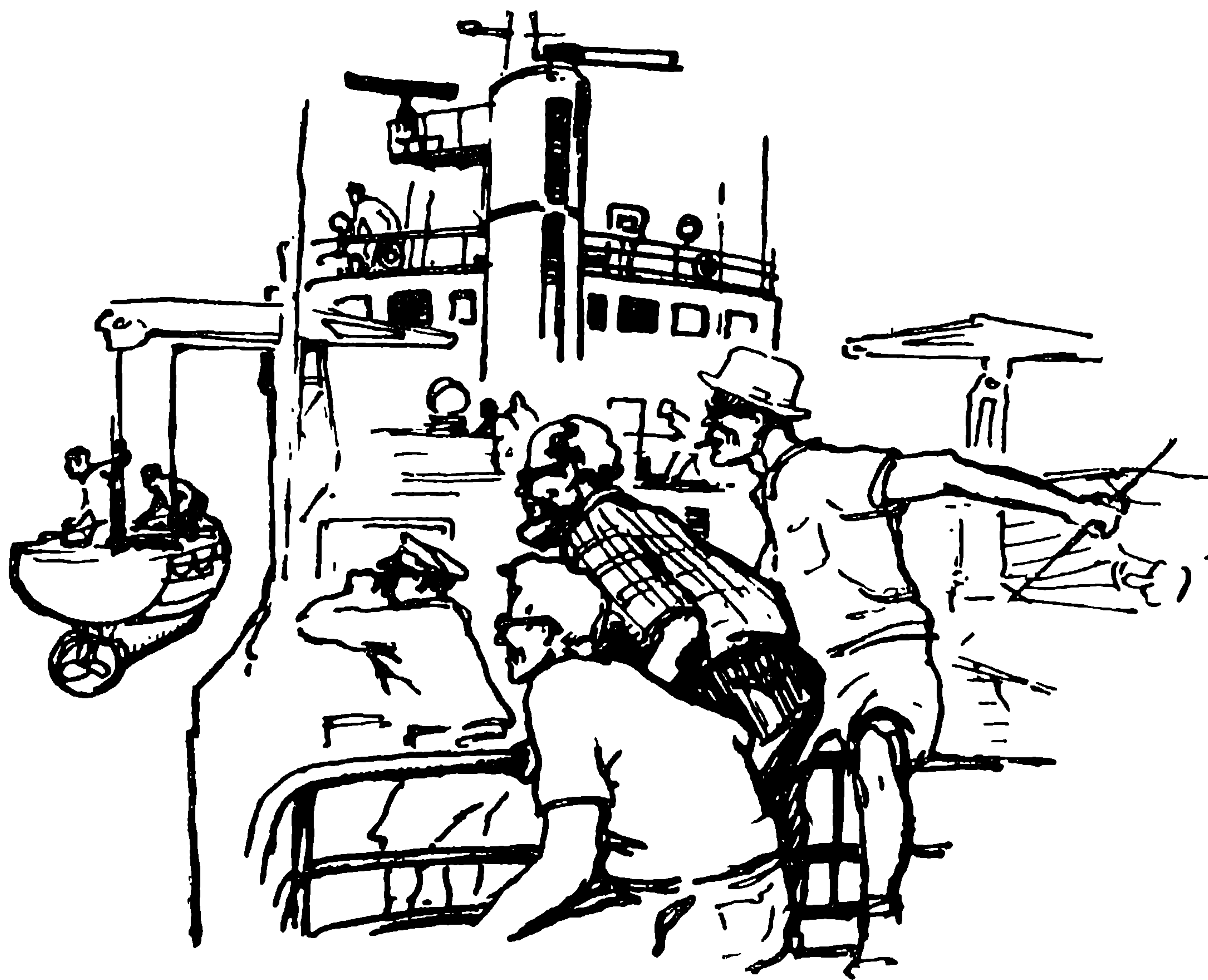
Хотя мы уже несколько раз давали тревожные, басовитые гудки, только вроде бы донесся какой-то визг, а потом словно петушиный крик.

Шхуна была явно покинута экипажем. Но почему же она резво продолжала бежать по волнам? И, судя по неглубокой осадке (об этом говорили вокруг меня опытные моряки), вряд ли она повреждена, имеет пробоину. В ее трюмы не набралось воды.

Почему же команда оставила шхуну, даже не спустив парус?
— Готовят шлюпку, ребята...

Услышав это, я поспешил протолкаться туда, где матросы под руководством боцмана Петровича, коренастого крепыша с роскошными усами, которыми он весьма гордился, деловито укладывали в шлюпку, освобожденную от брезентового чехла, всякое снаряжение. За этим наблюдали Волошин и Володя Кушнеренко. Видимо, секунду поручили возглавить обследование загадочной шхуны. А я?!

— Что же вы мешкаете, Николаевич? — подмигнув, весьма строгим тоном сказал мне Волошин. — Тащите скорее ваш звуковой блокнот — и в шлюпку. Приказано взять вас в качестве секретаря, чтобы все подробненько описать, ничего не упустить.

Рисунки П. ПАВЛИНОВА

Через минуту, вооружившись магнитофоном, блокнотами, прихватив фотоаппарат, я вернулся на палубу.

Шлюпка мягко уже раскачивалась на волне. Мы один за другим спустились в нее по трапу.

Осторожно, чтобы она не стукнула нас, мы подошли к борту покинутой шхуны. Фальшборт* был совсем низким, через него ничего не стоило перелезть.

Два матроса ловко подтянулись на руках и взобрались на палубу. Им бросили швартовые концы. Они закрепили их, подали нам руки, и мы один за другим влезли на борт шхуны.

— Только ничего не трогать и вообще зря не разгуливать! — подняв руку, приказал Волошин.

Некоторое время мы стояли молча, с любопытством озираясь вокруг.

Шхуна была небольшая — чуть меньше двадцати метров в длину по ватерлинии, как потом точно измерили матросы. На корме возвышалась небольшая надстройка, больше похожая на запущенный дачный сарайчик, чем на рубку.

Палуба грязная, давно не мытая, вся в каких-то подозрительных пятнах. Некоторые из них мне показались засохшей кровью — или это уже разыгралось воображение? Впрочем, как потом выяснилось, такое же впечатление от этих пятен возникло решительно у каждого из нас.

— Да, давненько ее не драили, — покачал головой боцман.

* Ф а л ь ш б о р т — продолжение борта судна выше палубы, служащее ограждением.

Метрах в трех от того места, где мы стояли, у штирборта* валялся на палубе топор со щербатым зазубренным лезвием. Его тоже местами покрывала весьма подозрительная рыжая ржавчина.

А на баке** стоял на палубе фонарь с закопченным стеклом. Возле него лежали растянутый, словно на нем только что играли, аккордеон, гитара с грязным, когда-то алым бантом, сплошь оклеенная фотографиями призывно улыбающихся полуголых красоток, и четыремя кучками были разложены растрепанные и засаленные карты — одни аккуратной стопкой, другие небрежно, веером.

Но вдруг, заставив нас всех вздрогнуть и оглянуться, загремел, словно с неба, усиленный мегафоном голос капитана:

— Штурман! Вы что, заснули? Долго будете стоять как лунатики? Опускайте парус и положите ее в дрейф. И возвращайтесь поскорей, не тяните волюнку. Нам ждать некогда.

— Боцман, — спохватился секунд, — спускайте парус. Кого-нибудь поставьте на руль, чтобы шхуна не рыскала.

— Есть спустить парус! — ответил боцман.

Волошин остановил его:

— Подождите, товарищи. Надо сначала все сфотографировать и подробно записать. Пригодится для следствия.

Я стал фотографировать мачты и парус с разных точек, причем мы обнаружили на носу шхуны клетку, в которой томились изголодавшиеся три курицы, петух с поникшим гребнем и жалобно повизгивавшая свинья, у которой ребра выпирали из-под кожи.

Я подставил секунду микрофон магнитофона, и он деловито начал перечислять:

— Значит, так. Шлюпка отсутствует. Поставлен один грот. Парус старый, латаный, местами изодран в клочья...

Закончив осмотр, секунд приказал спустить парус. Один из матросов пошел на шканцы и вдруг кринул:

— Владимир Васильевич, смотрите, что я нашел!

Мы все бросилсь к нему.

И увидели валяющийся на палубе возле рубки то ли большой кинжал, то ли маленький меч с изогнутым лезвием.

— Малайский кинжал — крис, — сказал всезнающий Волошин. — Не трогайте его.

Я сфотографировал лежавший на грязной палубе кинжал, а Сергей Сергеевич достал из кармана резиновые лабораторные перчатки, которые, оказывается, предусмотрительно захватил, натянул их на руки и, присев на корточки, тщательно обвел кинжал мелом, чтобы обозначить место, где именно он лежал.

Потом мы прошли на шканцы. Этот пост управления, где находятся компас и рулевой штурвал, оказался просто невысоким помостом между рубкой и столом, за которым, видимо, все обедали прямо на палубе.

* Штирборт — правый борт.

** Баком на парусных судах называют все пространство верхней палубы от форштевня до передней мачты.

Штурвал не был закреплен и свободно крутился во все стороны, словно им управлял человек-невидимка.

Мы переглянулись. Один из матросов по знаку секунда встал к штурвалу, чтобы шхуна не рыскала.

— Как они тут вахту стоят? Неудобно, — пожаловался матрос. — Стоишь, словно в щели.

Штурвал в самом деле помещался в узеньком закутке между стенкой рубки и столом. Столешницу, словно лак, покрывал жирный след многочисленных трапез и попоек.

Тут же, возле стола, в большом жестяном ящике с песком, черном от копоти и сажи, стоял примус. Ящик служил, видимо, камбузом, где кок готовил пищу. Рядом стоял открытый ящик с мясными консервами. Банок в нем оставалось еще немало. Почему их не захватили матросы, покидая судно? Или слишком спешили?

Мы осмотрели оба трюма — носовой, побольше, доверху набитый мешками с вонючей копрой*, и маленький на корме. В него вел люк возле самой рубки, похожей на курятник. И крышка этого люка была почему-то не закрыта, как полагается, а сдвинута в сторону.

В кормовом люке оказалось несколько мешков с зелеными кофейными зернами и три бочонка. В них находился спирт, о чем нетрудно было догадаться по густому аромату, исходившему от одного из бочонков, частично уже опорожненному и плохо закрытому.

Потом осмотрели рубку. Открыли фанерную дверь (в ней зияла большая круглая дырка) и вошли в узкий коридорчик. По обеим сторонам его располагались крошечные каютки.

Мы заглянули в первую открытую дверь.

— Ну и вонища тут, — пробормотал секунд. — И темно, как в погребе.

Вдруг в дальнем углу каюты кто-то неприятным, скрипучим, раздраженным голосом выкрикнул что-то на незнакомом языке.

— Кто вы? Где вы? — спросил по-французски штурман, направляя в угол луч фонарика.

Там никого не было. На полу темнела кучка какого-то тряпья.

Тот же голос снова выкрикнул ту же, похоже, фразу на неведомом языке.

Володя повел лучом фонарика повыше, и мы увидели висящую под потолком каюты клетку, а в ней большого попугая с кривым клювом. Его пестрое оперение переливалось в луче фонарика всеми цветами радуги. Попугай, склонив набок голову, с интересом рассматривал нас. Свет фонарика отражался в его глазах, они мерцали, словно два кровавых рубина.

— Фу, черт, напугал, — пробормотал секунд, сдвигая на затылок фуражку. — Дурак ты, попка. А ну скажи: «Попка, дурак!»

Но попугай отвечать не стал, надменно взмахнул крыльями и начал раскачиваться на жердочке.

Мы отодвинули грязную занавеску, закрывавшую иллюминатор, и начали осматривать каюту.

* К о п р а — сушеная мякоть кокосового ореха. Служит сырьем для парфюмерии и производства технических масел.

— Похоже, капитанская, — сказал секунд.

Каюта была тесная, чуть попросторнее хорошего платяного шкафа. Узенькая незаправленная койка с грязным, скомканным бельем. Такое впечатление, будто человек с нее только что вскочил и в панике убежал.

Маленький столик весь заставлен: початая бутылка рома, пустой стакан, алюминиевая помятая кружка с засохшими остатками недопитого кофе, спиртовка, а рядом с ней электрическая плитка, залитая кофейной гущей и пригоревшим салом. Тут же лежали золотые часы, а возле них на жестяной тарелке какая-то странная металлическая лепешка неправильной формы.

— Кажется, олово, — озадаченно произнес Волошин, — но за каким чертом понадобилось его расплавлять и держать на столе в капитанской каюте?

В столе нашлись растрепанная книжка с хозяйственными записями, судя по бесконечным колонкам цифр и каким-то условным пометкам, немного мелочи в монетах самых различных валют да помятая и совсем истершаяся на сгибах бумажка, какое-то удостоверение на французском языке с полуклеившейся фотографией хмурого толстяка с опухшим лицом, растрепанными усами и злыми глазами, выпученными, как у игрушечного мопса.

— Шкиперское удостоверение владельца шхуны «Лолита», капитана Луиса Френэ, — перевел секунд. — Выдано в Папезте на Таити, шестого января шестьдесят третьего года.

— Ну хоть имя капитана выяснили, — сказал Волошин. — И знаем даже, как он выглядит. Не сказал бы, что симпатичен. Надо взять удостоверение с собой. А впрочем, положите его обратно, Володя. И шарить по столам, тем более по карманам, не станем. Не наше дело. Пусть этим занимаются детективы.

Судового журнала мы нигде не нашли.

В углу каюты здоровенными болтами был привинчен к палубе небольшой железный ящик с огромным замком. Видимо, он заменял сейф. На крышке ящика виднелось несколько глубоких вмятин, словно по нему били чем-то, пытаясь взломать. Но замок был цел.

Мы многозначительно переглянулись.

— Веселые дела, видимо, творились на этой шхуне, — покачал головой Волошин.

Возможно, судовые документы и другие бумаги хранились в этом ящике. Но взламывать мы его, разумеется, не стали.

— Ладно, отметим некоторые особенности, — сказал Сергей Сергеевич, жестом показывая, чтобы я придвинул микрофон поближе. — На столе лежат золотые часы швейцарской марки, остановившиеся в четыре часа двенадцать минут. Судового журнала не обнаружено. На полочке над койкой лежит хорошо обкуренная пеньковая трубка с надкушенным кончиком чубука и прорезиненный кисет с трубочным табаком.

Ловко отломив пинцетом кусочек от металлической лепешки, Волошин деловито добавил:

— Все предметы и деньги оставлены на тех местах и точно

в таком положении, в каком обнаружены. От металлической плитки взят небольшой образец для уточнения его состава.

Сергей Сергеевич еще раз внимательно осмотрелся вокруг, чтобы проверить, не упустил ли чего, и вдруг, нахмурившись, с видом настоящего Шерлока Холмса — не хватало только традиционной трубки в зубах, но тут уж ничего не поделаешь, ибо Волошин не курит, — начал рассматривать грязное стекло иллюминатора.

— Так, — многозначительно произнес он, приближая к губам микрофон. — В стекле иллюминатора отверстие с трещинами вокруг и оплавленными краями диаметром, — он на минуту замолчал, вынимая из кармана штангенциркуль, с которым никогда не расстаётся, и тщательно измеряя отверстие, — диаметром шесть и семь десятых миллиметра. Судя по его виду, — добавил Волошин торжественно, — вполне возможно, отверстие является пулевой пробойной. Надо бы поискать пулю, — добавил Волошин, выключая микрофон и озабоченно озираясь вокруг. — Она или застряла в переборке, или валяется где-нибудь на полу.

— Сергей Сергеевич, ну что мы — сыщики, что ли? — взмолился штурман. — Не наше это дело пули искать. Пусть этим детективы занимаются, вы же сами сказали. А мы должны только составить акт о том, что экипажа на шхуне не обнаружено и куда он делся — неизвестно. И поскорее, — добавил он многозначительно, — а то кэп с меня голову снимет, да и вам не поздоровится.

Упоминание о вполне вероятном капитанском разнесе подействовало даже на Волошина. Еще раз окинув ястребиным взглядом каюту, он с явным сожалением сказал:

— Ладно, пошли дальше.

Мы осмотрели две другие такие же крошечные и грязные каютки. В одной, видимо, жил суперкарго — помощник капитана, ведавший грузами, потому что в ней были грудой навалены в углу новенькие спортивные тапочки, пузырьки с одеколоном и несколько свертков пестрой материи — остатки нераспроданного товара.

Другая каюта предназначалась, наверное, для привилегированных пассажиров, но была совершенно пуста и мрачна. Даже лампы в ней не оказалось, а незастеленная койка напоминала гроб.

Потом мы заглянули в еще более мрачный и грязный кубрик команды, в крохотное машинное отделение, где густо воняло бензиновым перегаром. Тут Волошин, наоборот, задерживаться совсем не стал, буквально с одного беглого взгляда определив:

— Мотор старенький, «Рено», порядком запущен, но в исправности. Вполне может работать. И динамка в порядке.

Я не стану перечислять все, что мы увидели и подробно записали, чтобы потом составить обстоятельный акт. Отмечу лишь то, что показалось странным и подозрительным.

Во всех каютах рундуки были закрыты, из них явно ничего не доставали в спешке. Чемоданчики, сумки, так же как одежда и приличные вещи, оказались в сохранности.

В каютке для пассажиров, куда едва пробивался свет сквозь грязное и к тому же до половины закрашенное белилами стекло единственного иллюминатора, а лампы вообще не было, лежал на столе листок бумаги, небрежно, наспех вырванный из блокнота. На нем было написано по-английски: «Моя дорогая женушка! Скоро...» — на этом начатая фраза обрывалась. Было совершенно очевидно, что дописать ее помешало какое-то внезапное происшествие. Тут же валялись шариковая ручка и не докуренная до конца трубка, набитая прогоревшим табаком.

В кубрике над столом, кроме электрической, висела такая же лампа, как стояла на палубе, но в ней керосина немного осталось, он не выгорел до конца. Значит, ее потушили перед уходом.

На столе перед дешевеньким зеркальцем с отбитым уголком стояла алюминиевая чашечка с засохшей пеной, лежали без-опасная бритва и тюбик с кремом.

На другом конце стола мы увидели две оловянные миски с остатками какой-то еды. Сергей Сергеевич под нашими брезгливыми взглядами взял ложечкой понемножку из каждой тарелки, положил «пробы» в баночки с притертыми крышками и многозначительно пояснил:

— Надо сохранить в холодильнике. Для экспертизы.

Штурман обратил внимание на то, что компас как будто пытались выломать из нактоуза, но бросили.

Никаких навигационных приборов и вахтенного журнала обнаружить не удалось.

Продуктов на судне оставалось вполне достаточно. Не только всяких консервов, но и жестянок с пивом. В танке — ржавом баке — оказалось достаточно пресной воды, хотя и гнусной на вкус.

Что же заставило команду буквально бежать с корабля? Что напугало их?

— Бегом небось убегали. Даже трубки оставили. Какой же моряк забудет трубку? — покачал головой боцман.

Мы опечатали двери всех кают и кубрика, носовой трюм. А крышку кормового так и оставили приоткрытой — в том виде, в каком нашли ее, только прикрыли брезентом, так же как и карты, валявшиеся на палубе вместе с аккордеоном и гитарой, чтобы все осталось в целости и неприкосновенности, если вдруг поднимется ветер или пойдет дождь.

— А как же с курами, со свиньей, Владимир Васильевич? — спросил боцман. — Ведь передохнут тут, жалко. И попугай.

— Оставим их тут, — сказал секунд, — а то, если заявимся на «Богатырь» с таким зверинцем, кэп нам ту еще продраечку устроит. Да и нельзя их трогать, пусть сидят на месте, — добавил он, взглянув на Волошина. — Пришлем потом матроса на шлюпке.

Волошин одобрительно кивнул и сказал:

— Попугая-то можно взять. Редкая птица, жалко, если погибнет. А где висела клетка, покажем детективу, если надо. Крючок-то на месте останется. Да и сфотографировали мы, как она висела.

Вернувшись на «Богатырь», секонд и Волошин вкратце доложили капитану, что мы увидели на покинутой шхуне.

— Все записано, составим, если надо, подробный отчет, — закончил Волошин.

— Надо, — кивнул капитан.

— Что же с ними могло случиться — как вы думаете, Аркадий Платонович? — спросил я.

Капитан пожал плечами и туманно ответил:

— В море все бывает.

Мы смотрели с высоты мостика на лениво покачивающуюся совсем рядом на волнах «Лолиту».

— Н-да, еще одна из загадок океана, — задумчиво сказал Волошин.

Но донесшийся с покинутой шхуны неистовый визг помешал нам настроиться на философско-мистический лад.

— Эк она надрывается, — болезненно поморщившись, сказал Аркадий Платонович. — Словно режут ее.

И, не оборачиваясь, только изменив тон, твердо уверенный, что его услышат все, кому следует, приказал:

— Отправить туда матроса. Свинью и птиц накормить, напоить. Завести буксирный конец. Матросу стоять на руле, чтобы шхуна не рыскала.

— Есть отправить на шхуну вахтенного! — ответил чиф — заступивший после Володи на вахту старший помощник, и спросил у капитана: — Значит, будем ее буксировать, Аркадий Платонович?

— Придется. Надо начальству докладывать. Как решит.

Первый и второй штурманы обменялись мрачными понимающими взглядами.

Пауза, видно, непозволительно затянулась, потому что капитан повернулся и выразительно посмотрел на чифа: дескать, в чем дело, почему мешкаете?

Тогда тот, покосившись на нас с Волошиным, с некоторым смущением сказал:

— Может, двух матросов пошлем, Аркадий Платонович?

Капитан посмотрел на него, усмехнулся и разрешил:

— Ладно, пусть несут вахту по двое: людей хватит.

— Есть! — чиф направился к двери.

Мы с Волошиным весело переглянулись. Конечно, было нетрудно понять, почему чиф попросил разрешения послать двух матросов дежурить на шхуне: одному там было бы не по себе, особенно ночью.

— Да, и дайте радио в Папезте, — остановил помощника капитан. — Папезте у них порт приписки, что ли? — повернулся он к секонду.

— Вероятно, Аркадий Платонович.

— Сочините покороче, но чтобы понятно было, — обратился капитан снова к вахтенному штурману. — Дескать, в таком-то месте обнаружена покинутая экипажем моторно-парусная шхуна «Лолита» вашей приписки. Просим сообщить, не известно ли, что с ней случилось. Хотя ладно, я сам пойду на рацию. Вот еще морока на мою голову.

Потом Володя Кушнеренко объяснил нам с Волошиным, что так озаботило капитана. По международным морским законам

покинутое командой судно становится собственностью того, кто его найдет и спасет. Но что нам было делать с этой шхунной? Не тащить же ее на буксире через весь океан до Владивостока! Это сорвет всю научную работу.

К счастью, после длительных переговоров по радио начальство дало такое мудрое распоряжение: связаться с властями на Таити и передать им шхуну, безвозмездно, предложив выслать за нею буксир.

— Сочините им радиogramму поприветливее в Папезте, — приказал помощнику повеселевший капитан. — Пусть высылают буксир за подарком, а мы пока потащим ее им навстречу. Примерный курс сообщите, а о времени и месте randevу, дескать, договоримся потом дополнительно, смотря по обстановке. Задержит она нас, конечно, все-таки основательно, эта красота. Когда примерно она покинута? — спросил капитан у секунда. — Сколько дней назад?

— Трудно сказать, Аркадий Платонович. Ведь вахтенного журнала нет, а в личных бумагах мы не копались.

— И правильно сделали, — кивнул капитан. — Не сыщики. Ладно, идите акт составлять. И не растекайтесь там мыслию по дереву.

Мы втроем засели в каюте секунда и начали составлять подробный отчет обо всем, что увидели на покинутой шхуне, стараясь не упустить ничего существенного.

Провозились мы с этой работой долго. Даже опоздали к обеду, но закончить все-таки не успели.

В кают-компании все, конечно, набросились с расспросами, что же увидели мы на шхуне. Волошин начал было рассказывать, потом взмолился:

— Братцы, дайте поесть! Да и не закончили мы еще этот проклятый отчет. Голова уже пухнет. Я вам все вечером доложу.

Поскорее пообедав, мы опять засели за работу.

Тем временем, как рассказал нам с Волошиным секунд, удалось связаться с берегом. Из Папезте утром обещали выслать спасательный буксир, чтобы забрал у нас «Лолиту».

— Капитана шхуны, подтвердили, звать Луисом Френэ, не то испанец он, не то француз, местный уроженец. Команда состояла из девяти человек, все полинезийцы, местные, плюс помощник — суперкарго и кок. Были на судне и пассажиры, и, говорят, много, человек сорок, — закончил Володя.

— Сорок? — недоверчиво переспросил я. — Где же они могли разместиться в этом курятнике?

— Вот и я тоже сомневаюсь, — покачал головой секунд. — Может, радист переврал? Хотя, впрочем, ведь они на палубе ночевали. Каютки-то наверняка лишь для белых пассажиров.

Вечером, за ужином, конечно, разговоры снова велись только о загадочной шхуне. Сергей Сергеевич поднял руку, призывая к тишине, и сказал:

— Давайте так. Рассказывать я вам ничего не стану, а просто зачитаю акт, зря, что ли, мы над ним целый день потели.

Аркадий Платонович разрешил, — повернулся Волошин к капитану, сидевшему на своем месте во главе стола.

Капитан, насупившись, промолчал. Но Сергей Сергеевич, словно не замечая этого, продолжал:

— А вопросы, если возникнут, — потом. Что же касается распространившихся слухов о якобы обнаруженном слитке загадочного металла, то могу сообщить, что это, как, впрочем, я и предполагал сразу, самое обычное олово с небольшой примесью латуни. Впрочем, от этого, — помолчав, добавил он, — сия небольшая пластинка не перестает оставаться загадочной, ибо кому и зачем понадобилось расплавлять некий предмет из олова? Ну, впрочем, загадок вообще немало, разобраться в них попытаемся потом.

Волошин неторопливо положил перед собой составленный нами акт, явно наслаждаясь общим томлением, медленно освободил листы от скрепки и торжественно начал читать.

Вы уже знаете, что мы увидели на шхуне, поэтому не стану повторяться.

Пока Сергей Сергеевич читал, царила мертвейшая тишина. Слушали все, как сказку, затаив дыхание, даже подавальщицы Настенька и Люда и высунувшийся из двери шеф-кок Никодим Степанович в накрахмаленном колпаке.

Только, словно заговорщик, шептал Володя Кушнеренко, переводивший слова Волошина нашему американскому гостю, известному специалисту по геологии морского дна профессору Дэвиду Карсону, приглашенному принять участие в экспедиции. Русский язык он лишь начинает изучать, поэтому всегда сидит рядом с Володей, который служит ему переводчиком.

Карсон, высокий, уже сидящий, но по-спортивному подтянутый и коротко подстриженный, голубоглазый, со шрамом на подбородке, слушал внимательно, время от времени словно подтверждающе кивая и одобрительно поглядывая на Волошина.

Тишина продолжалась и некоторое время после того, как Волошин кончил читать. А потом — словно взрыв: все заговорили, смеясь и перебивая друг друга:

— Что же с ними могло случиться?

— Куда все подевались?

— Волной всех смыло.

— Да, людей смыло, а картишки, гитару и аккордеон волна оставила.

— Да, видно, погода все время, пока она без команды плавала, почти штилевая была, если даже карты за борт не сдуло.

— Конечно, погода стояла тихая. А то и с палубы все бы смыло, и тарелки на столе бы в кубрике не устояли, и бритва с зеркальцем.

— Да, загвоздка в чем-то другом.

— Пираты на них напали, ясное дело!

— А почему же ничего не забрали? Даже часы золотые в капитанской каюте.

— Да, Лева, это ты загнул. Что за пираты, коли капитана, всю команду и пассажиров украли, а груз и деньги не тронули.

— Ну, может, они всех перебили в драке. Ведь сказано в акте: и топор на палубе валяется, и кинжал какой-то...

Тут Сергей Сергеевич вдруг постучал ложечкой по стакану, требуя внимания, и сказал:

— Послушайте, друзья, хватит соревноваться в остроумии. Давайте-ка всерьез подумаем, что же могло приключиться с экипажем злосчастной «Лолиты». Проведем конкурс на самую оригинальную и в то же время правдоподобную гипотезу о том, что могло произойти на борту шхуны. Победитель получит какой-нибудь приз, подумаем. Желательно, чтобы загадка объяснялась с позиций той науки, какую представляет на борту «Богатыря» рассказчик, но это отнюдь, разумеется, не обязательно.

Сделав небольшую паузу, Сергей Сергеевич спросил:

— Итак, условия конкурса и метод его проведения понятны? Сначала мы будем только фантазировать, а потом подводить итоги и давать оценку каждой гипотезе. Но все-таки они должны быть обоснованны, если даже речь идет о похищении экипажа шхуны космическими гостями. Разрешается в подтверждение выдвинутой гипотезы ссылаться на прецеденты, на похожие случаи, достоверно описанные в солидной литературе, или на соответствующие научные теории, допускающие их возможности. Ясно?

— Ясно! Ясно! — раздалось со всех сторон.

Только капитан в наступившей паузе нарочито громко вздохнул и произнес ленивым тоном:

— Плетение словес и сотрясение воздушных...

Но Сергей Сергеевич сделал вид, что не расслышал этого.

— Копия отчета будет находиться в библиотеке, где каждый сможет сделать из нее необходимые выписки, — продолжал он. — Там же желающие могут получить книги, чтобы лучше представить себе условия плавания на подобных шхунах. Рекомендую, в частности, полистать книги одного из сподвижников Хейердала — Бенгта Даниельсона «Счастливый остров» и «Позабывшие острова». Не могу удержаться, чтобы не процитировать небольшие отрывки из них, — добавил он и, открыв приготовленную книгу, начал читать:

— «Наша «Теретай» мало чем отличалась от большинства шхун французской Океании: престарелая скорлупа (водоизмещением около ста пятидесяти тонн), пропахшая копррой, с шумным мотором, способным развивать скорость не свыше пяти узлов...

Кок стал за руль, а матросы взялись за снасти; двое из числа пассажиров тоже помогали тянуть фалы. На шхуне не существовало строгого различия между командой и пассажирами, каждый, кто хотел, мог отстоять вахту у штурвала или помочь матросам.

Было около десяти вечера, когда шхуна подошла к Рароиа. В это время мы восседали на палубе за столом, уставленным жареной свининой, рисом и галетами, но капитан не растерялся. Взяв в одну руку фонарь, в другую тарелку, он взобрался на рубку и уверенно провел шхуну среди коралловых утесов и рифов. Вилка и нож ему ничуть не мешали; напротив: сиг-

нал вилкой рулевому означал «чуть лево руля», ножом — «чуть право».

Переждав, пока стихнет смех, Волошин продолжал:

— А вот маленький отрывок, специально мною подобранный, чтобы разъяснилась одна из загадок: откуда взялись валявшиеся на палубе карты и музыкальные инструменты и стоявший рядом с ним закопченный фонарь.

«На большинстве шхун команда коротала время за покером, — прочел он. — «Теретаи» не представляла собой исключения. Едва она покинула Папезте, как началась игра, которой суждено было длиться, пока не переведутся деньги. Лишь одно могло излечить команду от покерной лихорадки: появление на борту более искусного игрока, способного всех начисто обыграть. Во избежание бедствия моряки условились не принимать в игру посторонних, и получился небывалый «долгоиграющий» покер. Разумеется, время от времени матросы вспоминали о своих обязанностях и шли сменить своего товарища на вахте, но более сонных вахтенных я в жизни не видел. К концу плавания у руля стояли лунатики...»

— Ну, другие подробности плавания на таких шхунах в здешних краях вы сами найдете в книгах Даниельсона, — закончил Волошин. — А если у кого возникнут вопросы по «Лолите», обращайтесь ко мне, к Андрею Николаевичу, — кивнул он в мою сторону, — или к секунду, а лучше, выбрав подходящий момент, сразу к нам троим, чтобы мы могли поправить и дополнить друг друга. Заслушивать же гипотезы предлагаю на палубе, на корме, в «Клубе рассказчиков». Все рассказы будут записываться на пленку, потом конспективно стенографироваться. Желющие смогут получить текст всех новелл. Все ясно?

— Остается неясным лишь одно, — задумчиво произнес заведующий лабораторией биофизики Иван Андреевич Макаров.

— Что именно? — повернулся к нему Волошин.

Они всегда любят поспорить и позадирать друг друга.

— Да сущие пустяки: выяснить, куда же подевался экипаж и пассажиры злополучной «Лолиты».

— Вот этим мы и займемся, дорогой мой, — сказал Волошин, садясь на свое место.

Смех сразу стих, лица у всех стали серьезными, сосредоточенными. В кают-компании наступила задумчивая тишина.

— Н-да, подобных загадочных случаев знает немало «стория мореплавания», — негромко сказал наш главный океанограф, профессор Андрей Самсонович Суворов, оглаживая черную окладистую бороду. За нее его окрестили «Черномором». Завел такую роскошную бороду Андрей Самсонович явно для солидности. На самом деле ему нет еще и сорока, а профессором он стал в тридцать два года.

— От встреч с такими вот судами в океане, — продолжал неторопливо Суворов, — по каким-либо причинам покинутыми командой, но не затонувшими и порой, как «Лолита», шедшими даже под парусами, и возникла когда-то знаменитая легенда о «Летучем голландце»... Науке «Летучие голландцы» принесли большую пользу. Изучая по рассказам встречавшихся

с ними в разное время моряков пути их странствия в океанах, океанографам удалось узнать немало любопытного и важного о ветрах и морских течениях. В прошлом веке, например, американская шхуна «Фанни Уолстен», брошенная экипажем во время шторма, не затонула и плавала полузатопленной еще целых три года. За это время разные корабли встречали ее сорок шесть раз и отмечали место встречи на карте, так что удалось достаточно точно определить пройденный ею путь, превысивший восемь тысяч миль. А шхуна «Стар» тоже примерно за такое же время ухитрилась даже совершить полное кругосветное плавание, вернувшись к тому самому острову Мидуэй, где ее покинула три года назад команда, думая, что она вот-вот потонет.

Тут, конечно, и моряки, и ученые начали припоминать разные загадочные случаи из богатейшего архива Нептуна.

Первый помощник рассказал историю итальянской шхуны «Азия». Она вышла в ноябре 1885 года с грузом ценного дерева из мексиканского порта Веракрус в Геную, благополучно миновала Гибралтарский пролив, просигналив «на борту все в порядке», вошла в Средиземное море — и бесследно исчезла совсем недалеко от родных берегов.

А в январе следующего года с английского парохода заметили во время шторма в Атлантике, в Лионском заливе, шхуну, шедшую под всеми парусами на восток. Это оказалась «Азия». На борту ее не было видно ни одного человека. На рее одной из мачт болтался труп повешенного...

Но подойти к загадочному судну помешал шторм. «Азия» скрылась вдали, среди вспененных волн.

И снова она объявилась в Средиземном море, словно неведомая сила влекла ее домой. Весной «Азию» выбросило на берег Сардинии, и она застряла на скалах.

Обе мачты ее были к тому времени уже сломаны, труп исчез в волнах. Но в остальном на борту все оказалось в полном порядке. На месте в рубке лежал судовой журнал, все навигационные инструменты, целы были все личные вещи матросов и груз в трюмах. Нигде никаких следов насилия или грабежа.

И лишь одного никто не мог объяснить: куда же девался экипаж «Азии»?

Все помолчали. Потом неожиданно подал голос Макаров и рассказал не менее, по-моему, удивительную историю «Минервы».

В середине прошлого века этот парусник вышел из порта Гамильтон на Бермудских островах с грузом на Дальний Восток.

И пропал без вести. Его занесли уже в знаменитые «Красные книги Ллойда» и помянули торжественным звоном колокола, снятого с одного погибшего корабля и висящего в лондонской конторе этой старинной фирмы именно для того, чтобы печальным ударом в него оповещать, что такое-то судно с данного момента считается погибшим...

И вдруг через несколько лет «Минерва» под всеми парусами вошла в родной порт Гамильтон! Можете представить, с какой радостью все кинулись в гавань встречать ее.

Но парусник, не сбавляя хода, врезался в рифы и начал тонуть. Когда поднялись на его палубу, на нем не нашли ни единого человека. Корабль оказался совершенно пуст, в трюмах никакого груза.

Последняя запись в судовом журнале, найденном в каюте капитана, была сделана больше года назад, в Индийском океане. Она оказалась совершенно будничной и неинтересной, не сообщала решительно ни о каких происшествиях.

Мы все смотрели на Макарова с некоторым недоверием, зная, как любит он разыгрывать, сохраняя притом совершенно невинный, невозмутимый вид.

Но он сказал:

— Честное слово, не выдумал, братцы. Читал несколько лет назад заметку в журнале «Наука и жизнь».

— Хотя источник и не академический, но — принято, — одобрил Волошин и тут же начал рассказывать обстоятельно и подробно, с дотошностью не просто очевидца, а, я бы сказал, непосредственного участника загадочных событий ставшую уже классической историю знаменитой «Марии Целесты», обнаруженной точно так же, как наша «Лолита», в полной сохранности, бодро идущей под всеми парусами — и тоже без единого человека на борту*.

Пытались разгадать тайну «Марии Целесты» такие мастера выдумки, как прославленный Конан-Дойль. Он озадачил в свое время весь мир «Сообщением Хебекука Джефсона», сделанным якобы очевидцем кровавой драмы, разыгравшейся на борту корабля. Но эта тайна так ведь и осталась неразгаданной. Она до сих пор продолжает волновать воображение многих.

Глянув на часы, Волошин закончил, вставая:

— Последуем их примеру и мы. Дадим волю фантазии и наблюдательности. И не станем терять времени.

Условия необычного конкурса были дважды объявлены по спикеру — внутрикорабельной связи. Ее динамики установлены всюду и никогда не выключаются, чтобы каждый услышал в случае необходимости сигнал тревоги или просто мог быть вызван к начальству, если потребуется, где бы он ни находился в любое время дня и ночи.

Днем в библиотеке возникла очередь желающих подробно ознакомиться с нашим актом. Вполне возможно, многие захотят принять участие в конкурсе, народ на «Богатыре» весьма любознательный и с фантазией.

Но я уже догадывался, кто будет, видимо, выступать первым — «для затравки», заметив, как Сергей Сергеевич несколько раз в течение дня уединялся с начальником метеослужбы профессором Андрияном Петровичем Луниным и о чем-то с ним совещался.

Лунин под статью Волошину, тоже большой оригинал и выдумщик. Выглядит он величественно и живописно: уже немолодой, ему под шестьдесят, рослый, плечистый, обветренное и загорелое до черноты лицо под шапкой совершенно седых волос.

* Подробнее о загадке «Марии Целесты» см. «Искатель» № 6 за 1967 год.

Головных уборов Андриян Петрович не признает ни при какой погоде, словно желая подчеркнуть, что он — ее полномостный хозяин. Несмотря на начинающуюся полноту, в движениях Андриян Петрович быстр и по-юношески порывист.

Я с большим нетерпением ожидал, что же Луин расскажет нам вечером.

Да и у всех любопытство нарастало, особенно после того, как Волошин за обедом встал и объявил торжественно:

— Первый приз предлагается такой: бюст барона Мюнхгаузена, покрытый прекрасным, особенно издали, металлом, имитирующим золото, с приложением полного собрания правдивейших произведений прославленного путешественника. Нет возражений?

Общее томление несколько разрядила очередная океанографическая станция, начатая вскоре после обеда. Хотя маршрут нам пришлось несколько изменить, буксируя «Лолиту» к месту встречи с катером, ученые решили не терять времени зря.

Пока они колдовали с приборами, послали шлюпку, чтобы сменить вахтенных на «Лолите». Вместе с ними отправился и секунд. Мы видели, как он, надев легковоголазнь костюм, нырял вокруг шхуны, осматривая ее корпус, а матросы следили, чтобы поблизости не появились акулы.

— Обнаружил что-нибудь любопытное? — спросил я у Володи, когда они вернулись. — Чего же меня не предупредил, я бы с вами поплыл.

— Ну и что бы там увидел? — пожал он плечами.

— Верно. Но есть что-нибудь новенькое?

— Так, пустяки, — туманно ответил он. — Мелочь. Пойду доложу кэпу, как он решит — записывать в акт или не надо.

Пробыл секунд у капитана довольно долго, а вернувшись, молча протянул мне одну из узеньких полосок бумаги. На них было напечатано под копирку:

«На форштевне шхуны обнаружены три зазубрины глубиной от семи до двенадцати миллиметров — одна на уровне ватерлинии и две ниже ее. В самой глубокой зазубрине (12 миллиметров), расположенной на ватерлинии, застряли обрывки капроновой, видимо, рыболовной сети, болтающиеся по обеим сторонам форштевня».

— Велел подклеить в акт, — сказал Володя.

Все быстро поужинали и поспешили занимать места в «Клубе рассказчиков» под вертолетной палубой, где обычно устраивают киносеансы. Сегодня, по-моему, тут оказались решительно все, кроме стоявших вахту. Ни один захватывающий детектив не собирал столько зрителей. Все места были заняты — и на спардеке, и на трапах, и у поручней. Заполнили даже «галерку» — вертолетную площадку.

В тропиках, вблизи экватора, вечер наступает рано. Зимой уже в шестом часу темно — хотя как-то дико звучит слово «зима» по отношению к началу июля. Не первый раз плаваю уже в южном полушарии, а все никак не привыкну, что времена года тут «наоборот» по сравнению с нашими, а жарища всегда, какая редко бывает у нас летом.

Закат угасает так быстро, словно кто-то поворачивает выключатель и сразу тушит свет. И вот уже над нами сияет не-

бо, украшенное непривычным узором созвездий. Прославленный и воспетый поэтами Южный Крест едва заметен на самом краю небес, узнать его можно, лишь попривыкнув. Гораздо величественнее сиял Орион, в самом зените, на месте привычных нам с детства Большой Медведицы и Полярной звезды.

Все было уже готово к заседанию «Клуба рассказчиков». На маленьком столике стояли микрофон, термос, видимо, заботливо наполненный охлажденным соком или лимонадом, стакан — и бюст барона Мюнхгаузена со знакомым каждому с детства заносчиво задранным носом и гордо торчащей

из-под треуголки забавной косичкой. Выглядел он весьма импозантно, сверкал в лучах специально наведенного на него небольшого прожектора, словно в самом деле золотой. Где его раздобыл Волошин и когда успел «позолотить»? Поразительный все-таки человек!

Вот наконец появился и он сам — торжественный, строгий, погруженный в мысли и чуточку загадочный, точно иллюзионист, собирающийся поразить нас невиданным фокусом.

Лицо у Волошина тонкое, узкое, всегда приподнятая левая бровь придает ему насмешливо-скептическое, мефистофельское выражение. Постояв некоторое время у стола, будто обдумывая что-то, Волошин повернулся к радисту Васе Дюжикову, замершему у магнитофона, установленного в стороне на другом столике, и строго спросил:

— Вы готовы? Ну что ж, тогда начнем! Поскольку каждый из нас по опыту многочисленных собраний, отнявших, по крайней мере, четверть сознательной жизни, прекрасно знает, как трудно выманить на трибуну первого выступающего, если только он не назначен и не подготовлен заблаговременно, мы решили так и поступить. Смелчак, к счастью, нашелся, и я думаю, независимо от качества истории, какую он нам сейчас поведаст, а в том, что оно будет высоким, я ни капельки не сомневаюсь, при подведении итогов, по-моему, надо учесть и его мужество. Итак, я рад предоставить первое слово нашему дорогому и всеми уважаемому «небесному кудеснику» профессору Андрияну Петровичу Лунину.

Я угадал!

Раскланиваясь направо и налево в ответ на дружные аплодисменты, профессор Лунин прошел к столу и сел рядом с Волошиным, положив перед собой довольно пухлую пачку бумаг, каких-то карточек, неторопливо надел очки и, помедлив, начал читать:

— «Капитан Луис Френэ проснулся глубокой ночью от треска за стеной каюты. Раскалывалось небо или только его голова? Вечером крепко выпили по случаю удачной покупки боль-

шой партии копры и расставания с пассажирами. Среди них оказались лихие парни, не дураки выпить и большие мастера блефовать. Перед этим весь день играли в покер, и ему с трудом удалось остаться при своих, а он-то надеялся поживиться за счет пассажиров. Придется отыгрываться на своих матросах, хотя среди них тоже есть ловкачи, зазеваешься — разденут.

Капитан с трудом оторвал голову от грязной, свалявшейся подушки, смутно увидел, как каюту озаряет призрачная вспышка молнии, сверкнувшая за окошком.

Свет в каюте стал какой-то необычный, странный. И чем-то пахло — вроде паленым или горящей серой.

Капитан повернул тяжелую голову — и всклокоченные волосы его встали дыбом.

Дешевое распятие из олова, которое он всегда держал для удачи под рукой, на столе, исчезло. Оно превратилось в лужицу расплавленного металла. Малиновое сияние, исходившее от лужицы, причудливо мешалось с голубоватыми фосфорическими вспышками молний за окном, так что освещение в каюте все время менялось, словно в жутком цветном кошмаре...

Все сидели, не сводя с рассказчика глаз, в которых мерцающими огоньками отражался свет так ловко расставленных Володиным ламп. Это придавало рассказу Андрияна Петровича особую напряженную таинственность.

Жаль, я не могу привести его рассказ целиком, как, впрочем, и другие, — со всем богатством интонаций, мимики, жестов. Мое повествование слишком бы затянулось. Мне приходится лишь пересказывать услышанные занимательные истории по магнитофонной записи, сопровождая их некоторыми собственными впечатлениями по пометкам в блокноте — хотя, должен покаяться, я порой, увлекшись, забывал их делать.

— «Капитан сунул руку под подушку, схватил кольт, с которым не расставался даже ночью, и, не одеваясь, бросился к двери каюты, — продолжал Лунин. — Только когда он уже готовился распахнуть ее, до него вдруг дошло, что посреди двери зияет большая, аккуратно вырезанная круглая дыра, и сквозь нее в каюту тоже врывается слепящее сверкание молний.

Откуда взялась дыра? Кто залезал в каюту? Кто расплавил распятие, его заветный талисман? Его пытались ограбить во сне?!

Капитан метнулся к привинченному в углу к палубе железному ящику, заменявшему ему сейф. Ящик оказался цел, замок не сорван. А помяли крышку у ящика давно, еще когда он подрался с этим ворюгой Крамером.

Значит, деньги целы. Ящик не пытались взломать. Или просто не успели, он проснулся и испугнул их.

При очередной вспышке молнии капитану показалось, будто в окошке появилось маленькое отверстие. Раньше его не было!

Капитан дождался новой вспышки молнии. Нет, ему не показалось. Отверстие было. Он ощупал пальцами его оплавленные края. Мерзавцы! Значит, выстрел ему вовсе не почудился. Они стреляли в него через окно, хотели убить спящего. Но не по-

пали. А потом для чего-то вырезали дурацкую дыру в дверях.

Хотя понятно! Чтобы просунуть в нее руку и открыть дверь, запертую изнутри. Но за каким чертом им понадобилось расплавлять распятие и как они это сделали?

Ладно, он проучит эту банду и отобьет у них раз и навсегда желание соваться в капитанскую каюту.

Прихватив на всякий случай, кроме револьвера, еще острый малайский крис, висевший на стене, капитан бросился из каюты.

Попугай неистово закричал ему вслед, словно пытаюсь предостеречь, остановить, задержать.

Луис толкнул дверь, но она оказалась запертой. Каким же образом они ухитрились тогда проникнуть в каюту? Через эту дыру? Но она слишком мала.

Дальше додумать капитан ничего не успел, потому что, выскочив на палубу, окончательно перестал что-либо соображать.

Вся палуба и океан вокруг были залиты призрачным, неземным светом. Он не вспыхивал и не затухал периодически, как блеск молнии, а сиял постоянно и так ярко, что все вокруг было отчетливо видно как днем. Холодным, мертвенным светом сияли, словно рождественская елка, сверху донизу мачты, реи и парус шхуны. Казалось, они пылают холодным огнем, который потрескивал, словно подожженная сухая трава.

Луис Френэ давно плавал в тропиках и знал, что это величественное сияние называется огнями святого Эльма. Моряки не боялись его и даже видели в нем доброе предзнаменование. По старой морской легенде огни эти были некогда впервые зажжены святым Эльмом ради спасения одного моряка, сброшенного сильным порывом ветра с марсовой площадки фокмачты. Падая в море, несчастный успел обратиться к святому Эльму с мольбой о помощи. И тот выхватил его из бушующих волн и перенес обратно на палубу корабля, успевшего отплыть довольно далеко. А в ознаменование совершенного чуда святой заставил засиять праздничным светом весь такелаж парусника, дабы товарищи спасенного восславили господу.

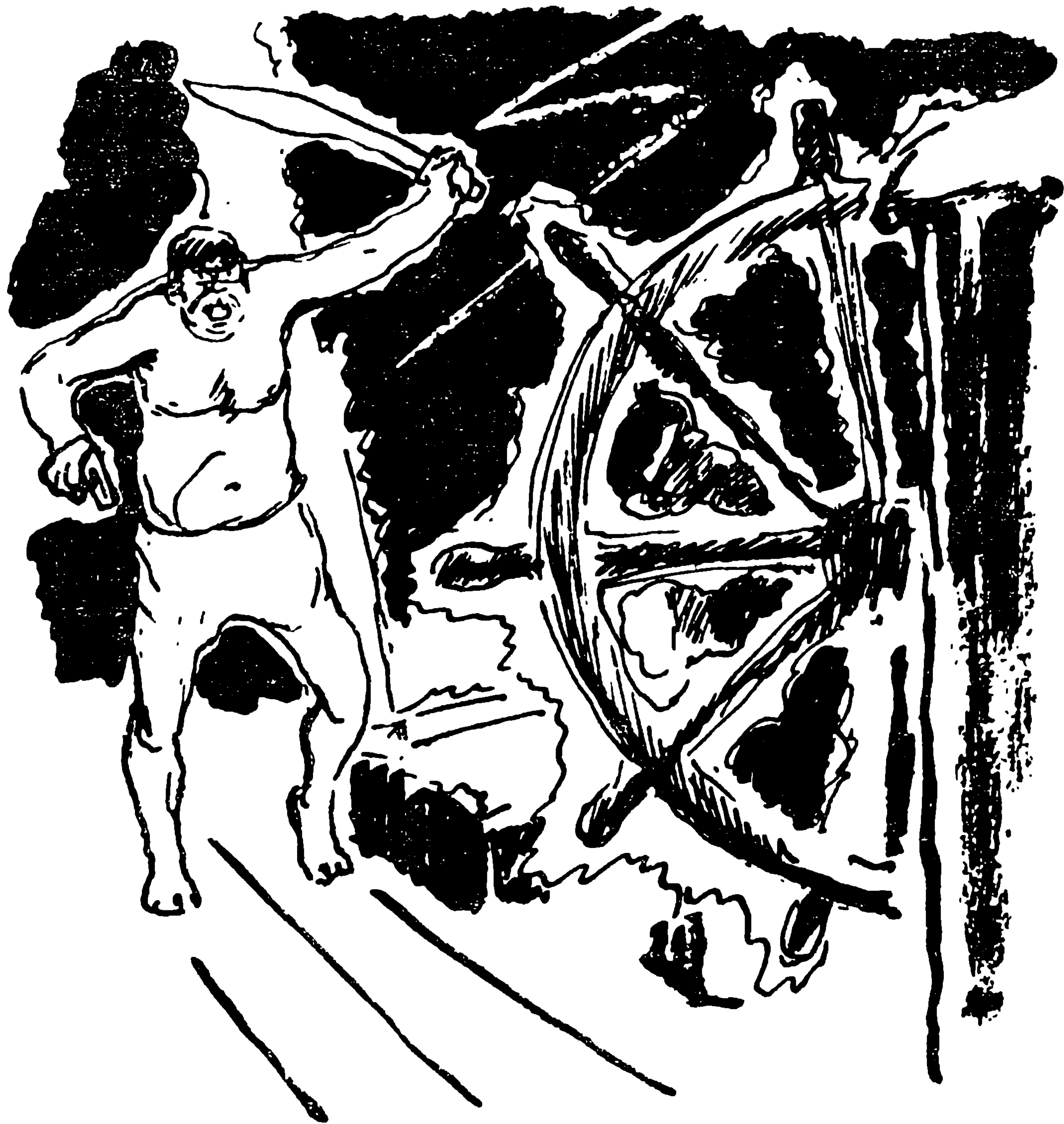
Но никогда еще в жизни Френэ не видел, чтобы огни святого Эльма полыхали с такой неистовой силой.

Тут он заметил на баке горящий фонарь и немного успокоился. Возле фонаря валялись на палубе карты, гитара, аккордеон. Эти привычные вещи успокаивали. Значит, ребята, как обычно, коротали ночь за покером и горланили песни. Куда же они попрятались? Испугались грозы? Даже лампу не погасили. И почему поставлены не все паруса, а один грот? Ну, он им покажет!

— Эй вы! Все наверх! — заорал капитан.

Никто не вылез на палубу и даже не откликнулся. Только вроде откуда-то издалека, из тьмы, окружившей ярко освещенную огнями святого Эльма шхуну и потому казавшейся особенно густой и непроглядной, донесся чей-то крик. Или это ему показалось?

Между тем шхуну так резко качнуло, что капитан еле устоял на ногах.

— Кто на руле? — завопил он. — Заснул, что ли? Опять ему никто не ответил.

Зарывав от ярости, зажав в одной руке револьвер, а другой размахивая кривым малайским кинжалом, капитан бросился на шканцы.

У штурвала никого не оказалось. Он беспомощно вращался из стороны в сторону, заставляя «Лолиту» метаться по воле ветра и волн. Луис Френэ отшвырнул кинжал, шагнул к штурвалу и протянул руку, чтобы остановить его...

И вдруг чуть не упал, споткнувшись о чье-то распростертое на палубе тело.

Капитан нагнулся и узнал рулевого Науру.

— Так и есть, упился, негодяй! — закричал капитан, хватая его за плечи и начиная трясти, словно тряпичную куклу.

Голова и руки у Науру в самом деле безжизненно мотались, как у куклы. И капитан вдруг понял, что рулевой вовсе не пьян, а мертв.

Убит? Но нет крови, не видно никакой раны — ни от ножа, ни от пули. Просто мертв — и от него вроде тоже пахнет серой, как в капитанской каюте...

Ничего не понимающий капитан оттолкнул труп рулево-

го с такой силой, что тот перевалился через невысокий фальш-борт и с громким всплеском исчез в волнах.

А Луис бросился к шлюпке и увидел, что ее нет на месте. Жалобно позвякивая, болтались тали.

И вдруг капитану показалось, будто из тьмы за кормой снова донесся крик.

Он прислушался. Да, кто-то кричит, зовет его. И не один голос, а несколько. И похоже, это голоса его матросов. Вот голос Тулиафу. А это, несомненно, кричит корабельный кок Жан.

— Плывите сюда, кэп! — донеслось из тьмы. — Прыгайте в воду, плывите скорее к нам!

— Что случилось?! — снова рывкнул Луис в мегафон и опять приставил его к уху.

— Прыгайте скорее за борт. На шхуне дьявол, Манао Ту-папау. Он гонялся за нами и убил Науру!

— Дьявол? Манао Тупапау?!

Луис Френэ начал озираться по сторонам. Так вот отчего воняло серой и так ярко пылали огни святого Эльма! Конечно, дело не чисто, как он сразу не догадался!

И, видно, дьявол оказался силен, если от его появления даже расплавилось святое распятие!

Швырнув за борт бесполезный против нечистой силы револьвер, он прыгнул в воду, даже не подумав о том, что труп рулевого наверняка приманил акул и они уже кружат возле «Лолиты».

Вынырнув, Луис перевел дыхание и посмотрел на удаляющуюся шхуну. Конечно, было жалко терять ее. И деньги, которые только вчера вечером он пересчитывал, прежде чем запереть в железный ящик, заменявший сейф. Но ведь с дьяволом не поборешься. И спасение души дороже всего.

Как все островитяне, Френэ был отличным пловцом и быстро, легко поплыл в ту сторону, откуда доносились голоса матросов. Время от времени он сам кричал, чтобы они плыли к нему навстречу.

Темнота постепенно сгущалась, пылающая неземными огнями шхуна уходила все дальше и дальше. Переворачиваясь на спину, чтобы передохнуть, Луис Френэ провожал ее зачарованным взглядом...

Профессор Лунин замолчал и начал неторопливо складывать листочки с записями. И все молчали, переживая его рассказ, а потом дружно захлопали.

— Ну-с, начало весьма завлекательное, как мы все и ждали от такого рассказчика, как Андриян Петрович, — потирая руки, весело сказал Волошин. — Мне кажется, остальным участникам конкурса придется как следует подхлестнуть свою фантазию, чтобы оказаться достойным такого старта. Ну а теперь попросим рассказчика объяснить, что же произошло на борту «Лолиты». Кто убил рулевого и заставил поспешно бежать остальную команду. Короче: кто был дьяволом? Вероятно, многие уже догадались...

— Конечно, шаровая молния, — кивнул Лунин. — Она остается во многом еще совершенно загадочной для ученых и может

порой творить поразительные вещи. Я давно интересуюсь природой шаровой молнии и собираю все сообщения о ее «проделках», какие попадаются. Позвольте в подтверждение полной вероятности моего рассказа привести несколько примеров из этой картотеки по пунктам. Способна ли шаровая молния аккуратно прожечь отверстие в дверце каюты или проделать в стекле дырку, похожую на пулевую пробоину? Цитирую: «22 июня 1914 года шаровая молния проникла на веранду гостиницы в Генеклее. Шел сильный дождь, и все окна были закрыты. Шар непонятным образом проник через верхнее стекло. В стекле осталась маленькая трещина с оплавленными краями». А расплавить мимоходом оловянное распятие? — продолжал профессор. — Вполне, Сергей Сергеевич подтвердит. Вот случай из моей картотеки: «В 1936 году английский ученый профессор Гудлет наблюдал, как огненный клубок размером с хороший апельсин упал в бочку с водой. Вода закипела...»

— Энергия этой небольшой шаровой молнии лежит где-то в пределах между четырьмя и шестнадцатью тысячами килоджоулей, — сказал Волошин, быстро сделавший подсчет на клочке бумаги. — Точнее определить трудно из-за расплывчатости приведенных данных.

— Да, примерно к такому же выводу пришел и профессор Гудлет.

— А удельная теплота плавления олова всего шестьдесят тысяч джоулей на килограмм. Н-да, такой «апельсинчик» свободно мог бы расплавить не только распятие, — покачал головой Волошин.

— Думаю, примеров достаточно? — спросил Лунин, поглядывая на слушателей поверх очков. — Могу привести их еще немало, но не стоит отнимать у вас время. Желающие могут узнать подробнее о причудах шаровой молнии и современных гипотезах, пытающихся объяснить ее природу, хотя бы из научно-популярной книжки Имянитова и Тихого «За гранью закона». Она есть, как мне сказали, в судовой библиотеке.

— Возражений не будет? — спросил Волошин. — С вопросами немножко подождите. Попросим сначала Андрияна Петровича изложить картину событий, как он ее представляет, развернувшихся на шхуне до пробуждения ошалевшего от непонятной чертовщины капитана.

— Пожалуйста, — кивнул Лунин. — Началась гроза. На мачтах шхуны вспыхнули огни святого Эльма. Моряков, как я уже говорил, они не пугают. Картежники продолжали резаться в покер, остальные члены команды наблюдали за игрой, слушая песенки.

Как вдруг в каюте капитана раздался выстрел — на самом деле сквозь дырку, пробитую в стекле, влетела шаровая молния и, расплавив по дороге распятие на столе, двинулась, подхваченная током воздуха, к двери.

Потрясенные матросы увидели, как из двери капитанской каюты, беззвучно пробив аккуратное круглое отверстие, вдруг выскочил багровый огненный шар. Покачиваясь, он полетел на корму, откуда раздался дикий вскрик рулевого, вдруг оборвавшийся...

Шхуна начала рыскать. Что случилось с рулевым? Осторожно, подбадривая друг друга, матросы двинулись на корму и нашли рулевого мертвым, валяющимся на палубе возле беспорядочно вращающегося штурвала.

В воздухе отчетливо пахло серой.

Ничего не понимая, матросы в ужасе попятились. Как вдруг из-за угла рубки неторопливо и бесшумно выплыла целая цепочка огненных шариков и начала надвигаться на них.

Матросы заметались по тесному закутку на корме. Куда бежать? Дорогу преграждали огненные шары. Покачиваясь в воздухе, они приближались медленно и неотвратно. И казалось, каждый из них уже выбирал себе жертву...

Матросы попрыгали в шлюпку, забыв о капитане. Ну а ход дальнейших событий, с момента появления капитана на опустевшей палубе, я уже изложил, — закончил профессор Лунин. — Кажется, я ничего не упустил и постарался объяснить все загадки и странности, отмеченные в отчете: и признаки явно поспешного бегства с исправного судна, и происхождение отверстий в окошке и двери капитанской каюты, так же как и застывшей на подносике лепешки расплавленного олова, и почему валялся на палубе крис — малайский кинжал. Если у кого-нибудь есть вопросы, прошу.

— Есть, причем несколько, — сказал Иван Андреевич Макаров, и хитрые глазки его от предвкушаемого удовольствия совсем спрятались в щелочках под нависшими густыми бровями. — История занимательная, но в ней есть кое-какие неувязочки. Во-первых, как объяснит уважаемый Андриян Петрович то, что на палубе валялся топор «со следами — я цитирую акт — возможно, крови на лезвии?» Во-вторых...

— Стоп, Иван Андреевич. Ты нарушаешь правила, — остановил его Волошин. — Мы ведь договорились: на первой стадии — никаких критических замечаний. Только вопросы о том, что показалось неясным в самой гипотезе. У тебя же, Иван Андреевич, не вопросы, а критические замечания по уязвимым, с твоей точки зрения, местам в рассказанной истории. Так?

— Ну, допустим.

— Отложи их до подведения итогов конкурса.

— Ну, валяющийся топор, открытый люк и другие мелочи — просто признаки бесхозяйственности, царившей, судя по всему, на шхуне, — сказал Лунин, убирая очки.

«Ловко он разделался сразу с несколькими загадками», — подумал я.

— Других вопросов нет? Мне кажется, в данном случае все отлично оправдано Андрияном Петровичем, — произнес Волошин. — Тогда поблагодарим его и не станем терять времени.

Он пожал профессору Лунину руку, и тот отошел в сторонку и сел среди слушателей.

— По-моему, мы успеем заслушать до отбоя хотя бы еще одного рассказчика, — сказал Сергей Сергеевич. — Кто жаждет?

— Я, — поднялся со своего места Геннадий Бой-Жилинский. Он кандидат биологических наук, занимается зоопсихологией

и проблемами бионики. Очень талантливый, по общим отзывам, исследователь. Немножко нервный, вспыльчивый, но и отходчивый, веселый и остроумный, Геннадий сочиняет неплохие иронические песенки и сам исполняет их вечерами под гитару. От него тоже можно ждать оригинальной выдумки. Что-то он сочинил?

— Пожалуйста, Геннадий Петрович, — пригласил Волошин.

Бой-Жилинский пробирался к столику. Тощий, привыкший сутулиться, как все слишком высокие люди, он держал под мышкой большую подшивку газет и какую-то толстенную книгу, а в левой руке свернутые трубочкой бумаги.

— «У Генри Киллинга не удалась жизнь. С детства он мечтал стать капитаном. А вместо того вот уже какой год плавал коком на грязной шхуне «Лолита», сновавшей между одними и теми же надоевшими островами, вывозя с них вонючую копру.

Генри уже стукнуло тридцать два. Никаких надежд изменить неудавшуюся жизнь и выучиться на капитана или купить собственное судно уже не осталось. Жизнь не получилась. Он все отчетливее понимал это. Наверное, от мыслей об этом у него с каждым годом заметно ухудшался характер. Он становился все завистливей, злее, раздражительней. Иногда с ним происходили странные припадки: во время раздражавшего его разговора Генри вдруг бледнел, замолкал и на несколько секунд застывал, бессмысленно глядя перед собой. Или вдруг начинал совершать какие-нибудь бессмысленные движения: расстегивать и застегивать пуговицы, кружиться на одном месте. А иногда падал и на несколько минут вообще терял сознание. Потом приходил в себя и продолжал разговор как ни в чем не бывало. У него слабела память, он становился медлительным в движениях. Готовил Генри невкусно и, ворча сквозь зубы, швырял тарелки со своей стряпней на грязный стол с таким видом, словно делал большое одолжение.

И головные боли стали донимать его последнее время все чаще. Иногда он целыми днями молча валялся на койке в кубрике, отвернувшись к стене, или на матрасе возле камбуза. И никто не решался подойти к нему в такие «плохие дни»: пырнет, того гляди, кривым малайским кинжалом или тяпнет топором, которым он прямо на палубе, где придется, с явным наслаждением рубил головы неистово кудахтавшим курам, чтобы приготовить из них пересоленную до горечи или, наоборот, совершенно пресную похлебку... С ужасной болью, от которой, казалось, вот-вот расколется голова, Генри проснулся и нынче на матрасике, брошенном прямо на палубу, в узком проходе возле рубки, — продолжал Бой-Жилинский. — Было рано, наверное, около пяти. Рассвет только еще занимался над притихшим океаном, и от воды тянуло бодрящей прохладой.

Кок лежал некоторое время, посасывая сигаретку и размышляя, не проваляться ли так весь день, послав и капитана, и всех на свете к черту. Потом выругался, швырнул окурок за борт, нехотя поднялся. Опять надо разжигать примус, готовить завтрак... Настроение у Генри было такое, что он разорвал бы на куски каждого, кто подвернулся бы сейчас под руку и решился ему сказать хоть словечко. Нынче был явно «плохой день».

Но никто ему не попался, и никто ничего не сказал. На палубе не было никого, даже вахтенного у руля. Штурвал крутился из стороны в сторону, шхуна моталась и переваливалась с волны на волну, как пьяная.

«Хороши они, сволочи! — злобно подумал Генри. — Банда ленивых жуликов. Даже на руле никто не стоит. И парус поднят только один, крышка люка не закрыта. Режутся дни и ночи напролет в карты. Будь я капитаном, у меня на судне уж был бы порядочек...»

«Так, — мысленно отметил я. — Молодец, Гена, не забыл этих деталей и неплохо их мотивировал».

— «Крепко выругавшись, Генри направился на бак, где обычно шла бесконечная карточная игра, — глуховатым голосом продолжал, не поднимая всклокоченной головы Бой-Жилинский. — В самом деле, тут и теперь валялись карты, а рядом с ними — аккордеон Клейна и гитара Матурати, и стоял закопченный фонарь. Вот лентяи, даже не погасили его, он явно сам погас, когда кончился керосин.

Все было обычным, осточертевшим коку до тошноты. Не видно лишь никого из матросов.

Куда они попрятались, прервав игру? Хотят разыграть его?

— Эй вы, ублюдки, вылезайте, а то станете сами готовить себе жратву! — все более свирепея, крикнул кок.

Сжав кулаки и бормоча проклятия, кок ринулся в капитанскую каюту, ударом ноги распахнул дверь, в которой никто вот уже второй год не удосужится заделать дыру...

В каюте никого не было. Только попугай заорал в клетке.

«Погоди, сверну я тебе шею!» — погрозил ему кулаком Генри и выскочил обратно на палубу.

Куда же все подевались? Убежали, бросив его одного? Но на чем? Ведь шлюпка на месте. Не могли же они улететь, словно птички, эти ублюдки. Или попрыгали в воду, сойдя, наконец, с ума?!

От этих загадок голова у него начинала пухнуть и совершенно разваливаться. Генри крепко сжал ее руками и застонал».

Все внимательно слушали рассказ Бой-Жилинского. Заслушался даже вечный скептик Макаров, а сидевшая рядом с ним Елена Павловна, его жена, совсем по-детски приоткрыла рот.

Рядом они выглядят довольно забавно: грузный, плечистый Макаров с широким, обветренным лицом и повадками добродушного медведя и Елена Павловна — худенькая, коротко стриженная, похожая на подростка в своих джинсах и пестрой клетчатой рубашке. Но при всем несхождении — и внешнем, и, пожалуй, внутреннем — они как-то удивительно подходят друг к другу.

— «Ладно», — устало подумал кок. Не станет он ломать голову над тем, куда они все подевались. Исчезли, и все. Черти забрали их в ад, туда им и дорога. Но он, Генри, ничуть об этом не жалеет и не останется в накладе. Теперь, раз они оставили его одного, никто не помешает ему стать наконец капитаном «Лолиты».

Генри встал за штурвал и начал крутить его, громко командуя самому себе:

«Лево руля! Еще лево! Так держать!»

Ему было приятно чувствовать, как шхуна покорно слушается его и прямо танцует на волнах, хотя от такого «управления» она порой едва не перевертывалась, вставая боком к волне и ветру.

Так Генри провел весь день, отрываясь от руля лишь для того, чтобы наскоро перекусить и сварить кофе. Можно было бы хлебнуть и рома из капитанских запасов, ведь теперь он, Генри, стал полновластным хозяином шхуны. Но у него даже после нескольких рюмок начинала сразу болеть голова и мутилось сознание. Однако Генри все-таки принес из капитанской каюты бутылку рома и, давясь, сделал несколько глотков прямо из горлышка.

И от усталости и всех потрясений этого странного дня забылся на палубе прямо у штурвала пьяным, тяжелым сном.

Проснулся он глубокой ночью и не сразу понял, почему лежит не на койке, а валяется на палубе, у штурвала, крутящегося из стороны в сторону.

И вдруг вспомнил, что ведь он остался один на шхуне и все подевались неведомо куда.

В ужасе он вскочил, снова обшарил всю шхуну — и не нашел ни единой живой души, кроме раскудахтавшихся кур, петуха, свиньи в клетках на баке и заоравшего на него с перепугу попугая в капитанской каюте.

Остановившись на корме, Генри тупо уставился на шлюпку. Куда же все подевались, если шлюпка тут, на борту?

А ветер крепчал, и лишенную управления шхуну мотало все сильнее...»

Казалось, и океан за бортом притих, слушая причудливую историю.

— «Генри встал за штурвал, но уже не чувствовал себя капитаном. Он ничего не понимал в показаниях компаса, картушка которого кружилась из стороны в сторону.

Генри задрал голову и с тоской посмотрел на небо, усыпанное ярко сверкавшими звездами. Но их причудливый сере-

бристый узор тоже не мог подсказать коку, возмнившему себя капитаном, в какую же сторону плыть. И грот, с треском проносившийся над головой Генри каждый раз, когда шхуна меняла курс, бросаясь из стороны в сторону, то и дело закрывал от кока звезды. Да и сами звезды при каждом повороте шхуны начинали кружить в небе, ведя дьявольский хоровод над его головой.

И, задрав голову, глядя на пляшущие звезды, Генри завыл, как подстреленный волк. А потом кинулся лихорадочно спускать шлюпку. Он бросил в нее одеяло, спасательный круг, несколько банок консервов, анкерок с пресной водой. Потом спрыгнул в шлюпку сам и поспешно оттолкнулся от борта.

Проклятая шхуна быстро уходила во тьму, выписывая причудливые зигзаги. Генри смотрел ей вслед, постепенно успокаиваясь. В шлюпке он чувствовал себя гораздо увереннее, чем на капитанском мостике, даже оставшись один посреди безбрежного океана...»

Геннадий замолчал и, по-прежнему не поднимая головы и ни на кого не глядя, начал с хмурым видом свертывать бумажки.

— Так, — протянул Волошин, глядя на рассказчика. — Любопытно. Но, позвольте, Геннадий Петрович, вы же не объяснили самого главного. Куда же подевалась команда?

— Их всех отравил кок, — зловеще объявил Геннадий и добавил еще более мрачным тоном: — И трупы выбросил за борт. В припадке помрачения сознания. В приступе так называемого сумеречного состояния, какие бывают иногда у некоторых больных эпилепсией.

— И забыл об этом? — спросил кто-то с вертолетной площадки и недоверчиво присвистнул.

— Не верите? — Бой-Жилинский поднял над головой толстую книгу. — Я нарочно взял у судовых медиков справочник по оказанию неотложной помощи, в том числе и при острых психических заболеваниях. Вот что в нем говорится:

«Сумеречное состояние наступает и прекращается внезапно. Внешне больные кажутся мало изменившимися, часто их деятельность остается последовательной.

При таком состоянии всеми поступками больного управляет как бы другое, иное сознание, отрешенное от действительности. При сумеречном состоянии у больного могут возникать устрашающие галлюцинации. Тогда больной, как бы защищаясь от врагов, может быть опасен для окружающих. В этом состоянии больные могут совершать тяжелые преступления: поджоги, убийства, насилия и так далее, причем на окружающих они производят впечатление сознательно действующих людей.

Сумеречное состояние длится обычно несколько часов, реже несколько дней и затем внезапно прекращается, часто оканчиваясь глубоким и длительным сном. Характерной его особенностью является полная амнезия: больные абсолютно ничего не помнят из происходившего с ними...»

А кого это не убеждает, могут побеседовать с нашими медиками, — добавил Геннадий, закрывая книгу. — Видите, они не выражают никаких сомнений.

В самом деле, оба наших врача — и терапевт Егоров, и хи-

руг Березовский — молчали. Правда, мне показалось, что Егоров сделал какую-то пометочку на пачке сигарет, но ничего не сказал.

И все некоторое время потрясенно молчали. Потом Волошин пробормотал:

— Н-да, веселенькую историю вы нам рассказали. Вопросы будут?

Макаров, конечно, встал и, не обращая внимания на протестующие возгласы Волошина, ехидно спросил у Геннадия:

— А как же с ядом? Кок купил его заранее в аптеке — в здравом уме и трезвой памяти или тоже в момент помрачения сознания?

— Никакого яда припасать заранее и тем более покупать в аптеке ему не было нужды, — спокойно парировал Геннадий. — Кок просто приготовил на обед рыбу фугу. У японцев она считается деликатесом, но содержит яд, гораздо более сильный и смертоносный, чем синильная кислота.

— А как же тогда эту рыбу едят японцы? — спросил кто-то из дальних рядов.

— Все дело в том, как ее приготовить, — пояснил Геннадий. — В Японии это разрешают лишь немногим поварам, имеющим специальные дипломы. Их вручают лишь после того, как повар сдаст строгий экзамен: приготовит и съест на глазах экзаменаторов несколько блюд из фугу.

— Очень прогрессивный метод экзаменовки, — одобрил Волошин.

Слушатели уходили притихшие. И в воздухе чувствовалось какое-то томление. Было особенно душно. Может, собиралась гроза? Тогда небо словно обрушится на океан освежающими потоками. Тугие водяные струи загремят по палубе. А кого даже они не разбудят, тех поднимет ликующий голос вахтенного радиста, раздавшийся из всех динамиков внутрикорабельной связи, никогда не выключающихся:

— Подъем! Дождь, братки!

И мы, хватая спросонья мочалки и мыло, ринемся на палубу, чтобы не прозевать возможность принять этот единственный в своем роде, поистине какой-то вселенский, космический душ, так освежающий тело все льющейся и льющейся в щедром изобилии пресной небесной водой.

Может, нам повезет и сегодня? Но пока было душно, томительно. Сегодня на корме никто долго не задерживался. Бросив взгляд на огоньки, мерцавшие на мачте плывущей за нами на буксире таинственной шхуны, все расходились по каютам.

Я тоже, — наверное, как и многие в этот вечер — подумал о том, каково сейчас там, на борту «Лолиты», двум морякам, несущим вахту у руля, чтобы шхуна не рыскала.

Да и каково вообще плавать на таких шхунах? «Одинокие в ночном море» — образно называли моряков древние греки, очень точно и выразительно. А ведь на таких вот крошечных шхунах или на арабских доу, какие мы встречали в Индийском океане, отважные моряки и поныне плавают без карт, а порой и без всяких навигационных приборов — совсем так же, как во времена Васко да Гамы, Колумба и Магеллана. Поистине одинокие в ночном океане.

А беда в океане может нагрянуть внезапно и совсем неожиданная, загадочная — вроде той, что произошла с «Лолитой».

— О чем задумались, Николаевич? — спросил меня незаметно подошедший Волошин.

Я рассказал.

Сергей Сергеевич понимающе кивнул, помолчал, а потом сказал:

— А вы знаете, кстати, Николаевич, поговорку, бытующую у арабских моряков, плавающих на этих самых доу? «Не считай дней месяца, которые тебя не касаются...» Неплохо? Последуем их фатализму и пойдёмте спать.

— Идите, я еще покурю.

— Ну-ну. Спокойной ночи.

Волошин ушел. А я закурил, глядя на огоньки за кормой.

Пожалуй, хорошо, что матросы, несущие сейчас вахту на «Лолите», не слышали истории, сочиненной Бой-Жилинским. Им там и так наверняка не слишком уютно.

Хотя, надо признать, зловещая история эта действительно, пожалуй, объясняет все загадки, с какими мы столкнулись на борту «Лолиты».

Но и рассказ профессора Лунина тоже весьма правдоподобен, да и оригинален, пожалуй, не меньше.

Стоп! Ты уже начал раньше времени подводить итоги конкурса, одернул я себя.

Следующий день показался томительно-бесконечным.

Вконец истомившись и не находя себе места, я заглянул в радиорубку. На «Богатыре» она размещается в трубе — фальшивой, установленной лишь по традиции, для красоты.

— Новенького ничего не слышно? — спросил я у Васи Дюжикова, без особой, впрочем, надежды. Радисты у нас, как полагается, о всех разговорах, какие ведутся по радио, не распространяются, и никаких тайн Вася бы мне открывать не стал.

Однако на сей раз он, поколебавшись и, видимо, решив, что чужая, случайно подслушанная передача, тайной считаться не может, сказал, на всякий случай оглянувшись и понизив голос:

— Буксир, что к нам идет, все время с разными островами переговаривается. Запрашивает, не заходила ли к ним «Лолита».

— А что ему отвечают?

Но этот вопрос Вася уже как бы не расслышал, видно, сочтя ответ на него нарушением инструкций.

Наконец наступил вечер, повеяло прохладой. Все поспешили занять места поудобнее. Вот появился Волошин, проверил, работает ли микрофон, включен ли магнитофон, и объявил:

— Итак, очередное конкурсное заседание позвольте считать открытым. Изъявившие желание соревноваться сегодня провели маленькое предварительное заседание, чтобы согласовать порядок выступлений. Первому изложить свою версию о том, что произошло на борту «Лолиты», доверено мне.

Так, интересно!

Но прежде чем Сергей Сергеевич начал рассказ, не читая его, кстати, по бумажке, а сочиняя прямо у нас на глазах, вдруг поднялся неугомонный Иван Андреевич Макаров и сказал:

— Одну минуточку. Прежде чем вы начнете, Сергей Сергеевич, прошу слова для внеочередного ^кважного сообщения. Оно может оказать влияние на ту гипотезу, какую вы намереваетесь изложить.

— Ах так? — поднял брови Волошин. — Ну что же, пожалуйста.

— Должен сообщить, что с целью проверки возможности высказанной вчера Геннадием Петровичем Бой-Жилинским гипотезы об отравлении команды «Лолиты» рехнувшимся коком я поручил одному из лаборантов сделать анализ остатков пищи, которые, как указано в акте, были взяты с тарелок, обнаруженных на шхуне, и хранятся на всякий случай в судовом холодильнике, — неторопливо, с томительной обстоятельностью начал Макаров. И, сделав еще длинную паузу, объявил: — Так вот, никакого яда органического происхождения, вроде содержащегося в рыбе фугу, при анализе не обнаружено...

— Опять, Иван Андреевич... — попытался прервать его Волошин.

Но Макаров остановил его властным взмахом громадной ладони.

— Однако анализ показал, — упрямо продолжал он, — что в остатках пищи, несомненно, присутствует мышьяк, хотя и в небольшой дозе.

Сказав это, Макаров преспокойно сел.

Все начали возбужденно перешептываться. Еще бы! Час от часу не легче! Если в пище оказался подмешан мышьяк, значит, на шхуне в самом деле произошло отравление.

Кого? Кем? И куда подевались трупы отравленных? Почему убежали с «Лолиты» оставшиеся в живых?

Я отыскал взглядом Геннадия Бой-Жилинского. Он явно был поражен сообщением Макарова не меньше других. Я думаю! Ведь, сочиняя свою историю, он еще ничего не знал о результатах анализа — и вдруг совершенно неожиданно для себя попал в точку!

Тут я заметил, что сидевшая рядом с Макаровым его жена Елена Павловна что-то торопливо пишет в блокнотике, улыбаясь и заслоняя страничку от мужа. Видимо, у нее есть какое-то возражение Ивану Андреевичу. Любопытно!

Шум постепенно стихал. Все усаживались поудобнее и выжидающе смотрели на Волошина. Нелегко ему овладеть вниманием аудитории после ошарашивающего заявления Макарова, подумал я.

Но Сергей Сергеевич начал говорить, и я понял, что все еще, видно, недооценивают его способностей и плохо его знают.

— Должен с большим огорчением заметить, что про капитана шхуны «Лолита» Луиса Френэ тут распускали порочащие его, но совершенно не соответствующие действительности слухи, будто он был пьяницей и драчуном, державшим в страхе всю команду. Это совершенно неверно. Капитан Френэ никогда спиртного, кроме грога, в рот не брал и был человеком набожным, даже немножко мистиком. Он никогда не садился за

стол и не ложился спать, не прочитав молитвы. И молитвенник постоянно лежал у него на столе, рядом с куском расплавленного и застывшего в виде лепешки причудливой формы куска олова.

Когда-то это был оловянный кубок, капитан в нем любил готовить грог. И однажды, поздно вечером, поставив кубок с водой для грога на спиртовку, Френэ уснул.

Проснулся он от того, что его обожгла капелька раскаленного металла. Он вскочил и увидел, что вода выкипела, кубок расплавился, металл стек на жестяную тарелку, а спиртовка охвачена огнем. Капитан едва успел набросить на нее одеяло и погасить пламя.

Он лишился кубка, но тот, вовремя разбудив его, спас ему не только судно, но и жизнь. Еще минута — и вспыхнул бы стол, пламя охватило всю каюту. А нет ничего страшнее пожара на корабле.

С тех пор лепешку олова, в которую превратился кубок, суеверный капитан считал талисманом и никогда не расставался с нею, всегда держал на столе и всем удивлявшимся этому рассказывал, как слиток спас ему жизнь и судно и как до сих пор постоянно продолжает приносить удачу.

Разве не чудесный талисман подсказал капитану проснуться и выйти на палубу в ту ночь, когда рулевой заснул и шхуна едва не напоролась на риф? Каким-то чудом капитан в последний момент сумел вывернуть руль. Камни не пропороли днища, только оставили на нем три глубокие зазубрины.

И разве не талисман спас Френэ, когда ночью списанный за пьянство матрос выстрелил с причала прямо в иллюминатор капитанской каюты? Френэ сидел за столом, машинально поглаживая слиток олова, как другие перебирают четки, — и пуля пролетела в каком-то сантиметре от его головы! Разве это не чудо? А тот случай, когда другой матрос пытался взломать сейф, считая, будто капитан обсчитал его? Разве не талисман привел Френэ в каюту как раз вовремя, чтобы задержать грабителя? И не талисман ли помешал безбожному Гансу Вернеке выломать компас из нактоуза, чтобы досадить капитану?

Надо признать, врагов у капитана Френэ, к сожалению, было немало, потому что в деловых вопросах набожность отнюдь не мешала ему при малейшей возможности ловко подставить ножку конкуренту и облапошить его, крепко обнимая при этом, — продолжал неторопливо Волошин, глядя поверх наших голов во тьму за кормой, где покачивались огоньки на мачте «Лолиты». Он словно читал по их танцу историю того, что произошло на борту таинственной шхуны. И такая уверенность звучала в его голосе, точно он был очевидцем этих невероятных событий.

— Вот и в этот тихий вечер капитан любовно пересчитал деньги, вырученные за продажу втридорога контрабандного рома доверчивым островитянам, еще раз прикинул и порадовался, как дешево удалось выторговать большую партию превосходной копры, и ласково, умиленно погладил свой верный талисман. Потом он аккуратно стянул пухлую пачку денег резиночкой и запер её в железный ящик.

Перед сном, как было строго заведено у педантичного капитана, Френэ обошел судно, чтобы лично удостовериться, все

ли в порядке. Пассажиров осталось уже немного, и они давно спали на расстеленных прямо на палубе циновках. Вахтенный стоял у руля.

Правда, на баке, как всегда, резались в карты, а один из матросов пытался подыгрывать на гитаре коку, подбиравшему модную мелодию на аккордеоне.

Капитан Френэ не одобрял азартных игр, как, впрочем, и всех остальных грехов. Но, хорошо понимая, что исправить грешников бессилиен и сам всемогущий господь, он мирился с ними. К тому же среди картежников находился и старый помощник капитана, опытный моряк Джек Пурген, на него Френэ мог положиться, как на самого себя...

— Я не понимаю, чем вызван смех среди части слушателей? — прервал рассказ Сергей Сергеевич, с напускной строгостью осматриваясь по сторонам. — Им кажется смешной фамилия отважного моряка? Довожу до их сведения, что она происходит от английского слова «pure» — чистейший, непорочный. Или эти весельчаки считают, будто пурген — лишь название известного слабительного, так же как «наполеон» — только пирожное?

Невозмутимо выждав, пока смех стихнет, Сергей Сергеевич продолжал:

— Итак, убедившись, что на борту все в порядке и судно можно спокойно оставить на попечение Джека Пургена, азартность которого наверняка заставит его провести за картами всю ночь напролет, капитан отправился спать. Но перед этим он приказал поднять хотя бы один парус, грот, чтобы старенький мотор получил подмогу и удалось бы сэкономить горючего. А остальные паруса можно поберечь, спешить некуда.

Да, кстати, — снова прервал рассказ Волошин, словчо нарочно испытывая наше терпение. — Я обязан опровергнуть и злостные слухи, которые тут прошлым вечером распускали относительно корабельного кока. Звали его не Генри, а Билли, и он вовсе не был ни злобным меланхоликом, ни тем более сумасшедшим. Наоборот, Билли отличался веселым нравом и прекрасно готовил. Его любила вся команда. И если некоторые матросы и грозили порой выбросить Билли за борт, то, конечно, в шутку: когда им становилось уже совсем не вмоготу пиликанье кока на аккордеоне, купленном недавно в Папеэте. К сожалению, в открытом море на маленькой шхуне любителю музыки, только начинающему еще учиться играть на аккордеоне, негде уединиться, так что Билли поневоле занимался этим на палубе, терзая слух товарищей. Но это был, пожалуй, единственный его недостаток.

Итак, помолившись, капитан Френэ спокойно заснул, как невинный младенец в колыбельке, — продолжал Сергей Сергеевич. — Проснулся он от того, что его тряс за плечо верный Джек Пурген.

— Вставайте, хозяин!

Только глянув на его перекошенное лицо, капитан вскочил. Он сразу понял: произошло нечто ужасное. Мало было на свете вещей, способных напугать Джека Пургена. Но сейчас лицо старого моряка было мертвенно-серым.

— Что случилось? — вскрикнул Френэ.

— Скорее на палубу, кэп! Увидите сами.

Не одеваясь, в одних трусах, капитан выскочил вслед за помощником на палубу.

Ночь была безмятежной и ласково-тихой. Легкий ветерок едва надувал парус, негромко, убаюкивающе журчала вода за бортом. Над океаном висела огромная луна, проложив к горизонту серебристую дорожку. Моряки издавна ласково называют ее «дорогой к счастью». Капитан Френэ не мог понять, чем напугала Джека мирная привычная картина ночного тропического океана, отдыхающего от дневного зноя.

Но тут он увидел, что вся команда, побросав карты и забыв о песенках, столпилась у штирборта и зачарованно смотрит куда-то вдаль.

А там, примерно в двух кабельтовых* от «Лолиты», как машинально прикинул Френэ, параллельным курсом шла какая-то шхуна. На ее палубе стояла копящая керосиновая лампа, а возле нее, как недавно и на «Лолите», кружком сидели матросы и резались в карты. На «Лолиту» они почему-то не обращали никакого внимания, словно и не видели ее.

На шхуне приветливо мерцали ходовые огни — рубиновый на клотике фок-мачты, где были подняты все паруса, и белый габортный на корме. Светился мирным сиянием и один из иллюминаторов рубки.

Чем пристальнее всматривался капитан Френэ в шхуну, тем все более знакомой она выглядела. Бинокля у него под рукой не оказалось, но он и не нуждался в нем. Зрение у капитана Френэ было ястребиное.

— Да это же «Марица»! — радостно воскликнул он.

Все матросы посмотрели на него с каким-то странным выражением. А Джек Пурген зловеще произнес:

— Вот именно, кэп.

И все они снова молча уставились на плывущую бок о бок с «Лолитой» шхуну.

И только тут дошел до капитана Френэ весь ужас того, что он видит. Конечно, это была «Марица». Но откуда она взялась тут, рядом с ними? Ведь она покинула Папезте на три дня раньше «Лолиты». И направилась совсем в другую сторону, на запад — к берегам Новой Каледонии. С тех пор минуло уже девять дней. «Марица» должна сейчас находиться, по крайней мере, где-то за тысячу миль к западу отсюда.

Почему же она плывет рядом с «Лолитой»?!

И тут вторая совершенно загадочная и непонятная странность вдруг бросилась в глаза капитану Френэ. Море вокруг «Лолиты» было тихим, словно безмятежно спящим. А «Марица» переваливалась с волны на волну, вспарывая их форштевнем. Ее отделяло от «Лолиты» не более двух кабельтовых. Но там, где она плыла, ветер был заметно сильнее. Он туго надувал паруса «Марицы». Волна вокруг неведомо как оказавшейся здесь шхуны была не меньше трех баллов. «Марица» словно несла с собой частицу неизвестно откуда взявшегося шторма...

* Кабельтов — морская мера длины, равная одной десятой морской мили: 185,2 метра.

Как опытный рассказчик, Волошин постепенно менял тон рассказа. Он становился более нервным, отрывистым. И все большее напряжение овладевало слушателями, это было заметно по их лицам.

— Этого капитан Френэ никак постигнуть не мог. Да и никто из матросов ничего не понимал, хотя они и давно плавали по Великому океану и повидали немало всякого.

Объяснение могло быть одно: они видели чудо. Причем чудо пугающее, зловещее, страшное. Оно явно предвещало несчастье!

Кто-то всхлипнул. Кто-то испуганно вскрикнул... И все, не сговариваясь, рухнули на колени и начали горячо молиться сразу и пресвятой деве, и всем древним полинезийским богам.

Капитан Френэ молился пламеннее всех, потому что уж он-то понял, за что преследует их ужасное видение. Ведь перед самым отплытием «Марицы» в дальний рейс он ловко обманул ее капитана, простака Дюрана, продав ему за настоящий фальшивый жемчуг. Френэ рассчитывал, что Дюран уходит в далекий рейс и вернется не скоро. А может, даст бог, и вовсе не вернется, ведь в дальних плаваниях всякое бывает...

Но он вернулся, и очень скоро! И, боже, как необычно!

Если бы матросы знали о проделке своего капитана, они бы сейчас, не колеблясь, швырнули Френэ за борт. К счастью, они кажется, ничего не знают. Хотя и поглядывают на капитана косо. Ведь прежние его грешки они не забыли и не любят своего святошу капитана.

А от пресвятой девы ведь ничего не скроешь! Она-то прекрасно знает о грехе Френэ, недаром и явила ему зловещее зрелище шхуны обманутого им Дюрана, идущей наперегонки с «Лолитой» под надутыми свежим ветром парусами по все крепчающей волне, когда на самом деле океан вокруг тих, не шелохнется!

И капитан Френэ молил пресвятую деву все горячее, все неистовей, почти распластавшись ниц на грязной палубе. Он клял-

ся в душе никогда более не грешить ни в большом, ни в малом.

И молитву его услышала пресвятая дева.

С невыразимым облегчением капитан Френэ вдруг увидел, как подхваченная дувшим лишь в ее паруса загадочным ветром «Марица» понеслась вперед все быстрее и начала заметно обгонять «Лолиту».

Вот уже она почти скрылась из глаз...

Они еще оставались на коленях. Но уже начали переглядываться и обмениваться восторженными возгласами о подробностях только что пережитого удивительного чуда.

И вдруг у всех невольно вырвался крик ужаса.

Совсем уже было скрывшаяся вдали «Марица» неожиданно резко развернулась и понеслась под всеми парусами прямо на «Лолиту»!

Некогда было пытаться понять, каким образом вдруг так внезапно мог переменить направление ветер, мчавший «Марицу» к «Лолите», вокруг которой море непонятным образом оставалось по-прежнему совершенно спокойным! Это было чудо, теперь не оставалось ни малейших сомнений, — и чудо ужасное!..

Разгоравшиеся и затухавшие там и тут огоньки сигарет и отблеск ламп в глазах слушателей придавали какую-то особую волнующую атмосферу рассказываемой необычной истории.

А в темноте за кормой, словно подтверждая ее, кивали и подмигивали, раскачиваясь на мачте, тревожные рубиновые огоньки «Лолиты».

— С дикими криками матросы бросились спускать шлюпку, чтобы успеть отплыть подальше от «Лолиты», пока не покарали ее небеса, столкнув со стремительно приближающейся «Марицей», и шлюпка мигом отвалила от шхуны.

«Постойте, подождите меня, я только сбегаю в каюту, возьму деньги! — закричал капитан Френэ. — Я сейчас».

«Будь ты проклят! И твои деньги тоже!»

Один из матросов, малаец, даже замахнулся на Френэ криком. Но верный Джек Пурген выбил кривой кинжал у него из рук и еще раз спас своего капитана.

«Прыгайте в шлюпку, а то уйдем без вас!» — кричали им снизу матросы.

«Его и стоит оставить на борту, а то он потопит своими грехами и шлюпку».

«Верно, отчаливай!»

В последнюю минуту капитан Френэ успел прыгнуть в шлюпку, прямо на головы осыпавших его проклятиями матросов.

«Греби, греби, ребята!» — кричал сидевший на руле Джек, испуганно оглядываясь назад.

Но гребцов нечего было подгонять. Весла у них в руках так и трещали. Они успели отплыть достаточно далеко от своей проклятой небесами шхуны. Остановились на миг, чтобы посмотреть, как «Марица» врежется в нее.

И стали очевидцами еще одного чуда. «Марица» врезалась в «Лолиту», но без малейшего шума и треска.

И пронзила ее насквозь. Прошла сквозь их шхуну, как разрезает подогретый нож кусок тающего масла...

Это было чудесное видение, ниспосланное небесами, призрачное судно. Теперь не оставалось ни у кого малейших сомнений. Они стали свидетелями чуда!

Совершенно потрясенные, они смотрели, как «Марица» под всеми парусами уносится вдаль, подмигивая им ходовыми огнями. На ее палубе матросы как ни в чем не бывало по-прежнему играли в карты. Мирно светился иллюминатор рубки.

Они провожали взглядами призрачную «Марицу», пока ее огоньки окончательно не скрылись в ночи, не растаяли в лунном сиянии.

Их привела немножко в себя волна, вдруг качнувшая шлюпку. Поднимался ветер, словно принесенный сюда «Марицей».

Капитан Френэ оглянулся и всплеснул руками. И все оглянулись и увидели: пока они ужасались непонятным, загадочным чудом, их собственную шхуну уже унесло далеко от шлюпки. Ведь они в дикой панике и спешке забыли спустить парус...

И только тут до капитана Френэ дошло, что он оставил в каюте заветный талисман! Неудивительно, что небо покарало его. Надо во что бы то ни стало вернуть талисман и вместе с ним удачу!

А ветер все крепчал, гоня от них прочь родную «Лолиту».

«Греби, греби, ребята!» — неистово завопил капитан Френэ.

Но разве могла тяжелая шлюпка догнать шхуну с поднятым парусом?

И вскоре «Лолита» скрылась вдали, тоже растаяла, как видение, в лунном сиянии. А они остались, затерянные в океане без пищи и пресной воды в старой разохшейся шлюпке...

Волошин замолчал, неторопливо налил из термоса в сразу запотевший стакан ледяного лимонада и начал пить маленькими глотками.

Все помолчали, потом Макаров сказал:

— Мы материалисты и в чудеса не верим. Ждем объяснений, Сергей Сергеевич.

Волошин пожал плечами и невозмутимо ответил:

— Я думал, разгадка окажется понятной каждому, кто еще не забыл хотя бы школьный курс физики. Разумеется, никакой мистики. Их напугал самый обыкновенный мираж, классическая фата-моргана.

Слушатели негодуя зашумели:

— Вы по обыкновению чуть-чуть приукрасили, Сергей Сергеевич, это нечестно!

— Ну зачем упрекать нашего общего друга так грубо, — насмешливо сказал Макаров. — Лучше выразиться о его неблагоприятном поступке словами весьма вежливой восточной пословицы: «Он рассказал больше, чем видел и знал».

А Сергей Сергеевич невозмутимо прихлебывал лимонад, выжидая, когда остряки исчерпают запас шуточек и настанет тишина.

— Как вам, должно быть, известно из школьного курса физики, — наставительно начал он, — миражи возникают оттого, что слои атмосферы имеют различную плотность и поэтому по-разному преломляют световые лучи. Возникающие из-за этого миражи бывают порой совершенно поразительны и распространяются на сотни и даже тысячи километров. Это вам может подтвердить профессор Суворов или любой из его коллег-метеорологов. Я не стану утомлять вас многими примерами. Приведу лишь один, имеющий самое непосредственное отношение к рассказанной мною истории. Описал его известный исследователь миражей Бедиге.

И, открыв лежавший перед ним какой-то журнал, Сергей Сергеевич начал читать:

— «В ночь на 27 марта 1898 года среди Тихого океана экипаж бременского судна «Матадор» (капитан Геркнес) был немало напуган замечательной фата-морганой. Прямо на «Матадор» неслось судно, не в опрокинутом виде, как часто бывает в подобных отражениях, а совершенно прямо, стоя на своем киле, отчего иллюзия получалась полная. В седьмую склянку ночи — иначе за полчаса до полуночи — вахтенный заметил на подветренной стороне, приблизительно в двух милях, большое парусное судно, борющееся со штормом. Это обстоятельство особенно привлекло внимание экипажа «Матадора», так как океан кругом на огромном пространстве был совершенно спокоен и гладок, как зеркало. Между тем известное судно, очевидно, напрягало все силы в борьбе с разыгравшейся стихией.

Несмотря на то, что вокруг «Матадора» был полный штиль, капитан Геркнес, опасаясь, что неизвестное судно, как он потом выразился, может «принести с собою ветер», распорядился немедленно зарифить все паруса. Матросы, не будучи в силах уяснить разыгравшееся на их глазах «сверхъестественное зрелище», столпились на палубе с бледными лицами в боязливом ожидании какой-нибудь страшной развязки.

Между тем «призрачный» корабль внезапно переменил курс и очутился прямо перед бушпритом «Матадора». Все схватились друг за друга в ожидании неизбежного, по-видимому, столкновения. Некоторые матросы собирались броситься за борт. Но вот загадочное судно опять меняет курс и в кабельтове расстояния пересекает путь «Матадору».

В то время как оно на парусах и с натянутыми, как струны, снастями улетало в южном направлении, унося с собою волны и ветер, на «Матадоре» увидели, что яркий свет в капитанской каюте на корме, видневшийся все время сквозь два иллюминатора, внезапно потух, а через минуту исчезло и таинственное судно...»

Прошу обратить внимание на эту подробность с внезапно потухшим светом, — прервав чтение, сказал Сергей Сергеевич: — Оно имеет важное значение, — и продолжал читать:

— «Дело разъяснилось в порту Колатеа Буэна (Чили). Тождественность отраженного судна была установлена, когда капитан Геркнес познакомился с рапортом капитана одного датского судна, заходившего сюда за три недели до прихода «Матадора». По словам рапорта, в ночь на 27 марта, около полуночи, во время сильного шторма, в капитанской каюте произошел взрыв лампы, причем старший штурман получил сильные ожоги.

Итак, обе даты совпали, а из дальнейших справок выяснилось, что мираж, несомненно, был отражением именно этого датского судна. Из карты за март было установлено, что в описываемое время в той части океана, где оно находилось, действительно разразился сильный шторм. Ученых давно занимает вопрос, как далеко может вообще передаваться воздушное отражение. Когда сличили время и градусы долготы двух судов, оказалось, что расстояние между ними во время появления миража равнялось 930 милям, то есть примерно 1700 километрам...»

Закрыв журнал, Сергей Сергеевич сказал:

— Как видите, мне почти ничего не пришлось домысливать к этому поразительному, но совершенно достоверному случаю — разве только разработать характеры героев, чтобы герои повели себя в такой ситуации соответственно моему замыслу. А научную основу я нашел готовенькой, листая вчера в библиотеке все тот же журнал «Наука и жизнь», который так любит наш уважаемый Иван Андреевич, — в номере первом за 1963 год, в статье известного знатока миражей профессора Бернштейна. Она очень интересна, советую ознакомиться с нею каждому.

— Н-да, — протянул Макаров, почесывая затылок, — хотя источник, по выражению самого Сергея Сергеевича, и «не академический», придется, пожалуй, эту невероятную историю принять.

Однако вид у Ивана Андреевича при этом был хитрющий, а смирение явно напускным. И вдобавок он тут же, ухмыляясь, начал что-то записывать в блокнот.

— Ну что же, — сказал Волошин, — Владимир Васильевич, очередь за вами. Прошу.

— Я буду краток, — сказал секунд, доставая из кармана несколько смятых листочков бумаги и нервно разглаживая их. — Я не литератор, больше привык докладные писать. Прошу учесть.

— Ладно, ладно, бросьте нас запугивать, — подбодрил его Волошин. — Послушаем вашу «докладную».

— «Парусно-моторная шхуна «Лолита» возвращалась в Папезте из очередного рейса к островам архипелага Россиян и Мангарева, — осипшим от волнения голосом начал секунд. —

Мотор у нее был старый, давно не ремонтировался, тянул плохо. Ветер свежел. Чтобы помочь мотору, поставили грот, и шхуна ходко бежала курсом галфвинд правого галса*. Правда, небрежная постанова лишь одного паруса заставляла шхуну рыскать, но это никого особенно не беспокоило. Порядка на «Лолите» всегда было мало.

Матросы играли в карты на баке. Развлекая их, капитан Френэ пиликал на аккордеоне, а суперкарго бренчал на гитаре. Настроение у всех было отличное. Им удалось выгодно купить большую партию копры, подработать на доставке пассажиров. И скоро они будут дома, в Папезте. Оставалось лишь забежать на острова Дюк-оф-Глостер, куда капитан обещал привезти несколько бочонков контрабандного спирта. Они тоже предвещали хорошую прибыль.

За обедом капитан расщедрился до того, что разрешил отлить спирта из одного бочонка, и все изрядно выпили. Крышку люка кормового трюма даже не удосужились закрыть. Все знали, что капитан ругаться не станет. А приоткрытая крышка люка, вполне возможно, подскажет ему, что неплохо бы выпить еще.

Из своего закутка, заменявшего камбуз, выглянул заспанный кок. Выбросил за борт мусор и с ведром в руках подошел к игрокам. Некоторое время он наблюдал за игрой, давая насмешливые советы, потом лениво направился было к себе на камбуз готовить обед, как вдруг остановился и воскликнул:

«Эй, ребята, кажется, бог послал нам кальмара! Попал в чьи-то сети, порвал их, да застрял и теперь плывет к нам. Надо подцепить его багром. Я приготовлю вам роскошный ужин».

Никто из игроков в карты не обратил внимания на его слова. Капитан Френэ, не отрываясь от аккордеона, сказал:

«Неплохая мысль. Возьми багор и подцепи его».

«Да он плывет в стороне, не дотянуться».

«Скажи Джону, чтобы выключил мотор и подвернул к нему».

Кок подошел к рулевому и сказал:

«Видишь, там, правее, плывет кальмар, запутавшийся в сети? Выключи мотор, подверни к нему, а я подцеплю его багром. Будет знатный ужин».

Рулевой остановил мотор, лениво переложил штурвал. Кок с багром в руках направился на нос, чтобы подцепить посланную небесами неожиданную добычу. И вдруг, швырнув багор в воду, кинулся бежать на корму с диким криком:

«Левее! Бери скорее левее!»

Игроки вскочили, побросав и карты, и гитару, и аккордеон.

«Что случилось?» — заорал капитан, бросаясь к штирборту.

И тут же отшатнулся, тоже бросился бежать на корму, выкрикивая на бегу:

«Идиот! Какой кальмар, это же мина! Лево руля!»

Но было уже поздно. Запутавшаяся в обрывке капроновых рыбачьих сетей черная рогатая мина, принятая коком за кальмара, неуклонно приближалась к форштевню шхуны. Видимо, она где-то застряла в сети, но рыбаки сумели вовремя заметить ее, обрезать кусок сети и спастись от рогатой смерти.

* «Галфвинд правого галса» означает, что ветер дует прямо или почти прямо (в пределах угла от 80 до 100°) в правый борт судна.

Теперь она угрожала «Лолите».

Капитан сам навалился на штурвал. Но было поздно.

Правда, ему все же удалось в последний момент отвернуть шхуну так, что мина не ударилась о форштевень, а лишь легонько коснулась его.

Взрыва не последовало. Но он мог произойти в любую минуту, потому что обрывок сети зацепился за форштевень шхуны, на котором частые столкновения с рифами оставили три глубокие зазубрины.

Любая волна, ударив чуть сильнее, могла бы стукнуть мину о борт «Лолиты» — и тогда шхуну разнесло бы в клочья.

Это было ясно всем. И все, не сговариваясь, кинулись спускать шлюпку, попрыгали в нее и навалились на весла...

Тут я вдруг с изумлением заметил, что капитан, как и вчера, незаметно присоединился к слушателям, присел опять в сторонке и даже делает какие-то пометки в записной книжке, с явным неодобрением покачивая головой. Какие неувязки подметил он в рассказе второго штурмана?

— «Они хотели отойти на всякий случай на безопасное расстояние, но недалеко, — продолжал Володя. — Ведь шхуна все продолжает отвертывать влево. Вполне возможно, волна отцепит от форштевня сеть с застрявшей в ней миной. Взрыва не произойдет. Мина скользнет вдоль борта шхуны, и они спокойно вернутся на «Лолиту». Так ведь вполне может случиться...

Казалось, бог услышал их мольбы. Им повезло. Так и вышло, как они надеялись. Да не совсем так...

Они увидели, как обрывок сети с застрявшей миной действительно легким всплеском волны оторвало от борта шхуны. Все радостно закричали.

Но тут же смолкли, увидев, что роковую смерть теперь несет ветром и течением прямо на шлюпку!

«Греби, ребята! Греби! Навались!» — закричал капитан, сидевший на руле.

В несколько гребков они отошли на безопасное расстояние. Медленно покачиваясь на волнах, мина проплыла мимо...

Все облегченно вздохнули, начали переговариваться, подшучивать друг над другом. Но вдруг суперкарго воскликнул:

«Смотрите, а шхуна?!»

Они увидели, что «Лолита», о которой все забыли, спасаясь от мины, уже ушла довольно далеко. До нее было не меньше трех кабельтовых. Ветер свежел, и шла она теперь ходко полным курсом фордевинд*.

Все они были опытными моряками и хорошо понимали: догнать «Лолиту» на тяжелой, с широкими обводами самодельной шлюпке немыслимо.

Им оставалось лишь молча провожать шхуну взглядами, оставшись в океане без пищи и пресной воды...»

Кончив читать, секонд сложил листочки, нервно сунул их в карман и, не поднимая от смущения головы, глуховато сказал:

— Ну, всякие мелочи, вроде топора и кинжала, валяющихся на грязной палубе, незакрытой крышки люка, дырок в иллюминаторе и двери каюты, остатков еды в грязных тарелках, повреждений нактоуза и следов взлома денежного ящика — это, по-моему, как уже отмечалось, просто признаки разгильдяйства и недисциплинированности, явно царивших на шхуне. Что касается доказательств моей гипотезы, то напомним: при осмотре форштевня шхуны я обнаружил, как указано в акте, три довольно глубокие зазубрины. полученные, видимо, при нередких в здешних водах столкновениях с рифами. Причем в самой глубокой зазубрине, расположенной на ватерлинии, застряли обрывки капроновой сети, болтающиеся по обеим сторонам форштевня. Ну а относительно того, что в рыбацьи сети могут запутываться мины, сошлюсь на собственный опыт. Мне довелось проводить несколько операций по обезвреживанию таких мин.

— Где? На Балтике? — вдруг спросил капитан, разжигая погасшую трубку.

— На Балтике, — ответил секонд.

— Вы когда там служили?

— В пятьдесят пятом — пятьдесят шестом, Аркадий Платонович.

Капитан удовлетворенно кивнул.

— Ну что же, поблагодарим Владимира Васильевича за интересный рассказ и закроем заседание, — сказал, вставая, Волшин. — И, похоже, оно было последним. Завтра мы, видимо, встретимся с буксиром, передадим ему «Лолиту» с ее загадками, и можно будет подводить итоги конкурса. А сейчас: спокойной ночи!

Все стали расходиться. А я опять задержался, чтобы выкурить на корме последнюю сигарету, любуясь огоньками «Лолиты», плавно раскачивающимися над темной водой.

Что же на ней все-таки произошло? После выслушанных нами историй загадка покинутой шхуны не разъяснилась, а стала еще гомительней.

Какому из четырех рассказов отдать предпочтение? И какой из них ближе к истине? Оригинальны и занимательны они все. Даже история, рассказанная секондом, пожалуй, не уступит

* Фордевинд — когда ветер дует прямо в корму или под небольшим углом к ней.

другим, хотя не было в ней ни сумасшедших коков, ни шаровых молний и миражей.

Но и в ней была неожиданная выдумка. И кроме того, она привлекала неподдельным драматизмом. Бывает, простая житейская история порой захватывает и увлекает сильнее красочной сказочки, придуманной опытным рассказчиком.

А вот Волошин схитрил. Раскопал такую занимательную историю, что ему действительно почти ничего не пришлось к ней прибавить, только по-новому наметил характер капитана-святоши. Словчил Сергей Сергеевич!

И вдруг я понял, почему он так поступил: даже его богатое воображение никак не могло представить, что же произошло на «Лолите».

И тут, словно дух, которого я вызвал этими мыслями, как заклинанием, Сергей Сергеевич подошел ко мне и спросил:

— О чем опять философствуете на корме, Николаевич?

— На сей раз я думал о вас, Сергей Сергеевич. О том, что вы! словчили, отделались занимательной сказочкой, а сами, конечно, в нее ни на миг не поверили. И кажется, я понял почему.

— Почему?

— Потому что для вас оказались слишком непонятны и во многом противоречивы странности, обнаруженные на шхуне. Ваша логика ученого никак не может связать их воедино. И поэтому даже ваша прославленная фантазия спасовала. Конечно, рассказанная вами история занимательна. И вы легко мотивировали и появление дырки в иллюминаторе, и следы взлома нактоуза и сейфа, и появление на палубе криси, выбитого из руки матроса-малайца в последний момент. Даже о зазубринах на днище шхуны вы не забыли, как все остальные рассказчики, кроме Володи, именно вокруг них построившего свою историю. И с кубком, расплавившимся и превратившимся в талисман суеверного святоши, тоже неплохо придумано. А вот о простых, но тоже загадочных вещах вы забыли. Почему не закрыта крышка люка? Ваш Френэ не допустил бы такого беспорядка. И зачем валялся на палубе топор, на лезвии которого вы же сами при осмотре «Лолиты» обнаружили якобы пятна крови? Не вяжется он, к сожалению, с миражем. И хоть морских терминов вставили вы в свою историю для убедительности с избытком: тут и кабельтов, и клотик, и гакабортный белый огонь — все равно остается она сказочкой, вы же сами прекрасно знаете.

Волошин помолчал и вдруг ответил, тихонько засмеявшись:

— Пожалуй, вы правы, Николаевич, — и это тоже было необычным для него. — Признаюсь честно, я действительно озадачен и даже слегка растерян. Никак не могу понять, что же произошло на проклятой шхуне.

Потом он задумчиво добавил:

— Помните, мы философствовали вчера об отважных моряках, так же, как и во времена Магеллана и древних греков, странствующих на своих утлых доу — «одинокое в ночном море»? Так вот, есть у них еще одна поучительная пословица.

— Какая?

— «Нет чертей, кроме тех, которые выдуманы...»

— Вы хотите сказать, загадка «Лолиты» гораздо проще тех занимательных историй, что мы слышали?

— Вероятно.

— И вы в самом деле не можете всерьез, а не ради оригинальности, даже предположить, что же на ней произошло?

— Вряд ли мы когда-нибудь это узнаем, — вздохнул он.

Насколько я его знаю, Сергей Сергеевич, хотя и любит немножко похвастать своей эрудицией, действительно много знает, умеет хорошо мыслить и ошибается редко. Но, как показали дальнейшие события, на сей раз он, к счастью, ошибся...

На следующий день, около полудня, мы увидели спешивший нам навстречу небольшой буксирный катер. На его носу красовалось гордое название «Посейдон».

«Богатырь» остановился, «бог морей» тоже лег в дрейф. С него спустили шлюпку, и через несколько минут к нам на борт поднялись двое гостей: щеголеватый молодой негр в капитанской фуражке, в ослепительно белой нейлоновой рубашке и, несмотря на жару, при галстуке, и рыжеватый высокий человек.

— Комиссар Мегрэ, — представился он.

Он расхохотался, довольный нашим изумлением, и сказал:

— О нет, не пугайтесь, господа. Я пошутил. Я всего-навсего Гастон Рузе, инспектор морской полиции.

Секонд со смехом перевел его слова.

Был инспектор молод, в шортах и пестрой рубашке навыпуск, весел и говорлив и решительно ничем не напоминал детектива, какими их изображают в романах. Он поминутно острил и сам первый заливался хохотом, сдвинув на самый затылок пробковый тропический шлем и выставив рыжий непокорный чуб, с ходу рассказал парочку весьма фривольных анекдотов. Володя едва успевал их переводить.

Осматривать шхуну Гастон Рузе решительно отказался.

— О, у меня окажется достаточно времени ее осмотреть и облазить с лупой всю палубу, как полагается детективам в романах, пока мы будем шлепать в Папезте, — беззаботно отмахнулся он.

Володя с улыбкой переводил его слова:

— Я уединюсь на шхуне, и никто не станет мне мешать — ни осматривать ее, ни ломать голову над кошмарной загадкой. К тому же в капитанской каюте наверняка найдется хоть одна бутылка рома, верно? Надо будет проверить, не отравлен ли он. А принятый в должном количестве, этот напиток помогает разрешать самые запутанные загадки.

Капитан-негр отправился с визитом к Аркадию Платоновичу, а инспектор, Волошин и секонд прошли в курительный салон. Я присоединился к ним. Тут мы угостили гостя армянским коньячком, выданным строгим начпродом по специальному разрешению капитана, и кофе и вручили ему два экземпляра акта осмотра шхуны; первый, украшенный нашими подписями и судовой печатью, и его перевод на французский язык, сделанный Володей.

Инспектор просмотрел акт весьма бегло, явно больше из вежливости, и отложил в сторону, с удовольствием смакуя коньяк. Только на одном месте он задержался, задумался и даже пере-

читал этот кусочек снова. Но что привлекло его внимание, он не сказал, а спрашивать было неудобно.

— Как, по-вашему, мосье Рузе, что же с ними могло произойти, с экипажем шхуны? — все-таки не выдержал я.

Секонд перевел мой вопрос и ответ инспектора:

— Пока сказать трудно. Я гадать не люблю, даже на коньяке, не то что на кофейной гуще.

Инспектор помолчал, задумчиво разглядывая на свет золотистый коньяк в бокале.

— О! Не уступит нашему прославленному мартелю, — перевел Володя его восторженное восклицание.

— Попробуем все-таки разобраться в том, что же с ней случилось, — продолжал инспектор без особой уверенности, а Володя переводил его слова. — Пока, к сожалению, мы выяснили немного. Капитаном на ней был Луис Френэ, как вы уже знаете. Моряк опытный, хотя и любитель выпить, иногда и подраться. Суперкарго у него служил Томас Даунинг. Вышли они из Папезте 15 мая, имея на борту, кроме девяти членов команды и кока, еще около сорока пассажиров.

— Ого! Где же они размещались? — поинтересовался Волошин.

— О, местные жители весьма неприхотливы, — перевел секонд беззаботный ответ француза. — Они могут спать на палубе буквально друг на друге. Были, правда, среди пассажиров и трое белых, помещавшихся, видимо, в одной из кают. Миссионер отец Ригэ, плывший на острова Дюк-оф-Глостер, и каких-то два авантюриста, собиравшихся искать клад, якобы зарытый пиратами на каком-то необитаемом острове. Название его они тщательно скрывали. Личность их мы пытаемся выяснить, так же как и точный маршрут «Лолиты». К сожалению, мы пока не знаем и его. Хотя существуют строжайшие требования о том, что перед выходом в море каждый шкипер обязан вывесить расписание рейса на почтамте Папезте, по-моему, еще не было примера, чтобы кто-нибудь его исполнил. В крайнем случае, вывешивают заведомо лживое расписание, только усложняя нашу работу.

— Почему они так делают? — удивился Волошин.

— Ну, во-первых, один удачный рейс позволяет заработать лишь на копре до двухсот пятидесяти тысяч местных франков. А если тебя опередят, сплаваешь впустую. Понятно поэтому, что каждый шкипер боится, как бы о его маршруте не пронюхали конкуренты и не опередили бы его. А кроме того, помимо вполне легальных товаров, какие они доставляют островитянам, каждая шхуна непременно везет и какую-нибудь контрабанду — вроде спирта, как «Лолита».

Глотнув еще коньяку, инспектор сказал:

— Известно, что «Лолита» вышла из Папезте 15 мая. Она побывала на главном из островов Дюк-оф-Глостер, где высадила большую часть пассажиров и взяла немного копры, потом на атоллах Хикуфу и Хао... Дальше путь ее теряется. Последнее место, где ее видели двадцать второго июня, — это остров Моране, или Кадмус, как он обозначен на некоторых картах. Куда она направилась дальше, мы не знаем. Возможно, к архипелагу Мангарева, поскольку еще не был распродан весь спирт.

Но с таким же успехом они могли и отправиться продавать его на Маркизские острова. Как видите, мне приходится решать задачу, состоящую, собственно, из одних неизвестных, — перевел секонд его слова.

— М-да, — посочувствовал Волошин.

— Ну, не стану вас задерживать, а то вашему судну и так пришлось изменить курс, таща нам навстречу эту злосчастную «Лолиту», — сказал француз, с явным сожалением посмотрев на опустевшую коньячную бутылку и вставая. — Мне бы хотелось лично поблагодарить капитана и обратиться к нему с одной маленькой просьбой. Это возможно?

— Пожалуйста, — сказал Володя. — Я сейчас ему доложу.

— Прошу вас. И если можно, принесите, пожалуйста, карту.

Секонд ушел, а мы снова сели в удобные кресла и закурили. Без переводчика нам оставалось лишь обмениваться приветливыми взглядами и улыбаться.

В салон вошел капитан в сопровождении секонда, несущего под мышкой толстый сверток штурманских карт. Француз поспешно вскочил и, учтиво склонив голову, поблагодарил капитана за то, что он так любезно согласился отбуксировать «Лолиту» навстречу спасательному катеру. Володя переводил его слова, расстилая карты на столе.

Помолчав, инспектор произнес скорее утвердительно, чем просительно:

— Я не сомневаюсь, в вахтенном журнале сделаны все соответствующие записи с того момента, как вы заметили брошенное судно — с точным указанием времени?

— Разумеется, — кивнул капитан.

— А кто в это время нес вахту? — перевел Володя очередной вопрос инспектора и тут же ответил ему:

— Я.

Француз что-то обрадованно начал ему говорить, поглаживая по плечу.

Володя кивнул и пояснил капитану:

— Он просит потом разрешения побеседовать со мной отдельно, задать несколько вопросов о деталях встречи с «Лолитой».

— Пожалуйста.

— Вы обнаружили «Лолиту» шестого июля примерно здесь? — инспектор ткнул карандашом в голубые просторы на карте.

— Да. Точные координаты записаны в судовом журнале.

— Это через две недели после того, как она покинула остров Моране, — перевел секонд слова инспектора, задумчиво изучающего карту. — По прямой от него до места randevu с вами примерно миль двести сорок — двести пятьдесят?

Капитан кивнул.

— Как вы считаете, господа, — повернулся с легким поклоном француз к капитану и секонду, — учитывая, что все это время стояла почти штилевая погода, — могла ли «Лолита» за эти две недели заходить еще куда-нибудь?

— Вряд ли, — ответил капитан, и секонд, переводя его слова, тоже покачал головой.

— Но вы предложите ему, если хочет, еще посоветоваться со специалистами по метеорологии и океанографии, — добавил ка-

питан. — Скажите: насколько мне известно, профессора Лунин и Суворов заинтересовались маршрутом «Лолиты» и делали кое-какие расчеты.

Секонд перевел слова Аркадия Платоновича французу. Тот обрадованно закивал и начал благодарить.

Капитан ушел. Француз с Володей уединились в уголке салона. Я, чтобы им не мешать, вышел на палубу. Беседовали они довольно долго, затем секонд проводил гостя к ученым.

Потом я узнал, что Лунин и Суворов подтвердили мнение капитана о том, что «Лолита» вряд ли могла успеть зайти еще куда-нибудь после острова Моране до того, как ее по неведомой причине покинула команда, иначе бы мы с нею разминулись в океане.

— А тебя о чем он допрашивал? — спросил я у Володи.

— Да все об этом втором суденышке, что виднелось на горизонте, когда я впервые заметил «Лолиту». Чего оно его так заинтересовало? Далеко ли оно было от «Лолиты», в какую сторону направлялось, быстро ли ушло. Пустяки всякие. Пошли обедать, а то кэп всыпет за опоздание.

Мы отыскиали на палубе француза и поспешили в кают-компанию, где все уже давно томились в ожидании. Володя представил гостя.

Негр — капитан буксира торжественно восседал рядом с Аркадием Платоновичем, явно весьма польщенный таким уважением и честью.

Гастон Рузе раскланялся, сел рядом с секондом и только потянулся за селедкой, поданной на закуску, как вдруг попугай, словно обрадовавшись его появлению, громче обычного выкрикнул свою загадочную фразу.

Инспектор удивленно посмотрел на попугая, потом постепенно веселеющим взглядом на нас и расхохотался.

— Вы поняли, что он говорит? — спросил Волошин.

— Конечно!

— Наконец-то! — облегченно пробасил Макаров. — А то мы все извелись в догадках, что же без конца повторяет проклятая птица. На каком языке она говорит?

— На полинезийском, — ответил инспектор, с трудом сдерживая смех. — На таитянском диалекте.

— А что именно? — с подозрением спросил Волошин.

Инспектор не выдержал и расхохотался вновь.

— О, прошу извинить, — наконец выговорил он. — Эта милая птичка, как бы сказать, видимо, большую часть жизни провела в каком-то заведении известного сорта... Назовем его, скажем, пансионом для неблагородных девиц. И видимо, там она часто слышала и затвердила одно весьма недвусмысленное предложение. Я никак не решаюсь повторить его при дамах.

Когда Володя перевел слова француза, посуда на столах зазвенела от общего дружного хохота, как во время хорошего шторма.

После обильного обеда гость начал торжественно прощаться со всеми и опять раскланиваться и благодарить. Особо он поблагодарил мосье Волошина за столь полное описание всех странностей и загадок, обнаруженных нами на шхуне, и за меры, принятые им, как сказал мосье Кушнеренко, для сохра-

нения всего именно в том положении, в каком оно было найдено, — но глаза инспектора при этом откровенно смеялись.

И тут Сергей Сергеевич торжественно протянул ему аккуратно перевязанный пакет.

Француз просиял, вероятно, подумав, что ему презентуют на память, по крайней мере, бутылку так понравившегося коньяка. И тут же сник, услышав слова Волошина, переведенные ему секундом:

— Мы сохранили в холодильнике пробы пищи, оставшейся на тарелках на шхуне. Анализ показал в них присутствие мышьяка.

— О! Благодарю вас, мосье! — перевел секунд ответ инспектора. Но при этом Гастон смотрел на пакет с таким отвращением, что не оставалось никаких сомнений: расставшись с нами, он немедленно вышвырнет его за борт.

А Волошин уже подавал ему довольно пухлую папку, говоря секунду:

— Володя, расскажите ему коротенько о конкурсе, который мы провели, и объясните, что здесь переведенные вами специально на французский язык краткие конспекты историй, сочиненных фантазерами. Может, они ему пригодятся.

Секунд начал объяснять Гастону Рузе, что находится в папке. У того на лице появлялось выражение все более возраставшего удивления и тревоги. Посмотрев на папку с явным испугом, он покачал головой, но, ничего не сказав, сунул ее под мышку.

— Скажите ему также, Володя, что мы будем весьма признательны, если он найдет время хотя бы коротенько сообщить о результатах своего расследования, — добавил Волошин, наслаждаясь растерянностью полицейского. — Там указан мой ленинградский адрес.

Наконец француз со всеми распрощался и направился к трапу вслед за негром-капитаном. Шлюпка отчалила и направилась к спасательному катеру. Мы махали веселому сыщику.

Удастся ли ему разгадать тайну «Лолиты»?

«Богатырь» дал басистый прощальный гудок, и мы двинулись вперед, рассекая форштевнем волны. Свежий ветерок развеивал у нас на мачте бело-голубой вымпел с изображением двух перекрещенных якорьков, над которыми было написано: «Академия наук СССР».

А спасательный катер, прощально взревев сиреной, поплыл в другую сторону — туда, где прятался за горизонтом сказочный остров Таити, который мы так и не увидим.

И на буксире за катером, покачиваясь на волнах, уходила от нас «Лолита».

Мы провожали ее взглядами, пока она не исчезла в сверкающей дали — там, где океан незаметно сливается с небом.

На следующий день за обедом Волошин торжественно объявил, что вечером после ужина там же, на палубе, под вертолетной площадкой, будут заслушаны замечания и возражения по рассказанным историям, а затем состоится присуждение премии путем тайного голосования, так что он просит всех приготовиться.

Обед прошел в непривычной тишине. Я несколько раз ловил себя на мысли, что в кают-компании чего-то не хватает.

И вдруг понял: загадочного выкрика попугая! Он как бы то

и дело напоминал нам о тайне «Лолиты». А теперь уплыл вместе с нею. Жаль, попукая нам явно не хватало.

После обеда все, конечно, размышляли, какой же из выслушанных нами историй отдать предпочтение за оригинальность выдумки. Решить это было не так-то просто.

Что касается оригинальности, я, пожалуй, пальму первенства все же отдал бы рассказу Бой-Жилинского, несмотря на его зловещую мрачность. Но уж больно драматичными были переживания кока, отравившего в припадке помрачения сознания всех товарищей, побросавшего их тела за борт и ничего не помнящего об этом, растерянно бродящего по пустой шхуне, удивляясь, куда же все могли подеваться, если шлюпка на месте. Не улетели же они в самом деле на небо и не побросались за борт в припадке массового сумасшествия?

Интересно, какой истории отдадут предпочтение другие?

А какая из них ближе к истине? Это решить было, пожалуй, потруднее. Никто из нас ведь не знал пока, как и раньше, что же на самом деле произошло на «Лолите». Неужели Волошин прав, и мы в самом деле никогда не узнаем этого? Обидно.

Вечером все торопливо поужинали и поспешили на палубу.

Волошин занял место за столиком, посреди которого гордо задира л нос сверкавший, словно и впрямь из чистого золота, бюст барона Мюнхгаузена. Кому он достанется?

— Ну что же, сначала выслушаем замечания по каждому рассказу, — предложил Волошин. — Итак, первая история, рассказанная профессором Луниным: о шаровой молнии, принятой суеверными моряками за дьявола. У кого есть по ней замечания и возражения, прошу.

— У меня, разумеется, — поспешно поднялся Макаров, раскрывая блокнот.

— Ну, разумеется, у тебя! Кто же еще на «Богатыре» страдает в такой степени манией критиканства, — покачал головой Волошин.

Большие друзья, сейчас они предвкушали удовольствие поддеть друг друга, а мы — веселое представление.

— Мои замечания, — продолжал между тем невозмутимо Иван Андреевич, — общие и примерно одинаковые сразу по двум историям — и по той, что сочинил Андриян Петрович, и, к сожалению, по твоей, Сергей Сергеевич. Так что разрешите выстрелить сразу, так сказать, по двум зайцам, или, вернее, уткам. Прежде всего я хотел бы задать один вопрос. Андриян Петрович, рассказанная вами история произошла ночью? — повернулся Макаров к профессору Лунину. — И зарницы, и сияющие в темноте огни святого Эльма, вся эта чертовщина.

— Да, разумеется, ночью.

— Отлично, — кивнул Макаров и повернулся к Волошину: — И твой мираж, так напугавший их, что они покинули свою проклятую шхуну, тоже они увидели ночью?

— Ну, допустим.

— Ты, пожалуйста, не увиливай и не пытайся вывернуться задним числом. Огоньки на мачте и в каюте... Ночью?

— Ну, ночью.

— Вот вы оба и попались, — торжествующе произнес Иван

Андреевич и добавил зловеще: — Только начну я, пожалуй, с тебя, Сергей Сергеевич.

— Пожалуйста, — пожал плечами Волошин. — Валяй выкладывай свои жалкие замечания. Можешь не сомневаться, я отмету их, как пушинку.

— Попробуй. Для начала я, извини за фигуральное выражение, суну тебе под нос две тарелки, согласно подписанному тобою акту, обнаруженные в кубрике на столе. Объясни мне, пожалуйста, кто обедает по ночам?

Все расхохотались.

Когда смех притих, Волошин попытался что-то сказать, но Макаров перебил его новыми ехидными вопросами:

— И кто, кроме явных шизофреников, бредет по ночам? Пишет письма в каюте, где, как помечено в подписанном тобою же акте, нет даже лампы? Не говорю уже о том, что в твоей истории, как, кстати, и у Андрияна Петровича, совершенно не нашли объяснения и другие загадочные вещи, отмеченные тобою же в акте. Зачем на палубе валялся топор — я цитирую акт: «со ржавыми пятнами на лезвии, похожими на кровавые»?

— Кок рубил им головы курицам, — поспешно сказал Волошин под общий хохот.

— Допустим, — усмехнулся Макаров. — Но откуда взялся мышьяк в пище, оставшейся на тарелках? Куда подевался молитвенник, с которым не расставался твой набожный капитан? Разве вы обнаружили его в каюте? Почему об этом не упомянуто в акте?

— Капитан выскочил на палубу с молитвенником в руках, — перебил его Волошин. — Разве я забыл упомянуть об этом? И взял его, конечно, с собой в шлюпку.

— А талисман забыл? — насмешливо спросил Макаров.

— И про приоткрытую крышку люка вы забыли, Сергей Сергеевич, — вставил Володя Кушнеренко, давно выжидавший момента.

— Побит, побит, Сергей Сергеевич! — закричали со всех сторон.

— Сдавайтесь!

— Сдаюсь, с тобой невозможно бороться, — засмеялся Волошин.

Потом, выждав, когда общее веселье немножко утихнет, Сергей Сергеевич добавил просительным тоном:

— Однако, надеюсь, почтеннейшая аудитория все-таки учтет оригинальность моей гипотезы при голосовании?

— Конечно!

— Не сомневайтесь! — слышалось со всех сторон.

— Те же самые замечания относятся и к вашему рассказу, уважаемый Андриян Петрович, — повернулся между тем Макаров к профессору Лунину. — Судовые огни на шхуне, когда мы ее встретили, ведь были погашены. И целый ряд деталей: недоеденный обед, прерванное бритье, недописанное письмо в каюте без лампы свидетельствуют, что «Лолиту» покинули днем, а не ночью. Признаете промашку?

Лунин, улыбаясь, развел руками.

— Ладно, перейдем к третьей истории: о коке, мечтавшем стать капитаном и отравившем всю команду в припадке без-

умия, — объявил Волошин. — Против нее, надеюсь, даже у тебя нет возражений, Иван Андреевич? Ведь твои лаборанты обнаружили в остатках пищи, привезенных с «Лолиты», если не яд рыбы фугу, как предполагал рассказчик, то мышьяк. Что ты на это скажешь?

Макаров с явно показным смирением склонил голову: дескать, крыть нечем.

Но тут неожиданно поднялась сидевшая рядом с ним его жена, Елена Павловна, и сказала:

— У меня есть возражения. Во-первых, морские рыбы содержат в себе природные соединения мышьяка, а человеческий организм способен накапливать его. Это, кстати, до сих пор мешает разрешить давнюю загадку: не был ли отравлен Наполеон? В сохранившихся до наших дней локонах его волос обнаружили мышьяк. Но в таких ничтожных дозах, что невозможно решить: пытались ли отравить императора, как считают некоторые историки, или это просто природный мышьяк, содержащийся в рыбе, занимавшей основное место в питании пленного Наполеона на острове. Я не понимаю, ты же не мог этого не знать, Ваня, — повернулась она к мужу. — Чего ты смеешься?

— Конечно, знал, — ответил Иван Андреевич.

— Так зачем же ты устроил этот спектакль, так зловеще объявив, будто твои лаборанты обнаружили мышьяк в остатках пищи, привезенных с «Лолиты»? — возмутилась Елена Павловна.

— Чтобы подлить маслица в огонь вашей фантазии. Надо же было помочь Волошину. А все были заинтригованы, сознайтесь.

— А что касается рыбы фугу, — сказала Елена Павловна, — в здешних водах она вообще не водится, только у берегов Японии. Так что отравить ею команду ваш кок, Геннадий Петрович, не мог. Хотя справедливость требует отметить: серьезные отравления могут вызывать около трехсот видов тропических рыб. Вам нужно было выбрать такую, какие обитают здесь. Но я считаю, допущенные ошибки вовсе не снижают оригинальности вашей выдумки.

Елена Павловна села. Сергей Сергеевич хотел что-то сказать, но попросил слова наш терапевт Семен Васильевич Егоров.

Лысый, с брюшком, выглядящий в шортах совсем кругленьким, он целыми днями с деловым видом снует, точно катающийся шарик, по всему судну, хотя вечно жалуется, что у него совсем нет работы и он изнывает от безделья.

— Деквалифицируюсь я скоро с вами, — мрачно объявляет он и тут же стремительно мчится с озабоченным лицом дальше.

И говорит он быстро, напористо, деловито. Без длинных предисловий Егоров начал и теперь:

— Должен отметить, что рассказ Геннадия Петровича уязвим и с точки зрения медицины. Хотя он и выписал из справочника по неотложной помощи некоторые признаки эпилепсии и довольно ловко вставил их в рассказ, даже специальный термин «плохие дни» упомянул, главный признак этой тяжелой болезни — эпилептические припадки он предусмотрительно «забыл». Почему? Да потому, что тогда бы окружающие, конечно, знали о болезни кока и соответственно относились бы к нему как к больному человеку. — Егоров сел.

— Прошу прощения, Сергей Сергеевич, — вдруг поднялся

старший механик. — Но и у меня есть замечание по рассказу Геннадия Петровича.

— Да? Любопытно. Прошу вас.

— Позвольте узнать, Геннадий Петрович, — наставив на Бой-Жилинского, как пистолет, длинный палец, спросил механик, — почему на обеденном столе, как записано в акте, обнаружены две тарелки с остатками пищи? Если кок всех отравил, как вы утверждаете, и побросал трупы за борт, то с кем же он делил трапезу перед тем, как сбежать с «Лолиты»? Почему на столе оказалась не одна его тарелка, а две? С кем он обедал?

— С привидением, — подал кто-то ехидную реплику.

Другой шутник подхватил:

— С попугаем!

Все развеселились. Волошину пришлось наводить тишину.

Потом он повернулся к секунду и, потирая руки, зловещим голосом начал:

— Ну-с, Владимир Васильевич, настало время взяться и за вас. И позвольте начать мне. Хочется расквитаться. Как говорил кто-то из древних: «Ты, Платон, друг мне, но истина дороже». Итак, позвольте у вас спросить: почему на палубе валялся топор со следами крови на лезвии?

— Вы же сами объяснили, Сергей Сергеевич, — насмешливо сказал профессор Суворов. — Повар им курам головы рубил.

— А загадочный кинжал? — сделав вид, что не слышит, продолжал наседавать Сергей Сергеевич на секунда.

— Придирки! Придирки! — закричали со всех сторон. — Он же сказал: порядка не было на шхуне.

Но тут вдруг снова подал голос механик:

— А про лепешку-то из олова вы тоже забыли, Владимир Васильевич. Откуда она взялась в капитанской каюте? И какое могла иметь отношение к mine, попавшей в сети?

Секонд с обескураженным видом молча развел руками.

— А у меня, — вдруг, вставая, решительно сказал капитан и повернулся к секунду, — есть более существенное возражение, Владимир Васильевич, начисто опровергающее сочиненную вами версию. Я не случайно спросил, где и когда вы занимались обезвреживанием мин, попавших в рыбацьи сети. Дело в том, что уже с тысяча девятьсот шестидесятого года практически неизвестно ни одного случая подрыва кораблей на минах. Разумеется, кроме районов, где продолжались военные действия, — побережья Вьетнама и в других местах. Но прочие акватории давно очищены от мин. Тем более невероятно встретить блуждающую мину в здешних водах. Владимир Васильевич напрасно вас пугает. На просторах Тихого океана мины вообще никто не ставил во время второй мировой войны, только у входов в гавани. И конечно, Владимир Васильевич это прекрасно знает. Ведь знали? — снова повернулся он к секунду.

Тот встал и, понурившись, с видом провинившегося школьника молча кивнул.

— Тогда зачем же вы сочинили сказочку? — наседал на него капитан. — Как говорится: «Ради красного словца не пожалею ни матери, ни отца», так? Нехорошо.

Против замечания Аркадия Платоновича возражать, конечно,

не приходилось. Но у Володи был такой виновато-смущенный вид, что всем стало его жалко.

— Но теория вероятностей ведь не отвергает такой, хотя и редкостной, возможности, Аркадий Платонович, — пряча улыбку в бороде, пришел на выручку штурману профессор Суворов. — Ведь мог же океан целых триста пятьдесят восемь лет носить в засмоленном кокосовом орехе письмо Христофора Колумба, пока оно не попало к людям. Почему же не допустить, что одну мину, поставленную где-нибудь у берегов Вьетнама, и не занесли ветры и течения в рассказ Владимира Васильевича? Мне лично он доставил большое удовольствие, как, наверное, и многим. Отличная выдумка.

— Ну что ж, — сдаваясь, пожал плечами капитан. — Я просто считал необходимым уточнить.

— Спасибо, Аркадий Платонович, — сказал Волошин. — Ну, не станем терять времени, приступим к голосованию. Выберем счетную комиссию из незаинтересованных лиц, каждый напишет на бумажке, какую историю считает самой оригинальной. Записочки сложим в эту вот кастрюлю. Пока мы перекурим, комиссия подсчитает голоса и объявит имя победителя.

В комиссию вошли первый помощник, судовой хирург Березовский и я.

Сев у столика с бюстом Мюнхгаузена, так и сверкавшим в свете ламп, мы следили, как все, подходя по очереди, бросают в кастрюлю записочки.

Любопытство мое все возрастало. Кто же из рассказчиков окажется победителем? Волошин? Профессор Лунин?

Наконец, мы начали подсчитывать голоса. И знаете, что получилось? Наибольшее число голосов получил Андриян Петрович Лунин. Под общие аплодисменты Сергей Сергеевич торжественно вручил бюст победителю.

А тем временем мы плыли все дальше, и опять началась будничная научная работа посреди пустынного океана. Снова пошла размеренная, спокойная жизнь по строгому расписанию: ранняя побудка по зычному призыву из динамиков внутрикорабельной связи: «Подъем! С добрым утром, товарищи!», потом утренний душ, завтрак, оперативное совещание, работа в лабораториях, очередная станция.

Мы изучали Великий океан, чтобы всем судам спокойней плавалось в нем. Атлантика находится под постоянным наблюдением метеорологов и океанографов и уже так хорошо изучена, что наши суда, плавающие там, теперь, в сущности, управляются единым «электронным штурманом» из Москвы. Дважды в день они передают в Москву свои координаты и сведения о погоде. Электронно-вычислительная машина быстро делает необходимые расчеты и сообщает каждому судну поправки к рекомендованному курсу — самый выгодный путь на ближайшие сутки с учетом погоды, волнения, направления ветра.

Скоро такая служба будет налажена и на Тихом океане. Ради этого и бороздят его просторы наш «Богатырь» и многие другие исследовательские суда.

Ученые занимались исследованиями, а вечерами, чтобы отвлечься, смотрели кино или собирались в «Клубе рассказчиков». Страсти еще долго не утихали, мы часто вспоминали

«Лолиту» и продолжали спорить о ее тайне. Опять выдвигались самые фантастические гипотезы насчет загадочного исчезновения ее команды. Но я их приводить уже не стану. Этим можно заниматься до бесконечности, как и строить предположения о тайне «Марии Целесты», «Минервы» и других кораблей, чьим загадкам, видно, до скончания дней суждено будоражить фантазию. А что с ними произошло на самом деле — океан нам, наверное, уже никогда не откроет.

Снова мы часами стояли на носу или на корме, бездумно провожая взглядами убегающие к горизонту пенистые, постепенно успокаивающиеся валы. И, признаться, не однажды я ловил себя на мысли: а все-таки жаль, что не покачиваются вечерами за кормой, над черной водой загадочные огоньки «Лолиты».

Не раз я опять заставал на корме капитана, тоже смотревшего вдаль. В сетчатой рубашке с короткими рукавами, в тренировочных брюках и тапочках, Аркадий Платонович в такие минуты напоминал скорее бухгалтера в отпуске, а не много повидавшего капитана. Иногда он даже не замечал, увлекшись думами, что давно погасла его трубка, и посасывал ее машинально, как пустышку.

И не раз мне хотелось узнать, о чем же может думать капитан, стоя вот так на корме и глядя в воду, вспененную винтами «Богатыря»?

И вдруг однажды Аркадий Платонович словно догадался о моем желании и неожиданно произнес, бросив на меня задумчивый взгляд через плечо, и снова повернулся лицом к океану:

— Вы думаете, это Александр Грин выдумал алые паруса? Задолго до него, еще в средние века, на кораблях делали паруса яркими, цветными — алыми или синими.

— Зачем?

— Чтобы не так скучно было плавать месяцами, а то и годами вдали от дома, — не оборачиваясь, пояснил капитан. — Под серыми-то скучнее. Так что алые паруса вовсе не сказка. И придумали их моряки, не писатель.

И снова он замолчал, глядя вдаль и посапывая давно погасшей трубкой.

Что заставило капитана вдруг вспомнить про алые паруса? Может, внезапно нахлынувшая тоска по дому, по родным и близким, которых не видел он так давно? Или усталость от долгого плавания, только кажущегося спокойным и однообразным до монотонности, а на самом деле в любой момент способного прерваться налетевшим тайфуном, штормом, столкновением с полузатопленным судном в ночной темноте или какой-нибудь иной бедой, по-прежнему, как и много веков назад, подстерегающей плавающих в океане? Или просто он испытывал гордость за моряцкую выдумку, не уступающую писательской фантазии?

Расспрашивать Аркадия Платоновича было неудобно. И мне оставалось только, как и раньше, гадать, о чем же он может думать, провожая взглядом убегающие к горизонту пенистые валы.

Прошло немало времени. Наша экспедиция давно закончи-

лась. Мы вернулись в Ленинград. Я уже был занят иными мыслями и заботами, начинал помаленьку забывать о «Лолите» и смирился с тем, что загадка ее так и останется неразгаданной.

И вдруг зимним вечером, когда наша встреча с покинутой шхуной в пустынном тропическом океане казалась уже совсем нереальной, словно пригрезившейся, мне почвонил Сергей Сергеевич Волошин и сказал:

— Ну, Николаевич, а наш друг Гастон-то Рузе все же не обманул. Прислал письмо, как и обещал. И в этом письмеце ни больше ни меньше как разгадка тайны «Лолиты».

— Не может быть! — вскрикнул я.

— Вы, кажется, меня оскорбляете недоверием? — возмутился Волошин. — Хватайте такси, приезжайте и убедитесь.

Вскоре я уже был у Сергея Сергеевича. Он провел меня в кабинет, где я увидел на столе помятый конверт с адресом на французском и русском языках и пестрыми таитянскими марками, письмо инспектора, тоже весьма измятое, но довольно объемистое, а значит, подробное, как я успел заметить с первого взгляда, — и аккуратную стопочку листов с перепечатанным переводом.

— Предупреждаю, переводил письмо один мой аспирант, — сказал Сергей Сергеевич. — В области техники подает большие надежды, прямо будущий Эдисон. Но к тонкостям и красотам родного языка, к сожалению, глуховат. Не удивляйтесь, что вам попадется немало выражений, несколько странных для француза.

— Ясно, — сказал я, склоняясь над переводом письма.

— Ну ладно, читайте, а я пойду сварю кофе. Или вы предпочитаете какое-нибудь экзотическое герба-мате, чай по-аргентински? Могу сварить и его.

Я только отмахнулся от Сергея Сергеевича, и он, посмеиваясь, вышел из комнаты. А я начал читать:

«Дорогой мосье Волошин! Дорогие дамы и господа — все, с кем я имел удовольствие так приятно и романтически познакомиться посреди Тихого океана.

Не знаю, когда доберется до вас мое послание — да и дойдет ли вообще, — но должен сказать, я виноват в его задержке лишь частично. Пожалуй, не меньше повинны и вы сами тем, что так безбожно закружили мне голову совершенно фантастическими версиями о том, куда могла подеваться команда шхуны. Потом появились и здесь местные фантазеры, не хуже ваших, якобы спасшиеся с «Лолиты» и знающие, что произошло с ее экипажем. Разумеется, никакого отношения к «Лолите», как выяснилось, они не имели. Всегда находятся люди, желающие попасть в газету и прославиться любой ценой. Но все равно мне пришлось проверять их выдумки, и на это, как вы понимаете, к сожалению, тоже ушло время, я все не мог вам написать.

Кстати, чтобы немножко отомстить за то «засорение мозгов», какое вы произвели вашими сочинениями, я приведу парочку выдумок этих «очевидцев».

Один из них, например, заявил, будто среди пассажиров «Лолиты» оказалось несколько тайком пробравшихся прока-

женных. Когда их разоблачили и, опасаясь заразы, хотели попросту вышвырнуть за борт, они подняли мятеж, устроили на судне настоящее сражение и перебили не только всех членов команды, но и остальных пассажиров. А трупы побросали за борт, акулам. Потом отметили свою победу, выпив спирту из бочонка. Но, протрезвев, испугались возмездия, сели в шлюпку и, покинув шхуну, поплыли к ближайшему атоллу, возле которого она как раз проходила.

Неплохо придумано, верно? Жаль только, следов этого невероятного побоища почему-то совсем не осталось на шхуне. Да и почему бы мятежникам, покидая судно, его основательно не пограбить? Как говорится: «Семь бед — один ответ». А они даже золотые часы не прихватили из капитанской каюты.

Другой фантазер — из адвентистов седьмого дня — кричал на всех перекрестках Папезте, будто он был пассажиром на «Лолите» и стал свидетелем чуда. Несмотря на все его увещевания, матросы постоянно играли в карты, пили спирт и сквернословили. Тогда он обратился с горячей молитвой к господу, и тот услышал ее. Господь наказал нечестивцев, лишив их, как полагается, разума: побросав карты, гитару и аккордеон, все члены команды кинулись за борт. Последним с душераздирающим криком прыгнул в океан капитан, и его тут же сожрала громадная акула.

Адвентист же не пожелал оставаться на проклятом судне. Он сел в шлюпку и отдался на волю господу, который чудесным образом и доставил его благополучно домой, в Папезте.

На мое первое же замечание, что у сочинителя этой истории ведь есть несомненное алиби, ибо, по крайней мере, десяток людей видели его в те дни, когда он якобы странствовал на «Лолите», преспокойно шляющимся по улицам Папезте, и на мою просьбу объяснить это противоречие наглещ, нимало не смутившись, ответил: «В Папезте находилась лишь моя телесная видимость, оболочка, душа же моя была на «Лолите»...»

Как видите, и у нас умеют неплохо фантазировать. Ну а теперь, когда я немножко расквитался, засорив вам головы нашими местными выдумками, изложу кратко мою собственную версию. Разумеется, она далеко уступает в красочности историям, сочиненным вашими учеными, но, как мне, во всяком случае, казалось, выглядит гораздо правдоподобнее и убедительнее, ибо я исходил из знания местных условий и понимания психологии местного населения, — хотя, к сожалению, весьма, разумеется, неглубокого и относительного.

Я считал, на «Лолиту» напали пираты, не успевшие ее ограбить лишь потому, что вы их испугнули.

Возможно, вы мне не очень поверите, но пиратство, к сожалению, процветает и поныне — особенно в проливах между бесчисленными островками Малайского архипелага (наверное, вы слышали хотя бы о знаменитой мадам Вонг). Случаются иногда нападения пиратов на суда и в наших краях, хотя, к счастью, гораздо реже.

Приведу лишь один печальный пример.

Несколько лет назад тут у нас бесследно исчезла английская

шхуна «Белла», тоже собиравшая копру, странствуя от острова к острову. Мы пробовали ее искать и на буксирном катере, и даже наняв гидросамолет, хотя он принадлежит частному лицу, заламывающему по шестьдесят пять тысяч франков за один час полета. Разумеется, были оповещены о ее исчезновении и все суда в этом районе Тихого океана. Но никаких следов шхуны обнаружить не удалось, ее исчезновение так и осталось загадкой. Решили, будто она погибла со всей командой во время тайфуна.

Только через три года японская полиция случайно арестовала двух гангстеров, подозревавшихся, кроме прочего, и в связях с пиратами. Во время допросов они, стараясь выторговать себе меньшее наказание, рассказали, будто слышали от участников этой операции, что «Беллу» захватила одна из пиратских шаяк. Они даже утверждали, что всех членов экипажа и пассажиров после ограбления перебили, кроме двух женщин — Анны Бертон и Луизы Макдорман, проданных в рабство на один из островков, служивших пиратам базой.

По наведенным справкам, две эти женщины действительно числились среди пассажиров «Беллы», так что рассказу гангстеров, видимо, можно верить. Но названия острова, где якобы находятся в плену у пиратов несчастные женщины, они не знали или побоялись сообщить, опасаясь мести сообщников.

Мы пытались разыскать этот остров, но безуспешно. Вы прекрасно знаете, что островков и атоллов у нас тут столько, что обследовать их потруднее, чем обнаружить иголку в стоге сена.

Вероятно, жертвой пиратов стала и шхуна «Моника», тоже исчезнувшая бесследно несколько лет назад. На ней была рация, и она поддерживала связь с портом Нумеа, куда направлялась. И вдруг связь прервалась буквально на полуслове, словно на радиста кто-то внезапно напал. С тех пор «Моника» бесследно пропала. Вполне возможно, после ограбления она была кому-то продана пиратами и теперь преспокойно плавает, слегка переделанная и под иным именем где-нибудь в Средиземном море.

Так что, как видите, для такой версии основания у меня были. А подсказало мне ее возможность сделанное мимоходом замечание вашего второго штурмана, мосье Кушнеренко, о каком-то судне, которое он, стоя на вахте, заметил неподалеку от «Лолиты», когда впервые обратил внимание на странности в движении этой шхуны.

Мосье Кушнеренко в совершенстве знает французский язык и весьма остроумен, так что беседы с ним доставили мне большое удовольствие, о чем я прошу вас, если можно, еще раз передать ему вместе с моей благодарностью и самыми лучшими пожеланиями. Кроме того, он еще и человек весьма наблюдательный и дисциплинированный, что чрезвычайно важно для моряка (и, несомненно, в самое ближайшее время поможет ему стать превосходным капитаном). Он не только заметил судно возле «Лолиты», но и сделал пометку об этом в судовом журнале. А затем запомнил, что это судно после того, как «Богатырь» направился к «Лолите», чтобы выяснить, почему она не отвечает на сигналы и движется как-то странно, — это судно поспешило уйти, скрылось за горизонтом. Обо всем этом

мосье Кушнеренко рассказал мне в беседе, которой я его утомил.

Но это-то его наблюдение, которому никто из вас не придавал значения, и подсказало мне мою версию. Видимо, так поспешно скрывшееся судно было пиратским. Пираты только что напали на «Лолиту», начали ее грабить, открыли трюм и, возможно, хлебнули немного спирта.

Свидетелей этих событий, разумеется, к сожалению, не осталось. Но вы наверняка потребуете от меня обоснования моей версии, как и от всех ваших рассказчиков, сочинивших такие занимательные истории. Следую их примеру.

Прежде всего меня заинтересовал кинжал, валявшийся на палубе. (Кстати, это вовсе не малайский крис, а непальский кукри.) Это довольно необычное оружие для наших краев.

Полинезийцы слишком ленивы и добродушны, чтобы заниматься пиратством. Стянуть что-нибудь, что плохо лежит, еще куда ни шло. А пиратство дело для них слишком хлопотливое, да и опасное. Им занимаются в основном китайцы, индонезийцы, индийцы (в том числе и непальцы) — их немало у нас на островах.

Я исследовал наиболее подозрительные пятна на палубе. Некоторые из них оказались действительно кровавыми — от кур и животных, которых тут резали, чтобы отправить в котел.

Однако возле штурвала я обнаружил на палубе пятно от человеческой крови, пролитой совсем недавно.

Вот еще доказательства грабежа: пытались взломать денежный ящик, но не успели.

Кроме пулевой пробоины в окне капитанской каюты, я обнаружил два свежих следа от пуль в верхней части задней мачты, в так называемой грот-стенге, стреляли тоже из пистолета двадцать второго калибра.

Капитан Френэ, даже будучи таким пропойцей, каким его изобразил в своем рассказе профессор Лунин, вряд ли бы допустил, чтобы осталась открытой крышка трюма, где находились бочки со спиртом. Ведь это был товар, и притом весьма ценный. Его наверняка оберегали. Сдвинуть крышку трюма и оставить ее незакрытой могли только посторонние — и в спешке.

Так вот что произошло, как я себе это представил.

Только пираты начали обшаривать шхуну, как вдруг появились вы.

Что им оставалось делать? Забрав всех членов команды и пассажиров «Лолиты» к себе на борт, пираты решили на время отойти в сторону переждать, пока вы проплывете мимо. (Возможно, они даже оставили на борту одного из своих матросов. Потом, когда дело неожиданно повернулось совсем не так, как ожидалось, он незаметно прыгнул в воду и поплыл к своей шхуне, и его подобрал.)

Расчет пиратов был логичным. Если бы даже с большого пассажирского лайнера, каким показалось им ваше судно, и заметили «Лолиту», заинтересовались, почему шхуна движется так странно и не отвечает на сигналы, и даже подошли бы к ней и обнаружили, что на борту нет ни единого человека, брать бы ее на буксир, и менять курс, чтобы доставить шхуну в ближайший порт, конечно бы, не стали. В лучшем случае по-

радовались бы неожиданному приключению, сообщили бы в Папезте координаты шхуны. И преспокойно поплыли дальше.

А тогда пиратам, выжидавшим на горизонте, оставалось только вернуться и без помех закончить грабеж шхуны.

Они не учли одного: что ваш «Богатырь» был советским экспедиционным судном. И что вы пойдете даже на то, чтобы изменить курс и план научных работ и любезно отбуксировать «Лолиту» навстречу нашему спасательному катеру.

Это спутало карты пиратов. И, проклиная вас на всех наречиях (в чем я совершенно уверен, зная немножко этот народ), они были вынуждены убраться восвояси — что не преминул отметить в судовом журнале наблюдательный и пунктуальный, на мое счастье, вахтенный штурман мосье Кушнеренко.

Команду же «Лолиты» пираты, вероятнее всего, прикончили, как и экипаж «Беллы», чтобы не осталось свидетелей. Так что искать капитана Френэ и его людей я считал безнадежным занятием. Свидетелей преступления наверняка не осталось.

Сознаюсь честно: я сам видел в своей версии немало уязвимых мест. Почему, например, пираты не украли часы с капитанского стола? Их так легко было мимоходом сунуть в карман. Почему вообще они, забрав членов команды «Лолиты» к себе на борт, чтобы те не подали вам сигнала о помощи, не оставили взамен на шхуне своих людей? Те бы любезно ответили вам, что у них все в порядке, только небольшая поломка мотора, и в помощи они не нуждаются. И вы бы проплыли мимо, даже не подозревая, что столкнулись с пиратами.

Но по собственному опыту я знаю, что почти в каждой версии всегда остаются какие-нибудь пробелы, так и не нашедшие объяснения «белые пятна» — тем более при расследовании столь необычной истории, как загадочное исчезновение экипажа «Лолиты». На них следователю приходится закрывать глаза.

Не мог же я, согласитесь, всерьез доложить начальству одну из версий, сочиненных вашими учеными: будто моряков прогнала с «Лолиты» шаровая молния, принятая ими за дьявола, или что всех отравил и побросал за борт рехнувшийся кок в приступе помрачения сознания, или их в шутку похитили «подводные» пловцы? Представляете, как бы посмотрело на меня и что бы сказала мне начальство?!

Так что версия о пиратах при всей уязвимости все же оставалась, по-моему, самой реальной. Я мог доложить ее начальству, и оно бы меня наверняка похвалило за оперативность. Дело об исчезновении экипажа «Лолиты» было бы закончено и положено в архив, к удовольствию обитающих в нем мышей.

Но я ошибся! Представьте мое изумление, когда мне вдруг неожиданно сообщили, будто в одном из кабаков Паго-Паго, на Самоа, видели Иотефа — матроса с «Лолиты»!

Признаться, я сначала не поверил. Но через несколько дней, уже от другого человека, вполне заслуживающего доверия, услышал о том же.

Тогда я вылетел в Паго-Паго. И представьте: в первый же вечер в заведении мадам Куок, называемом «Голубой мотылек», я действительно встретил этого Иотефа! Он был не только жив и невредим, но и сильно пьян. Это исключало всякие сомнения,

будто передо мной призрак, ибо, насколько мне известно, никто еще не встречал пьяных привидений.

Спьяну он пытался рассказать мне сказочку о том, как на «Лолиту» напали пираты и всех до единого перебили, а спасся лишь он один благодаря своему исключительному мужеству. Но, проведя ночь в каталажке и протрезвев, утром он рассказал мне, что же случилось на самом деле».

Сергей Сергеевич поставил на стол подносик с разлитым уже по чашкам кофе. Не отрывая глаз от рукописи, я взял чашку и продолжал читать, прихлебывая маленькими глоточками крепчайший кофе, какой умеет готовить только Волошин.

«Вы знаете, в чем заключалась наша общая ошибка? В том, что все мы, включая, к сожалению, и меня, в своих версиях о том, что произошло с командой «Лолиты», исходили из казавшегося бесспорным предположения, будто они стали жертвами какого-то преступления или стихийного бедствия.

На самом же деле они вовсе не жертвы. Они попытались прибрать к рукам чужое добро и были наказаны: божественным провидением или судьбой — это уж волен решать каждый в зависимости от своих убеждений.

Итак, вот что рассказал мне Иотефа. «Лолита» уже действительно заканчивала рейс и, выйдя 22 июня с острова Моране, собиралась зайти лишь на островок Рапа, чтобы сбыть контрабандный спирт, купить, если удастся, еще копры и возвращаться в Папезте, куда они торопились к празднику 14 июля — дню взятия Бастилии, самому любимому и веселому на наших островах.

К тому времени на шхуне оставался лишь один пассажир, севший на острове Тематанги. Он был белый, американец. Фамилия его, к сожалению, осталась Иотефа неизвестна, знает лишь, что его звали Томом.

Американец, судя по словам Иотефа, был весьма темной личностью, прожженным авантюристом и пройдохой. В покер он всех обыгрывал, так что после нескольких партий его отстранили от игры.

Он не расставался с пистолетом и хвастал меткой стрельбой. И действительно, как рассказывает Иотефа, несколько раз, выхватив пистолет, просто так, от скуки, с одного выстрела поражал чаек, появлявшихся вблизи шхуны (прошу запомнить эту деталь, она окажется весьма важной для дальнейшего).

А если чаек не оказывалось, американец стрелял просто в верхушку мачты: вот откуда на грот-стенге взялись свежие пулевые следы, озадачившие меня и наведшие на ошибочную мысль, будто «Лолита» подверглась обстрелу и нападению пиратов.

К сожалению, в наши места стремятся не только туристы, приносящие хотя бы немалый доход, но и всякие темные личности, а то и настоящие гангстеры, доставляющие немало хлопот мне и моим коллегам. Сейчас мы пытаемся выяснить, что это был за человек, хотя шансов, как вы понимаете, у нас маловато: обратно пропорционально количеству людей в Штатах, носящих имя Том...

Итак, старенький мотор деловито стучал. «Лолита» спокойно

плыла по океану, и на борту ее царила самая идиллическая обстановка.

Трое матросов, в том числе и наш Иотефа, всю ночь играли на баке в карты с капитаном Френэ и так увлеклись, что не заметили, как наступило утро и в лампе выгорел весь керосин. Их развлекали песенками и игрой на гитаре и аккордеоне молодой матрос Пени и Вишва, кок-непалец (ему-то и принадлежал кукри, тоже введший меня в заблуждение. Замечу, кстати, что кок не отличался аккуратностью, бросал свой кинжал и топор где попало, но вовсе не был сумасшедшим, отличался веселым нравом и неплохо готовил, по словам Иотефа).

Остальные матросы кто наблюдал за игрой, кто досыпал, валяясь на циновках. Все только что позавтракали. Рулевой Темоу томился у штурвала, завидуя игрокам. Суперкарго брился в кубрик. Отлученный от игры авантюрист сидел в каюте и начал от скуки писать письмо жене (недоконченная фраза, видимо, написана им).

Все шло тихо и мирно. Как вдруг рулевой закричал, что видит справа по борту тонущую шхуну.

Все вскочили и бросились к штирборту. Действительно, на горизонте виднелось какое-то судно, почти лежавшее на левом борту.

Капитан Френэ приказал повернуть к шхуне. Она называлась «Санта Фе». На палубе ее никого не было.

Френэ приказал выключить мотор, спустить шлюпку. В нее попрыгали все, включая и пассажира-авантюриста. На «Лолите» остался лишь рулевой Темоу.

Подплыв к полузатопленной шхуне, рассказал мне Иотефа, они все осторожно взобрались на ее накренившуюся палубу. Шхуна, видимо, попала в жестокий шторм, получила пробоину. Команда, вероятно, посчитала, что она вот-вот затонет, и поспешила покинуть ее.

Но шхуна не затонула. В ее носовом, частично затопленном трюме оказались строительные материалы и доски. Они и придали судну дополнительную плавучесть. В кормовой же трюм вода вообще не попала. В нем была насыпана пшеница, а под ней обнаружили несколько мешков с котиковыми шкурами, видимо, купленными у браконьера и вывозившимися контрабандой.

Обрадовавшись неожиданной добыче, все ринулись сначала обшаривать каюты и полузатопленный кубрик, спеша забрать все, что не успели захватить матросы, покидая тонущее, как им казалось, судно.

В это время оставшийся на «Лолите» рулевой Темоу, дурачась, как уверяет Иотефа, закричал, что требует себе тройную долю всего, что они найдут, иначе он сейчас поднимает паруса или заведет мотор и уйдет в Папезте один, оставив их на тонущей шхуне.

Капитан Френэ прикрикнул на него и велел завести мотор и подойти поближе к тонущей шхуне, чтобы они смогли выгрузить из ее трюмов и перевезти к себе на шлюпке, что успеют. Но Темоу продолжал дурачиться, рассказывает Иотефа. Он со смехом поднял грот, делая вид, будто в самом деле хочет уплыть, оставив товарищей на полузатопленной шхуне.

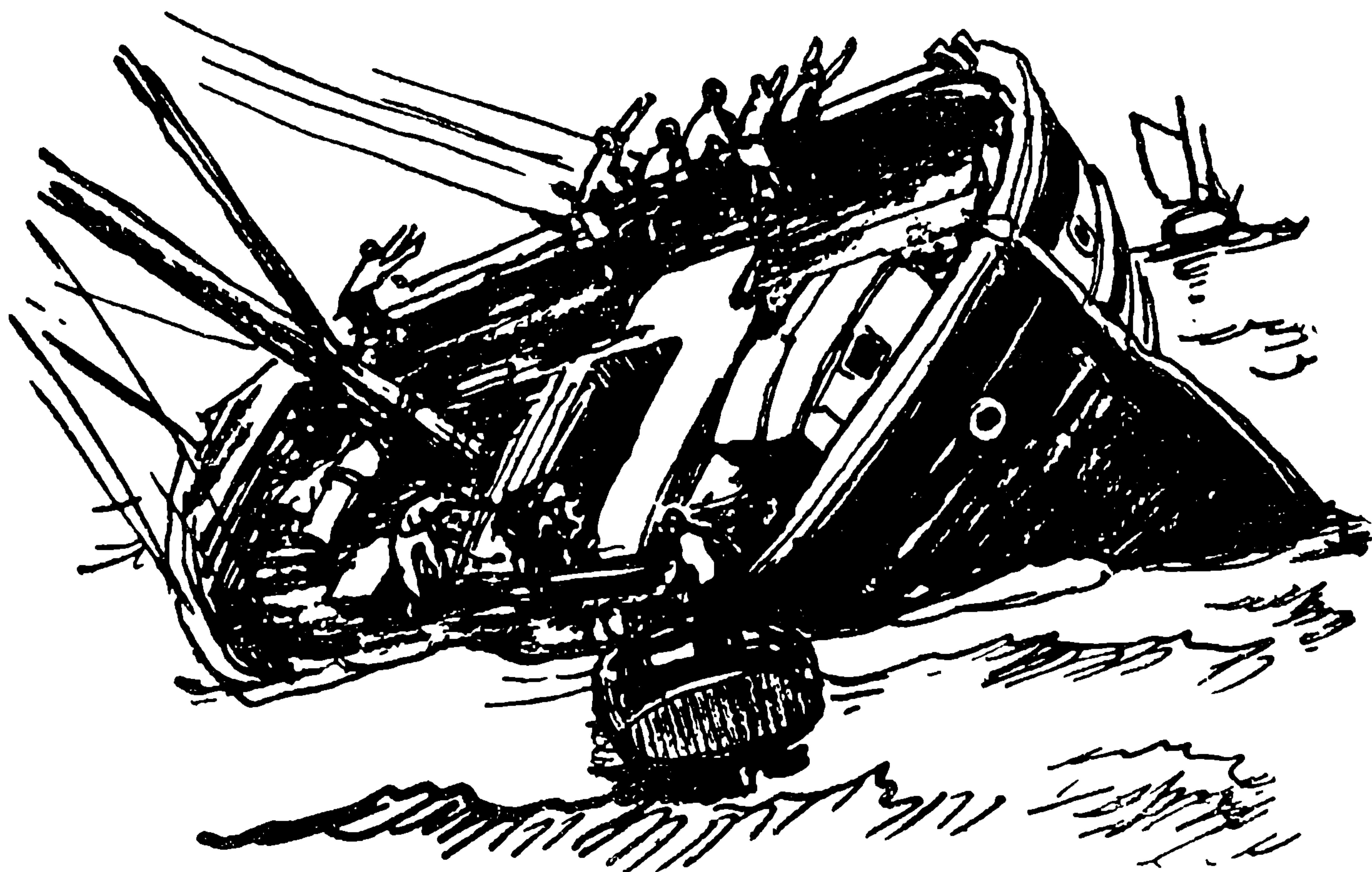
Все заорали, чтобы он перестал валять дурака, спустил парус и не задерживал переправу неожиданно доставшегося груза, потому что «Санта Фе» в любой момент может потерять остойчивость и перевернуться.

Как уверяет Иотефа, все они были абсолютно уверены, зная его веселый нрав, что Темоу только дурачится. Темоу вовсе не собирался бросить их, считает Иотефа. Он бы сделал поворот и подошел к «Санта Фе», как требовал капитан.

Не знал этого лишь белый авантюрист. Он принял угрозу Темоу всерьез.

И нервы у него не выдержали.

Никто и опомниться не успел, как он выхватил пистолет и, потеряв всякое соображение, дважды выстрелил в Темоу!

Стрелок же он, как уже говорилось, был меткий и не промахнулся. (Вот откуда взялись на палубе, возле штурвала, привлекавшие мое внимание пятна недавно пролитой человеческой крови. Но я дал им совсем иное истолкование!)

Бедный Темоу схватился за простреленную грудь, отшатнулся и свалился за борт...

А неуправляемая «Лолита» начала уходить под парусом все дальше от голузатопленной шхуны, с палубы которой матросы провожали ее ошеломленными взглядами. Они еще не могли осознать толком, что произошло, но уже понимали, что догнать на тяжелой шлюпке убегающую «Лолиту» им не удастся...

Видите, я заразился и тоже невольно стал выражаться стилем ваших рассказчиков, так они затуманили мне голову. Постараюсь продолжать с протокольной деловитостью, более подходящей для полицейского инспектора.

О дальнейших событиях Иотефа рассказывал довольно сбивчиво, явно стараясь кое о чем умолчать или солгать. Похоже, расвирепев, они тут же едва не выбросили за борт авантюриста, так глупо застрелившего шутника Темоу, но, видимо, побоялись его пистолета.

Потом, рассказывает Иотефа, капитан Френэ начал осматривать шхуну, чтобы выяснить, как долго она еще продержится на плаву и можно ли на ней добраться до какого-нибудь острова или атолла. Он решил, что надежнее покинуть шхуну и плыть к ближайшему острову в шлюпке.

Они взяли с тонущей шхуны только мешки с мехами, с трудом выкопав их из пшеницы, уселись в шлюпку и поплыли на северо-запад, надеясь за несколько дней добраться до одного из островков.

О том, что произошло далее, Иотефа начал уже окончательно темнить. Он уверял, будто через несколько дней белый авантюрист сошел с ума от солнечного удара и, схватив неожиданно топор, начал замахиваться на гребцов. А когда топор попытались у него отнять, он якобы взял да прорубил большую дыру в днище шлюпки. В пробоину хлынула вода, шлюпка стала тонуть. Все они очутились в воде и, держась за обломки, поплыли. Сначала плыли все вместе, но затем ветер и течения начали их постепенно относить друг от друга.

История с сумасшествием белого авантюриста вызывает большие сомнения. Но матрос упорствует в показаниях, и придется, видимо, принять его версию, поскольку других свидетелей того, что же на самом деле произошло в шлюпке, нет, во всяком случае пока.

Я подозреваю, что они просто захотели избавиться от этого пассажира, справедливо считая, что именно по его вине очутились на шлюпке в открытом море после того, как он подстрелил рулевого. Видимо, завязалась ссора, потом драка. Вполне возможно, пистолет у него отняли, и он действительно схватил топор. Но, видя, что его все равно застрелят или просто вышвырнут за борт и ему не миновать гибели в акульей пасти, он решил напоследок прихватить с собой и остальных — и в самом деле прорубил дыру в днище шлюпки.

Он только не учел, что все полинезийцы — отличные пловцы и, очевидно, знают какой-то секрет, поэтому акулы их не трогают. Наверняка американец погиб первым. А остальных, видимо, как рассказывает Иотефа, постепенно унесло в разные стороны. Во всяком случае, как он уверяет, проплыв три дня, держась за доску от шлюпки и прикрыв от солнца голову набедренной повязкой — пареу, Иотефа увидел на горизонте кроны пальм и направился в ту сторону.

Это оказался небольшой атолл с десятком кокосовых пальм. На нем, ловя рыбу, черепах, крабов, снимая кокосовые орехи, которые обеспечили бы его не только пищей, но и питьем, добывая огонь трением веток (этот метод «огненного плуга» известен всем полинезийцам), Иотефа мог бы прожить до глубокой старости, не испытывая ни голода, ни жажды — только скуку. Но, на его счастье, примерно через неделю (счет времени местные жители ведут весьма приблизительно) он заметил на горизонте шхуну. Тогда Иотефа влез на самую высокую паль-

му и стал размахивать своим красным пареу, словно флагом. Его сигнал, по счастью, заметили, подошли к атоллу и спасли его.

Подобравшее его судно шло на Самоа и, конечно, не стало менять курс, чтобы доставить Иотефа в Папезте. А ему тоже было решительно все равно, куда плыть, даже любопытно показалось повидать новые края. Так он и попал в Паго-Паго, устроился тут матросом на паром, а вечерами шлялся по кабакам, иногда спьяну рассказывая о том, что с ними произошло в океане и как убежала от них, в наказание за грехи, родная «Лолита» после того, как проклятый сумасшедший «попаа» подстрелил бедного шутника Темоу.

Спасшая его шхуна называлась, как он сказал, «Мауру». Мы допросили ее капитана, и тот подтвердил, что они действительно подобрали Иотефа на безымянном атолле.

Что касается остальных членов экипажа, их судьба пока неизвестна. Вполне возможно, кто-нибудь тоже околачивается по многочисленным кабакам на Самоа, Фиджи или даже на Гавайях или плавает уже на других судах, забыв о приключении, пережитом на «Лолите».

Или же некоторые из них, вполне возможно, сидят на одном из бесчисленных островков. Кончится тем, что они захватят подошедшую к острову какую-нибудь яхту с богатыми американскими туристами, мужчин перебьют, женщин заберут в плен, сами станут пиратами и положат основание новой колонии...

Пробовали их искать в том районе, где произошла злосчастная для них встреча «Лолиты» с полузатопленной шхуной, даже зафрахтовав за бешеную сумму гидросамолет. Но поиски не дали никаких результатов.

Мы навели справки и выяснили, что чилийская шхуна «Санта Фе» действительно потерпела крушение во время сильного шторма примерно за три месяца до этого у одного из островов Хуан-Фернандес. Она налетела на риф, получила пробоину, стала тонуть, и команда поспешила ее покинуть. Часть матросов погибла, остальным во главе с капитаном удалось выбраться на берег.

Шхуну же, быстро погружавшуюся на их глазах, унесло в открытый океан. Они считали ее погибшей, но, как видите, ошиблись.

Совпали и сведения о грузе, находившемся на «Санта Фе», так что Иотефа, несомненно, не сочинил свою историю — разве лишь некоторые детали.

Мы посоветовались со специалистами, и они объяснили, что «Санта Фе» вполне могла перевернуться и затонуть окончательно вскоре после того, как матросы с «Лолиты», обшаривая ее, открыли трюмы. Особенно опасно, по словам специалистов, тревожить в подобных случаях именно сыпучие грузы, вроде зерна. А матросы с «Лолиты» переворошили его, выкапывая из пшеницы мешки с мехами. Так что капитан Френэ показал себя опытным моряком, предпочтя покинуть опасную шхуну, пока она не перевернулась.

А она, видимо, действительно вскоре после этого затонула, поэтому нам и не удалось обнаружить никаких следов ее в том

районе, где предположительно произошла ее встреча с «Лолитой».

Так что, по-моему, рассказу Иотефа можно в основном верить. Однако все равно в истории «Лолиты» остается немало темного — и, боюсь, уже навсегда.

В заключение постараюсь ответить на вопросы, какие, видимо, у вас наверняка возникнут, судя по тому, что некоторые вещи показались вам загадочными, как отмечено в акте и занимательных рассказах.

Люк трюма, где хранился спирт, как утверждает Иотефа, капитан приказал приоткрыть сам, опасаясь, как бы в нем не накопились винные пары из вскрытого бочонка. В жару это могло грозить взрывом. (Обидно, но вынужден признаться, что не учел этой тонкости, не будучи знатоком особенностей перевозки различных грузов.)

В тарелки с недоеденным завтраком кок никакого яда, конечно, не подсыпал и просто не удосужился их убрать, спеша на палубу, к игрокам в карты. Брился, как я, кажется, уже упоминал, суперкарго — и действительно вроде выскочил на палубу недобритым, услышав о появлении полузатоленной шхуны.

Нактоуз был поврежден, по уверениям Иотефа, еще прежде, несколько лет назад, когда у них на судне служил матрос, страдавший запоями и пытавшийся взломать компас, чтобы опохмелиться налитым в него спиртом.

Дырка в стекле капитанской каюты — действительно результат пулевой пробоины, но также старой, еще более давних лет, как и вмятины на денежном ящике. (Кстати, в нем оказалось около двухсот тысяч местных франков. Продав еще копру, Френэ неплохо бы заработал на этом рейсе, не повстречай, на свою беду, злосчастную шхуну и не попытайся ее ограбить.)

А отверстие в двери сделали специально по приказу капитана, чтобы в помещении было бы не так душно.

Как видите, все загадки объясняются совершенно буднично и прозаически.

Да, остается еще самое загадочное: лепешка застывшего олова на жестяном подносике в капитанской каюте. Боюсь, она так и останется несбысненной. Увы, ничего не попишешь: так всегда бывает в жизни, в отличие от детективных романов, где под конец непременно разъясняются все загадки.

Происхождения загадочной лепешки Иотефа, к сожалению, не знает. Но зато он хорошо знал характер капитана и высказал предположение, кажущееся мне вполне вероятным.

Как подтвердили и другие знавшие его люди, характер у Френэ был такой, что капитан вполне мог, рассвирепев от того, что кок слишком пережарил бифштекс, взять да и расплавить на спиртовке оловянную тарелку с этим бифштексом — просто так, со злости, как швырнул он однажды за борт, по словам Иотефа, кофейник с остывшим кофе.

Не узнаем мы и о том, что это была все-таки за вторая яхта, замеченная рядом с «Лолитой» в момент появления «Богатыря». Возможно, такая же торговая шхуна, случайно оказавшаяся в этом месте.

Вот, пожалуй, и все. Мне остается лишь еще раз поблагодарить всех вас за помощь, какую вы оказали нам в разгадке

тайны злосчастной «Лолиты», и от души пожелать вам всего наилучшего.

Искренне ваш Гастон Рузе.

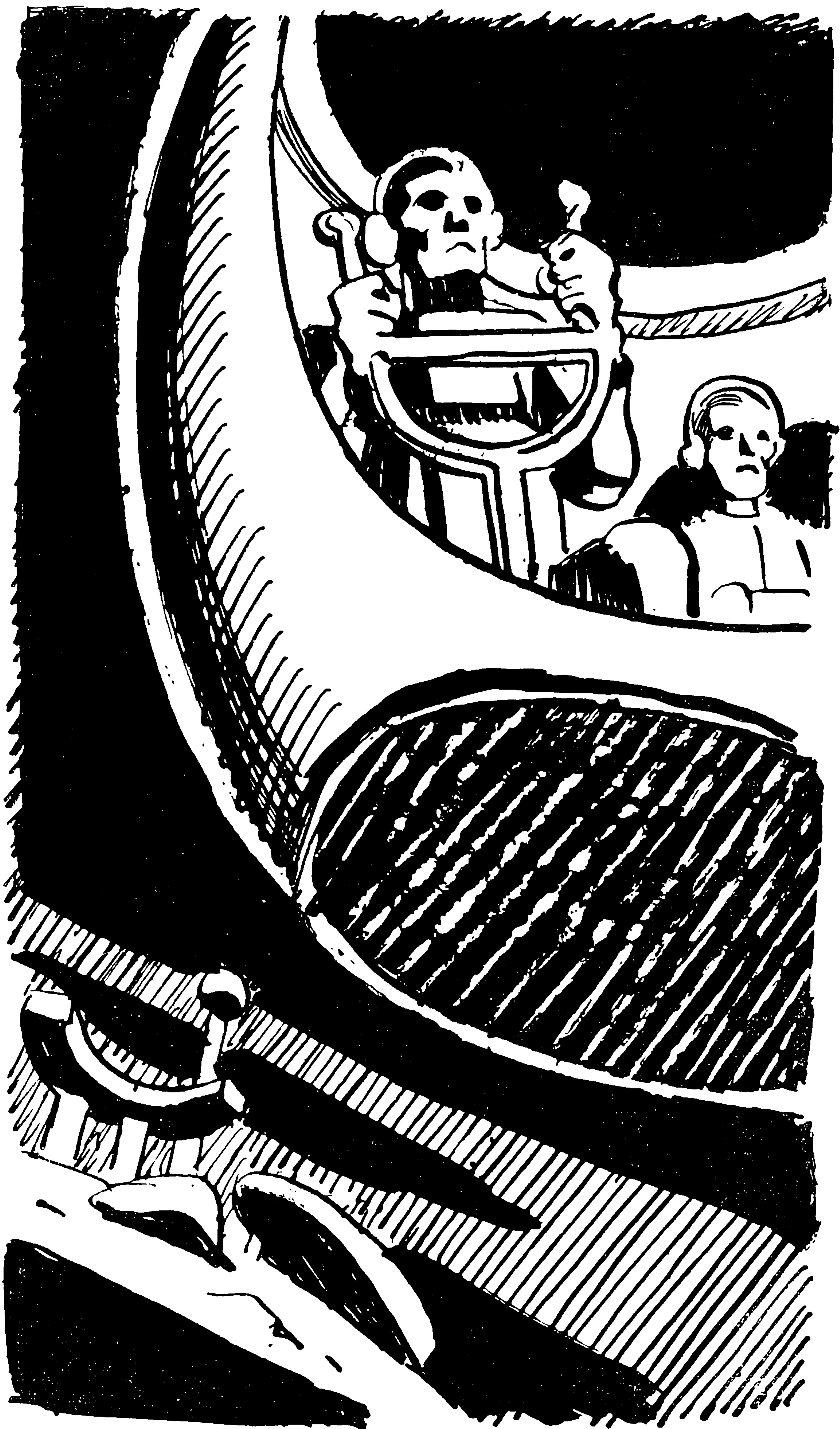
P. S. Да, чтобы закончить все же эту запутанную историю не точкой, а многоточием и дать новую пищу для выдумки ваших фантазеров, сообщаю под занавес последнюю новость.

Три дня тому назад «Лолита», проданная с торгов и приобретенная неким капитаном Гарнье, снова пропала, отправившись в очередной рейс! Мы искали ее с гидросамолета, но пока безрезультатно.

Как вам это нравится? Видно, ей уж написано на роду стать таинственной жертвой океана...

Я отложил последний листок и посмотрел на сидевшего в кресле Волошина.

— Как вам это нравится? — повторил он слова Гастона Рузе. — Совершенно поразительная история и с неожиданной концовкой. Пожалуй, приз за достоверность и близость к истине, какой я хотел еще предложить, присуждать некому. Никто даже близко не подошел к подлинной истории, случившейся с «Лолитой». Как тут не вспомнить мудрые слова старого сказочника Ганса Христиана Андерсена: «Нет сказок лучше тех, какие придумывает сама жизнь...»

Бессменная вахта

Фантастический рассказ

По расписанию мы должны были прилуниться, когда граница между освещенной и погруженной во мрак сторонами Луны проходила через центр кратера. Тихо. Зрелище было отменное: равнины с будто выгравированными на них чернильно-черными, резко очерченными тенями и залитые светом вершины гор... Но я выбрал бы для посадки другое время. Вообще-то, посадка теперь не так сложна, как бывало, а опасность прилунения на ночной стороне практически сведена к нулю автоматикой, однако я предпочитал видеть собственными глазами, куда садится мой корабль. Поэтому я сделал два орбитальных облета и только тогда, когда площадка очистилась от теней, погасил скорость, повернул корабль основанием к лунной поверхности и передал управление радарной.

Посадка прошла гладко, мы почти не ощутили толчка.

Дьюмэрест по своему обыкновению со вкусом потянулся; Френч, третий член экипажа, убрал инструменты, сделал последние отметки в бортовом журнале, и к тому времени, когда Дьюмэрест выключил систему и проделал все, что требовали правила техники безопасности, Френч был готов к переходу в монитор. Зажав под мышкой папку с декларациями груза, судовыми документами и журналом, я присоединился к ним у двери тамбура. Личных вещей у каждого из нас было немного, потому что тогда на космолетах еще ограничивали вес багажа, провозимого бесплатно, а кому охота выкладывать деньги за лишние килограммы.

К нам подполз космопортовский монитор, соединился с корпусом корабля пластиковым переходником, края которого плотно прижались к металлу обшивки вокруг выхода из тамбура; покончив с этим, монитор просигналил и стал ждать, пока мы разгерметизируем люк и выйдем из корабля. Водителем оказался Герман; он приветственно кивнул мне, когда я опустился на соседнее сиденье.

— Удачный рейс?

— Рейс как рейс, ничего особенного.

Ремонтная бригада перешла на корабль и захлопнула за собой дверь люка. Герман задраил наш отсек, открыл клапан, выпустил из переходника воздух, отвел его от корабля и направил монитор к куполу космопорта.

Во время переезда все молчали. Для Германа он был каждодневной рутинной, для нас же — концом путешествия, моментом, когда предпосадочное напряжение неизбежно сменяется резким внутренним спадом. Недели две нам предстояло слоняться без дела, трепаться, осматривать какие-нибудь достопримечательности; можно было даже успеть слетать на Землю. Потом — снова в космос, на Марс, Венеру, а то и на Меркурий; такая уж работа у водителей межпланетных грузовиков: нянчимся с продовольствием и машинным оборудованием на пути к самым отдаленным уголкам солнечной системы, а обратным рейсом везем ценные минералы. Я занимался этим уже пятнадцать лет, и жизнь мою все глубже засасывала трясина обыденности.

Монитор остановился под внешним куполом космопорта.

— Интересно, он все еще там? — произнес Дьюмэрест, первым протискиваясь к выходу из монитора.

Френч пожал плечами.

— Все может быть, если только он за наше отсутствие не отдал концы. А как по-твоему, Фрэнк?

Я не ответил.

— Прилетишь, а он тут как тут, — сказал Дьюмэрест. — До того дошло, что теперь я прямо жду не дождусь свидания со старым Торном. Будто мне светит встреча с Землей, с тем, на что можно положиться.

Мы вошли в большой зал космопорта, где размещались стойки для оформления разного рода документов.

— Он здесь. Все такой же и на том же месте, — сказал Дьюмэрест и ухмыльнулся. — Кто-кто, а старина Торн никогда не подведет.

Торн стоял у выхода из зала, в начале коридора, который вел к жилым помещениям космопорта. Не человек, а живые мощи, иссохший, поблекший, сгорбленный, невзирая на небольшую силу тяготения, с лысеющим черепом, едва прикрытым редкими прядями выцветших волос, с кроткими, тоскующими глазами одинокого, заброшенного щенка.

Я чувствовал на себе взгляд этих глаз, отдавая декларации груза одному чиновнику, а судовые документы — другому. Эти глаза проводили меня до двери пункта радиационного контроля; они ждали меня, пока я, уплатив пошлину, не вернулся с таможни.

Кроткие глаза, глаза, выражавшие неиссякаемое терпение, они пристально вглядывались в каждого прибывшего на Луну человека. Потому что каждый, кто прилетал на Луну, непременно попадал в этот зал, а все корабли, державшие курс к Земле, всегда садились в районе кратера Тихо.

Большинство, равнодушно скользнув по нему взглядом, сразу же о нем забывали. Некоторых, как Дьюмэреста, он чем-то заинтересовал, и возможно, эти люди терялись в догадках, пытаясь объяснить себе его постоянное присутствие в большом зале космопорта. Что до меня, то я знал точно, почему он стоит здесь и всматривается своими кроткими глазами в бесконечный поток лиц.

Он ждал тут своего сына.

Рисунки В. КОЛТУНОВА

— Фрэнк.

Я уже взял разгон, чтобы проскочить мимо, но он шагнул мне навстречу — худые пальцы схватили меня за руку, а в кротких глазах был все тот же извечный вопрос.

Я отрицательно покачал головой.

— К сожалению, ничего нового.

— На борту не было ни одного пассажира? Никого, кроме экипажа? Так-таки никого, Фрэнк?

— Нас было только трое.

Я кивнул на Дьюмэреста и Френча, которые как раз проходили мимо, спеша в гостиницу, где их ждал душ и полный отдых от трудных корабельных будней. Есть экипажи, члены которых проводят время между полетами вместе, но наш к таким не относился. Я был почти уверен, что до взлета не увижу их, разве что нас где-нибудь сведет случай.

— И теперь ни одного корабля целых три дня.

Рука Торна соскользнула с моей. Он знал расписание полетов не хуже диспетчеров.

— А на Марсе вы... Понимаете, о чем я?

— Мы сели в Холмстоне, — сказал я. — Пробыли там двое суток, ровно столько, сколько нужно, чтобы выгрузиться и принять на борт новый груз. Я знаком со всеми тамошними поселенцами, и с мужчинами, и с женщинами.

— Ну конечно. — Он смущенно мигнул. — Я ведь только подумал, а вдруг...

— Ну рассудите сами, — сказал я. — Марс — это та же Сахара. Человек не может бродить по пустыне годами. Ему долго не просуществовать за пределами поселения — без пищи, без воды, без воздуха, который там слишком разрежен.

— Да, наверно...

Он уже шел рядом со мной по коридору. Его общество было мне поперек горла, но я не мог придумать, как от него отделаться. Вначале я разговаривал с ним из жалости, потом — по привычке, а теперь делал это чисто механически, словно бы по обязанности. Я отвечал ему всегда одно и то же, однако, выслушав меня, он всякий раз оставался при мнении, что я, видимо, что-то упустил, в чем-то не прав.

Я предупредил его следующий вопрос:

— Венера тоже отпадает. Условия там похуже, чем на Марсе. Или жизнь в поселении, или верная смерть.

— А как с Меркурием?

— Никаких шансов.

Мы дошагали до конца коридора, и перед нами открылись улицы выстроенного под куполом города. Я вошел в служебную гостиницу, заплатил за ключ и двинулся по проходу к своему номеру. Номер был мал и тесен: койка, стул и небольшой шкафчик — вот и вся меблировка. Он больше смахивал на тюремную камеру, но зато дешево стоил. Я бросил дорожную сумку на койку и повернулся к старику.

— Вы попусту тратите время, Торн. Почему вы не желаете примириться с тем, что это делодохлое?

— Не могу. — Он опустил на стул и принялся разглядывать свои руки. — Вы этого не понимаете... да и все остальные тоже... Но мне необходимо повидаться с Тони.

— Зачем?

— Я хочу ему кое-что сказать.

— Только для этого?

Должно быть, я не совладал со своим голосом, потому что он быстро вскинул на меня взгляд.

— Нет, — тихо сказал он. — Не только для этого. Он же мой сын.

Слова словами, но надо было слышать, как он их произнес. То был голос одержимого, которого ничем не разубедишь. Я растегнул на сумке «молнию», достал из нее туалетный прибор, смену нижнего белья, какие-то безделушки, которые я неизвестно для чего возил с собой, и разложил все это по комнате. Старика я обходил взглядом; если он собирался сказать что-нибудь еще — его дело. Но я все-таки надеялся, что обойдется без этого.

— Шестнадцать лет, — проговорил он. — Какой же это большой срок.

— Слишком большой. — Я швырнул пустую сумку в шкафчик и захлопнул дверцу. — Вполне вероятно, что его давным-давно нет в живых.

— Это исключено! — Он отверг мое предположение с почти оскорбительной резкостью.

— Но почему? — Я уже начал терять терпение. — В ранний период освоения космоса погибло множество людей. Откуда вы знаете, что он не попал в их число?

— Я имею точную информацию о каждом человеке, который умер вдали от Земли. — Выражение моего лица вызвало у него улыбку. — Это стоило денег, Фрэнк, но я ведь достаточно богат и отдал бы все до последнего пенни за то, чтобы еще хоть раз увидеть моего мальчика.

Я молчал. А что, спрашивается, я мог бы ему на это сказать? Я хотел только одного — чтобы старик наконец встал и ушел.

Но не тут-то было: он остался и в который уже раз поведал мне, как оно все произошло. Лучше б он этого не делал.

Тони Торн был молод и горяч, с мечтой в сердце и глазами, которые сияли светом далеких звезд. Мать его умерла; отец отказался пойти ему навстречу и не разрешил записаться в Школу Космонавтов. Это привело к тому, что юный Тони обокрал отца и, прихватив все добытые таким путем деньги, сбежал из дому. Обычная для того времени грязная история шестнадцатилетней давности. Ничего из ряда вон выходящего — ничего, кроме последовавших за этим событий...

— Мне хотелось бы снять с него ту старую вину, — проговорил старик. — Я пытался забыть его, но это не в моих силах. Меня не оставляет мысль, что он где-то в космосе или на одной из планет. Быть может, он женат и обзавелся детьми — это ведь мои внуки. Я хочу найти его и сказать, что я все осознал и прощаю его. — Он заглянул мне в лицо все теми же кроткими, терпеливыми глазами. — Это вы в состоянии понять?

— Лично мне ваши чувства понятны, — осторожно подбирая слова, ответил я. — Но вот вы — вы отдаете себе отчет в том, что может чувствовать он сам? Он убежал из дому шест-

надцать лет назад и за все это время не написал вам ни строчки. Вам никогда не приходило в голову, что он не желает вас больше видеть?

— А если его удерживает страх? Я ведь когда-то был очень строг и не давал ему спуска.

— Шестнадцать лет — большой срок, — упорствовал я. — За такой долгий период человек способен многое забыть.

— Только не своего отца.

— Почему вы так в этом уверены? Ведь именно вы своей неуступчивостью толкнули его на преступление. Вы лишили его права избрать тот путь в жизни, о котором он мечтал. А теперь, когда с возрастом характер у вас стал помягче, вам приспичило найти его, чтобы выразить свое сожаление по поводу того, что тогда произошло. Хотите знать мое мнение? По-моему, вы самый натуральный эгоист. Вот вы кто.

— Возможно, — медленно проговорил он. — Сдается мне, что этим грешат все родители. — Он внимательно посмотрел на меня. — Сколько вам лет, Фрэнк?

— Тридцать три года. А что?

— Тони должно исполниться столько же в его следующий день рождения. Сейчас он, верно, очень похож на вас — те же волосы, те же глаза. — Старик вздохнул и покачал головой. — Значит, вы не встречали его, когда учились в той Школе, а?

— Нет.

— Это точно? Он был очень рослым для своего возраста, увлекался спортом. У него были темные вьющиеся волосы и улыбка — как солнечный луч, пробившийся сквозь облака.

— Торн, вы хорошо представляете себе то время? — Я заставил себя взглянуть ему прямо в глаза. — Государственные школы были, конечно, на высоте, но вам известно, как обстояло дело с ребятами, которые не могли в них попасть и должны были платить наличными за путевку в космос? Они или выучивались сами, или погибали. Сейчас положение изменилось, все учтено, все пришло в норму, но тогда это был сущий ад. И вы считаете, что ваш сын поблагодарит вас за то, что по вашей милости ему пришлось столько выстрадать?

— Он же сам к этому стремился, — возразил Торн.

— Нет, это вы заставили его так поступить. — Я набрал полные легкие воздуха. — Кстати, у вас даже нет никаких доказательств, что он, сбежав из дому, отправился в космос.

— Он не мог поступить иначе, — сказал старик. — Только для этого он и украл те деньги.

— Вот почему вы стоите там, в зале, и пялите глаза на всех, кто прилетает на Луну?

— Это единственное, на что я способен. Я ведь слишком стар, чтобы самому пуститься на поиски: меня не пропустит медицинская комиссия. Тони мог поменять имя, раздобыть другие документы, сделать все, что угодно, и, кроме меня, никто не сумеет его найти. Но когда-нибудь он обязательно вернется домой. И я его встречу.

— Вы сумасшедший. — Я встал, сделал два шага и остановился у металлической стены номера, вперив взгляд в ее гладкую полированную поверхность. Спустя какое-то время я повернулся лицом к старику. — Сумасшедший! Слышите? Сколько

вы уж тут простояли? Два года? Три? А о нем ни слуху ни духу. Почему вы не возвращаетесь домой?

— Я вынужден остаться здесь навсегда. Мое сердце не выдержит перелета на Землю.

— Выходит, вы будете здесь болтаться, пока не умрете, так?

— Да, Фрэнк, — спокойно ответил он. — Выходит, что так.

— А до тех пор намерены торчать в том зале и осматривать всех вновь прибывших. Год за годом вы будете стоять на своем посту, и, когда б я ни прилетел, мне не миновать встречи с вами. Так, что ли?

— Да, — повторил он. — Выходит, что так.

— Уйдите, — сказал я. — Уйдите и оставьте меня в покое.

После его ухода эта клетушка больше чем когда-либо напомнила мне тюремную камеру. Я немного посидел, потом, захватив туалетные принадлежности, прошел по узкому коридору в общую ванную комнату. Там я принял душ, побрился и совершил все, что, как принято считать, освежает человека и пробуждает в нем вкус к жизни. Для меня же это было потерей времени, не больше.

Развлечения на Луне состояли главным образом из занятий разными видами спорта в закрытом помещении. И хотя предприимчивая фирма предлагала желающим еще альпинизм и катание на специальных лыжах по пылевому покрову равнин, меня не привлекало ни то, ни другое. Я выпил в баре стакан виски, принялся за второй, и в это время в дверь заглянул Дьюмэрест. Он увидел меня и, потоптавшись на пороге, куда-то исчез. Ничего удивительного — Дьюмэрест любил поддать как следует, и я ему в собутыльники не годился.

На борту корабля, где не держат спиртного, я мог себе позволить расслабиться. В баре же, зная, как алкоголь развязывает языки, я должен был постоянно быть начеку.

Я был начеку уже шестнадцать лет.

В одиночестве я одолел еще два стакана виски и, почувствовав, как из желудка по телу стало разливаться тепло, опустил монеты в прорезь киноавтомата и вошел в темную смотровую кабину.

Трехмерный фильм был стандартной мелодрамой; главные действующие лица — какой-то юноша, его старая седовласая мать и собака. Сюжет убогий до предела, зато оформление — по первому разряду: я вдыхал аромат хвои, слышал шепот ветра в ветвях деревьев, видел, как по небу величественно плывут облака, и ощущал на руках и лице влагу капель искусственного дождя.

Я словно перенесся на Землю и окунулся в живую зелень родной планеты. Планеты, которую я ни разу не посетил за период, почти равный половине уже прожитой мною жизни.

Фильм начал меня раздражать. Глаза собаки вернули мои мысли к Торну. Седая старуха мать напомнила мне о молчаливом человеке, который, ни на миг не теряя надежды, бдительно нес бессменную вахту в большом зале космопорта. А темноволосый паренек с улыбкой, подобной пробившемуся сквозь облака солнечному лучу, вызвал в памяти события, о которых лучше было бы не вспоминать.

Вернувшись в свой номер, я сел на койку и медленно обвел взглядом металлические стены.

Сходство этого помещения с тюремной камерой было случайным, но факт оставался фактом. Комната, в которой я находился, отличалась от настоящей тюремной камеры только тем, что я мог в любое время открыть дверь и выйти из нее.

Выйти, чтобы сменить это место заключения на другое — космический корабль, летящий в межпланетном пространстве, металлическое яйцо, которое изолирует человека от внешнего мира куда надежнее, чем тюрьма.

Я встал и с неприязнью глянул в зеркало, вделанное в стену напротив шкафчика. Зеркало было большое, в нем можно было увидеть себя всего, с ног до головы. Я злобно посмотрел на свое изображение: исчерченное шрамами лицо, седеющие волосы, затравленный взгляд. Глаза человека, хранящего тайну, которая должна навсегда остаться при нем.

Некоторые люди, совершив преступление, способны намертво об этом забыть. Но есть и другие — те, кто идет на преступление во имя осуществления какой-то мечты. Они потом терзаются муками совести до конца своих дней. И без Торна было несладко, а теперь стало почти невыносимо. Всякий раз, совершив посадку, я ощущал на себе терпеливый взгляд его кротких глаз, напоминавший мне о том, что только я, я один, могу положить конец его бессменной вахте.

Но он простоит там до самой смерти, будет все ждать, ждать, встречая меня в конце каждого рейса. А человек, поселившийся на Луне, живет долго, очень долго.

Я разразился проклятиями, но легче мне не стало. Я проклял тот финт судьбы, который свел меня, бредившего космосом юнца, с мальчишкой, бежавшим из дому в погоне за той же мечтой, но имевшим деньги, чтобы превратить эту мечту в действительность. Я проклял тот булыжник, хрупкий череп, те обгаренные кровью деньги, которыми я заплатил за шестнадцать лет ада.

И полные терпеливого ожидания глаза его отца.

Перевела с английского С. ВАСИЛЬЕВА

На 1-й и 4-й стр. обложки — рисунок А. ГУСЕВА.

На 2-й стр. обложки — рисунок П. ПАВЛИНОВА к повести Глеба Голубева «Секрет «Лолиты».

На 3-й стр. обложки — рисунок В. КОЛТУНОВА к рассказу А. С. Табба «Бессменная вахта».

**Редакционная коллегия: А. Г. АДАМОВ, А. П. ДНЕПРОВ,
А. П. КАЗАНЦЕВ, А. В. НИКОНОВ, А. А. НОДИЯ, Н. В. ТОМАН,
В. М. ЧИЧКОВ.**

**Редакторы выпуска: О. СОКОЛОВ, В. МАЛОВ
Художественный редактор Т. ПРОКУДИНА
Технический редактор А. БУГРОВА**

Рукописи не возвращаются.

**Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Адрес редакции: Москва, А-30, Сущевская, 21. Тел. 251-15-00,
доб. 4-10.**

**Сдано в набор 10/XII 1973 г. Подп. к печ. 23/I 1974 г. А01231
Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 5 (усл. 8,4). Уч.-изд. л. 10,5.
Тираж 150 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 2535.
Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Москва, А-30, Сущевская, 21.**

Леонид СЛОВИН — Вокзал
Глеб ГОЛУБЕВ — Секрет „Лолиты“
А. С. ТАББ — Бессменная вахта

Цена 20 коп.

